

В. И. Воловик

**Философия
политического сознания**

Запорожье
«Просвіта»
2006

УДК 37.013.73

ББК 430 в

В 68

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор **Жадько В.А.**

доктор философских наук, профессор **Кривега Л.Д.**

доктор философских наук, профессор **Мороз И.А.**

Воловик В.И.

В 68 Философия политического сознания. — Запорожье: Просвіта, 2006.
— 169 с.

ISBN 966-653-090-2

Предлагаемая монография являет собой попытку философского осмысления одной из основных форм общественного сознания, каковой является политическое сознание. Работая над монографией, автор рассматривает методологический аспект философии политического сознания, анализирует генезис политической мысли и ее философскую рефлексию, исследуя основные понятия философии политического сознания, политический процесс, политическую культуру, ее состояние в современном украинском обществе, предпринимает попытку выявить основные детерминанты оптимизации развития политического сознания.

УДК 37.013.73

ББК 430 в

ISBN 966-653-090-2

© Воловик В.И., 2006

© Издательство «Просвіта»,
Запорожье, 2006.

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Общеизвестно, что залогом продуктивного анализа той или иной проблемы будь-то в рамках определенной отрасли науки, будь-то в философии, является наличие надежной методологии. Процесс выработки ее на всех этапах человеческой истории всегда отличается сложностью и противоречивостью. Не является исключением и современность. К тому же данный процесс значительно усложнен, с одной стороны, деформацией и догматизацией прежней диалектико-материалистической методологии, обусловленной многолетними требованиями излишне жесткой приверженности ревниво оберегаемым традициям марксизма, а с другой стороны, метафизическим, голым, зряшным отрицанием самого марксистско-ленинского учения, а с ним и лежащих в его основе методологических оснований, которое началось в годы так называемой горбачевской перестройки и, не снижая оборотов, продолжается по сей день. И, если попытаться как-то кратко характеризовать нынешний методологический арсенал обществоведческой науки и социальной философии в странах СНГ, которые образовались на территории бывшего СССР, в том числе и Украины, то следует признать, что его отличает усиливающаяся полифония, круто замешанная на эклектике. Данное обстоятельство, сдерживая формирование надежной методологии, тормозит создание теории развития нашего общества, а с ней становление идеологии государственного строительства в Украине, столь необходимой для осуществления поступательных социальных преобразований. В решении этих задач важную роль призвано сыграть социально-философское осмысление феномена политического сознания, которое мы намеренны начать с уточнения содержания такого важнейшего для нас и наиболее общего понятия, каковым является «политика».

1. К вопросу о содержании понятия «политика»

Анализ значений, в которых употребляется понятие «политика» позволяет сделать вывод о том, что чаще всего они тяготеют либо к суженному толкованию его, ограничиваясь наукой, сферой сознания, либо к более широкому, включающему как духовную, так и материальную деятельность.

Так, например, авторы «Философского энциклопедического словаря», изданного в России уже несколько лет спустя состоявшегося развала СССР, утверждают, что политика «согласно Платону и Аристотелю, единая наука об обществе и городе-государстве» (полисе). Сейчас в учении о государстве под политикой понимают науку о задачах и целях государства и о средствах, которые имеются в распоряжении или бывают необходимы для выполнения этих целей»¹. Авторы «Юридичної

енциклопедії», вышедшей в Киеве практически одновременно с ранее упомянутым московским справочным изданием, считают, что политика есть «система целей и способов их достижения того или иного государства в сфере внутренней и внешней жизни»². С ними фактически солидаризируются авторы «Нового тлумачного словника української мови»³.

Говоря о сторонниках более широкого толкования интересующего нас понятия, а их, надо признать, преобладающее большинство, следует отметить, что среди них также нет единства в понимании его содержания. Исследователи, анализирующие понятие «политика», выделяют ряд подходов в его использовании. В частности, В.М. Бебик обращает внимание на то, что оно применяется для «обозначения определенной области человеческой деятельности и направленности или способа общественной деятельности. В первом случае политика рассматривается сквозь призму участия в государственном управлении, то есть как вид практической деятельности, который может быть направлен на достижение или расширение такого участия или осуществление влияния на процессы государственного управления (государственную власть). Во втором – политика рассматривается как направленность деятельности общественных институтов или отдельных личностей, которые реализуют определенные политические цели»⁴.

Как видим, говоря о первом случае, данный автор концентрирует внимание на том, что политика есть деятельность, связанная с государственным управлением. Однако эту точку зрения разделяют не все. Так, например, российский политолог А.С. Панарин в своем учебнике склонен толковать интересующее нас понятие гораздо шире, считая, что политика есть «форма рискованной деятельности, в ходе которой участники оспаривают друг у друга возможность определять характер и поведение власти»⁵. Если В.М. Бебик связывает деятельность с вполне определенной властью – государственной, то А.С. Панарин – со всякой властью, властью вообще. Вследствие этого феномен политики лишается присущих ему пространственно-временных характеристик. Ведь в таком случае мы ничего не можем сказать о том, когда он возник, при каких обстоятельствах, чем характеризовалось социальное бытие, какие причинно-следственные связи были задействованы при его становлении, какие факторы включены. В самом деле. Если рассматривать власть как способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать желаемое для субъекта воздействие на поступки и поведение других людей с помощью тех или иных средств (авторитет, право, деньги, идеи, насилие и др.), то следует признать, что она существовала задолго до появления государства и государственной власти. К тому же, например, охота как один из основных древнейших видов человеческой деятельности, обеспечивающий удовлетворение самых что ни на есть насущных витальных потребностей, а с ним и существование наших далеких предков, также был связан с риском. И при том с немалым.

Однако ни один из сколько-нибудь серьезных исследователей не решится вести разговор о какой-либо политике в первобытной общине. Определенные проявления власти имеют место в семье, трудовом коллективе, учреждении, учебном заведении. И здесь власть может оспариваться лишенными совсем либо имеющими ее недостаточно субъектами, порой даже с риском для себя, своего благополучия, спокойствия. Но утверждать, что это следует отнести к политике, также было бы вряд ли правомерно. К тому же сам А.С. Панарин далее делает существенное уточнение, справедливо замечая, что «политика связана с появлением публичной власти, отличающейся от «естественной» половозрастной иерархии примитивных обществ; здесь связи по крови заменяются функционально-управленческими связями. В этом качестве политика есть универсальный признак любого организованного общества, избавляющегося от племенной розни и анархии и координирующего свои усилия посредством передачи управленческих функций единому, стоящему над всеми центру»⁶.

Ну, а публичная власть на начальных этапах своего становления, как известно, формировалась по мере возникновения имущественного неравенства, классового деления общества, обусловивших выделение особых групп вооруженных людей, необходимых для защиты интересов экономически господствующих классов, из которых постепенно складывались и росли армия, полиция, тюрьмы, то есть аппарат принуждения как неизменный атрибут всякого государства. Таким образом, отсюда логически вытекает вывод, что политика связана с появлением государства. При этом следует иметь ввиду, что эта связь, возникшая на определенной стадии исторического развития общества как его внутренняя связь, носит существенный характер, поскольку определяет качественную характеристику данного социального организма на всех последующих этапах его существования. С необходимостью повторяясь на каждом из них, она обрела характер устойчивой. Иначе говоря, у нас есть все основания рассматривать связь политики и государства в качестве одной из закономерностей развития любого общества.

Указанное обстоятельство позволяет с достаточно полной определенностью считать, что обоснованная закономерность дает нам ключ к выявлению сущности явления, обозначаемого понятием «политика». Он состоит, как нам представляется в признании неразрывной связи политической деятельности с государством, со всей системой его институтов. Говорить же о политике в ином значении, имея ввиду деятельность, ограниченную рамками какой-либо одной социальной группы, трудового коллектива, учреждения, учебного заведения и т.д., можно лишь условно, в переносном смысле. И следует согласиться с В.И. Лениным, который подчеркивал, что к сфере политики относится, прежде всего, «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержание деятельности

государства»⁷. К тому же на это указывает и значение греческого термина *politike* – государственная деятельность, от которого, скорее всего, и ведет свое начало интересующее нас понятие⁸.

Как отмечалось ранее, возникновение государства обусловлено классовым делением общества. Этот же фактор безусловно детерминировал и становление феномена политики как определенного, особого вида деятельности, которым занимались представители прежде всего экономически господствующего класса, осуществляя, исходя из классовых интересов и существующих в тот или иной период развития общества возможностей государственное строительство. Классовые отношения и сегодня в значительной (если не в решающей) мере обуславливают ее характер. Но, думается, что вряд ли можно полностью согласиться с толкованием политики авторами столь авторитетного в советский период нашей истории «Философского словаря», которые считали, что политика – это «деятельность, связанная с отношениями между классами, нациями и др. социальными группами, ядром которой являются завоевание, удержание и использование государственной власти»⁹. Аналогичное толкование политики культивировалось и другими справочными изданиями¹⁰.

А нельзя соглашаться с ними, поскольку не совсем правильно ограничивать сферу политики лишь отношениями между классами или другими социальными группами, тем самым искусственно суживая и круг субъектов политической деятельности. Эта сфера, как нам представляется, гораздо шире. Она охватывает отношения не только между социальными группами, но и между целыми государствами, государственными институтами, партиями, а также отдельными личностями, которые выступают в качестве субъектов политической деятельности, субъектов политики.

Совокупность этих отношений как раз и образует содержание политики. Последняя, таким образом, предстает в качестве особого вида деятельности, содержанием которой является определенное отношение субъекта к существующей системе государственной власти, ее направленности в той или иной сфере жизнедеятельности общества, проявляющихся в различных формах, способствуя сохранению или изменению государственного устройства.

Предлагаемая дефиниция, как нам думается, наиболее адекватно и полно отражает сущность рассматриваемого феномена, сложность содержания, охватывая огромное многообразие форм его проявления. Последние можно попытаться классифицировать по целому ряду оснований.

Во-первых, правомерно говорить о политике конкретного субъекта, имея ввиду политическую деятельность того или иного политика, класса, более мелкой социальной группы, партии, другой общественной организации, государства в целом.

Во-вторых, в зависимости от направленности политической деятельности субъекта на решение задач, лежащих в пределах данного общества, ограниченной отношениями с субъектами, входящими в его политическую систему, либо пребывающих за пределами общества, охватывающей отношение с субъектами, принадлежащими к иным политическим системам, различается внутренняя и внешняя политика.

В-третьих, в зависимости от объекта выделяется экономическая, социальная, культурная, техническая, аграрная политика, политика в области торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства, образования, науки и культуры, гендерная, экологическая, национальная, региональная, оборонная, кадровая политика, политика в отношении религии и церкви и т.д. Иначе говоря, в данном случае речь идет о всем многообразии институтов и проблем, от которых так или иначе зависит жизнедеятельность общества, сограждан того или иного государства либо отдельных социальных групп.

Каждый из этих объектов, представляет определенную сторону жизнедеятельности конкретного социального организма и, как один из элементов единой системы, находится во взаимосвязи с другими. А перекося в политике на каком-либо участке рано или поздно скажутся на других, да и на развитии социального организма в целом. Преимущественное внимание к оборонной политике, безудержная гонка вооружений в бывшем СССР вели к перекосам в экономической политике, сдерживали развитие отраслей народного хозяйства, производящих продукцию, столь необходимую для удовлетворения растущих потребностей населения, тормозило развитие социальной сферы советского хозяйства, закрепляло складывающийся остаточный принцип финансирования образования, науки и культуры, что, в свою очередь, способствовало формированию у значительной части населения повышенно критического отношения к существующему государственному строю, его возможностям. Последнее усиливалось перекосами в национальной, кадровой политике, что, в конце концов, привело к развалу СССР.

В-четвертых, в зависимости от соответствия или, напротив, несоответствия политики потребностям поступательного развития общества и государства, следует различать прогрессивную, консервативную и реакционную политику. Если прогрессивная политика нацелена на удовлетворение потребностей поступательного развития общества, сформировавшихся на определенном этапе его истории, совершенствование государственной системы в целом и отдельных его институтов, то консервативная – на консервирование сложившихся форм государственного устройства, отказ от каких-либо их изменений, что, в конечном счете, ведет к сдерживанию развития общества, его торможению. Реакционная же политика базируется на сопротивлении всяким прогрессивным преобразованиям в области государственного устройства, стремлении ужесточить существующий политический режим,

лишить силы прогресса достигнутых ими завоеваний. Свое проявление реакционная политика находит в борьбе против революционных, демократических, национально-освободительных движений, ущемлении демократических прав и свобод, в массовом терроре и насилии, в расовой и национальной дискриминации, в агрессивной внешней политике. Крайней формой реакционной политики является фашизм, который опирается на откровенный шовинизм и расизм и нацелен на установление террористической диктатуры шовинистических агрессивных сил.

Следует заметить, что прогрессивная, консервативная либо реакционная политика не существует в рафинированном, чистом виде. Любой субъект, осуществляющий политическую деятельность, будь то монарх, президент, депутат парламента, премьер, партия, в конечном счете явно или скрыто отражают интересы своего класса либо другой социально группы. Они придерживаются прогрессивной политики до тех пор, пока интересы их класса, социальной группы, а следовательно, как правило, их личные интересы совпадают с потребностями поступательного развития общества. И как только возникает расхождение указанных интересов и потребностей, меняется и характер политики, трансформирующейся из прогрессивной в консервативную, а подчас и в откровенно реакционную. Наиболее ярким примером такого рода трансформации является политика Насера. На этапе борьбы за независимость Египта интересы молодых представителей национальной буржуазии, составляющих его партию, полностью совпадали с потребностями поступательного развития египетского общества и прогрессивный характер ее не вызывал сомнений ни у кого из представителей самого радикального крыла международного левого движения, включая коммунистов. Однако после завоевания власти она претерпела изменения, делая крен в сторону консервативности, а на определенном этапе становясь даже реакционной и нанося удары по своим недавним союзникам, представителям левого движения, выступающим за дальнейшее проведение радикальных реформ, что уже не отвечало интересам национальной буржуазии.

От подобного рода перемен политики как со стороны президента, премьера, возглавляемого им кабинета министров, так и партий не застраховано и наше украинское общество, пребывающее на этапе своей трансформации. Это следует иметь ввиду представителям сил прогресса, всем, кто по настоящему заинтересован в поступательном развитии Украины, вставшей на путь независимости, всячески способствуя становлению гражданского общества, которое и должно гарантировать оптимальное развитие политики.

В-пятых, в зависимости от степени интенсивности политической деятельности субъекта следует различать активную и пассивную политику. Негативные последствия для развития общества могут иметь как затягивание назревших преобразований в системе государственного устройства, так и излишняя торопливость, поспешность преобразований в

той же системе, форсирование перемен, к тому же порой непредсказуемых. Сегодня ни у кого уже не вызывает сомнений тот факт, что советское общество ко времени прихода к руководству Горбачева нуждалось в серьезных и существенных переменах. Однако отсутствие объективного и глубокого анализа состояния социального организма, игнорирование закономерностей, которым оно подчинялось в своем развитии во многом также остававшихся для непомерно амбициозного руководства огромной страны тайной за семью печатями, стремление к демонтажу ранее сложившейся системы государственной власти без четкого видения новых форм, которые должны прийти им на смену, обеспечив обновление общества, привели к развалу страны. Очевидным является и то обстоятельство, что политическая элита Украины, активно ратовавшая за ее независимость, после провозглашения юридического акта Верховным Советом оказалась не готовой к борьбе за достижение фактической независимости ни в теоретическом отношении, ни практически. Этим в значительной степени объясняется то, что многие насущные проблемы общественного развития непростительно долго ждут своего решения, скрытые за шелестом газетных страниц и телеэкраном, на которых то и дело демонстрируются уже основательно надоевшие народу душещипательные сцены кадровой чехарды, терзающей страну перманентной борьбы за малопонятную и уже основательно нелюбимую неискушенным в политике большинством наших сограждан власть.

Для того же, чтобы разобраться с тем, что происходит в реальной жизни, нам нужно вооружиться знанием того, что происходит в реальной жизни, и, вооружившись этими знаниями, с большей эффективностью добивается оптимизации политического процесса, необходима надежная методология. И здесь, как известно, без философии не обойтись.

2. Политическая наука и философия

Политика уже давно пребывает в поле зрения как представителей науки, так и философов. Анализируя многовековую историю формирования и развития политологии, К.С. Гаджиев считает правомерным выделить три крупных периода:

“Первый период – предыстория – от античности до Нового времени. Он представлен Аристотелем, Платоном, Цицероном, Ф. Аквинским и другими мыслителями древности и средневековья. Значение данного периода состоит в накоплении и передаче от поколения к поколению политического знания.

Второй период – с начала Нового времени примерно до середины XIX в. – характеризуется формированием важнейших представлений о мире политического, о политике, политической деятельности, государстве, власти, политических институтах в современном их понимании и соответственно элементов их научного анализа. Большой вклад в освобождение политики и

политической мысли от теологии и церковной морали внесли Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Б. Спиноза и др. В данном аспекте в некотором роде этапными можно считать такие работы, как «О свободе слова» Дж. Мильтона, «Левиафан» Т. Гоббса, «Два трактата о государственном правлении» Дж. Локка, «О духе «законов» Монтескье, «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо, «Эссе о гражданском обществе» А. Фергюсона и др. В этих работах в той или иной форме на передний план выдвигалась проблема политического как особая сфера жизнедеятельности людей. Начиная с середины XVIII в. и до конца XIX в. политология постепенно выделялась из комплекса социальных и гуманитарной наук.

В третий период, охватывающий 80-е – 90-е годы XIX в. и первые десятилетия XX в. она институционализировалась и утвердилась в качестве особой дисциплины с собственным предметом исследования, методологией, методами»¹².

Политология занимает подобающее место в системе общественных дисциплин, развивающихся в странах Запада. Свидетельством тому является не только рост выпускаемой политологической литературы, журналов, но и возникновение разного рода организаций политологов, таких, как Американская ассоциация политических наук, Ассоциация политических исследований Англии, французская ассоциация политической науки, а также созданная при содействии ЮНЕСКО в 1949 году Международная ассоциация политической науки.

В Советском Союзе процесс обретения политологией статуса самостоятельной науки искусственно сдерживался. Причиной тому являлось формирование ареола неприкасаемости вокруг исторического материализма, который трактовался отечественными обществоведами как составная часть марксистско-ленинской философии и одновременно общая социологическая теория, наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономической формации¹³. В жестких и тесных рамках этой сложной и еще до конца не осмысленной формы в основном и рассматривались все основные проблемы общественного развития, в том числе и политические. На политологию, как и на социологию, долгое время смотрели как на буржуазную лженауку. Эта точка зрения продолжала бытовать и после 1962 года, когда была создана советская ассоциация политических (государственных) наук. Как справедливо замечает А.Ф. Додонов, некоторые политические проблемы рассматривались в курсах не только исторического материализма, но и научного коммунизма, истории КПСС, теории государства и права, естественно, в рамках формационного подхода. И только в 1989 году Высшая аттестационная комиссия при СМ СССР включила политологию в перечень научных дисциплин. В вузах же Украины ее стали изучать с 1990 года¹⁴.

Определенным аспектом политики, помимо политологии, уделяется достаточно много внимания в монографической литературе, научных сборниках и журналах социологами, юристами, представителями других отраслей отечественной обществоведческой науки.

Не оставляют без внимания политическую проблематику и философы. На Западе еще с 40-х годов XIX столетия происходит процесс становления специальной философской дисциплины – политическая философия. Именно тогда увидела свет работа английского автора Г. Броугэма «Политическая философия»¹⁵. Правда, речь в ней по сути дела ведется о политической науке, но понятие «политическая философия» уже появилось на свет, как бы сигнализируя о необходимости обозначаемого им феномена. В последующем исследованием его занимаются Кэтлин Д., Рассел Б., Страусс Л. и др. западные авторы¹⁶.

Реакцией отечественных обществоведов на исследования западных коллег в советский период нашей истории явилось появление книги «Власть: Очерки современной политической философии Запада»¹⁷. Подготовившая ее в конце 80-х годов минувшего столетия группа советских философов предприняла попытку дать критический анализ учений о власти, разработанных в рамках наиболее влиятельных на то время направлений западной философии и культурологии – психоанализа, структурализма, антропологии. Власть и политика, типология власти, системный и качественный анализ власти, власть и масса, власть и политика литературы, поведенческие концепции власти – таковы основные аспекты проблемы, представленные в данной работе.

После развала СССР в странах, образовавшихся на его бывшей территории, идет процесс формирования политической философии. В стремлении обосновать ее право на существование в качестве самостоятельной отрасли философского знания завидную активность проявляет ранее упомянутый российский исследователь К.С. Гаджиев. Вначале этой проблеме он посвятил специальную главу учебника для высших учебных заведений «Введение в политическую науку»¹⁸; а затем выпустил в свет монографию «Политическая философия»¹⁹; которая почему-то вышла под эгидой научно-редакционного совета издательства «Экономика».

Безусловно, сами по себе факты становления политической науки и политической философии как самостоятельной отрасли философского знания весьма отрадны. Однако развитие как политической науки, так и политической философии встречает на своем пути препятствие, каковым является отсутствие четкой определенности в их толковании, понимании их объектов и предметов. Так, например, американский исследователь Д. Истон толкует политическую науку как «исследование способов, которыми принимаются решения для общества». Отсюда предмет политической науки, по его мнению, включает все действия и институты в обществе, непосредственно связанные со способами, которыми принимаются и осуществляются властные решения, и последствия, которые они могут вызвать²⁰. Французская исследовательница М. Гравитц придерживается мнения, что предмет политической науки составляет то, как люди используют институты, регулирующие их совместную жизнь, и идеи,

приводящие в движение людей, независимо от того, созданы эти идеи ими самими или получены от предшествующих поколений²¹.

Справедливо указывая на узость толкования этими авторами предмета политической науки, К.С. Гаджиев считает, что «предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта. В фокусе ее зрения – такие разные по своему характеру институты, феномены и процессы, как политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политическое поведение, политическая культура, история политических учений и т.д.»²². Такое толкование предмета политической науки вряд ли можно считать корректным. В основе его лежит признание в качестве синонимов понятий «объект исследования» и «предмет исследования». Между тем данные понятия отличаются по своему содержанию. Первое понятие охватывает всю действительную или воображаемую, овеществленную или идеальную реальность, которая представляет интерес для исследователя. Как видим, именно это имеет ввиду К.С. Гаджиев, ошибочно обозначая перечисленные феномены понятием «предмет политической науки», в то время, как в данном случае следовало бы употребить понятие «объект политической науки».

Что же касается содержания понятия «предмет политической науки», то в определении его, как нам представляется, следует исходить из того, что предметом любой науки служат законы, которым подчиняются естественно-исторические феномены, входящие в объект исследуемой реальности, и закономерности как конкретные проявления законов в определенных условиях, на определенной стадии развития того или иного феномена.

Исходя из сказанного, думается, у нас есть основания согласиться с А.Ф. Додоновым, который приходит к следующему выводу: «Объектом политологии является реальная политическая сфера общественной жизни... Предметом политологии являются закономерности становления, функционирования и изменения политической власти. Следовательно, на вопрос «что такое политология?» можно ответить:

Политология – это наука о закономерностях формирования и развития политической власти, формах и методах ее функционирования и использования в государственно организованном обществе»²³.

Заметив это, попробуем разобраться с политической философией. Приступая к выяснению сущности и основных параметров ее, К.С. Гаджиев в качестве исходного выдвигает тезис: «Мир политического как объект политико-философской рефлексии»²⁴. Именно так озаглавлен первый подраздел пятой главы его монографии. Исходя из этого, автор утверждает, что «политическая философия выступает одновременно и как теория познания мира политического, т.е. как политическая эпистемология, и как учение о политическом бытии, т.е. как политическая онтология. В первом качестве она выступает как особая дисциплина (или поддисциплина),

призванная изучать духовные и мировоззренческие аспекты мира политического. Она включает политическую онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию. Во втором же качестве это та сфера духовной деятельности людей, где формируются мировоззренческие, нормативные и ценностные основы мира политического, сама идея политического, идея государства и власти и т.д. Политическая философия, затрагивая одновременно сферы как философии, так и мира политического, располагается в области пересечения философии и политической науки. С одной стороны, политическая философия является частью общей философии в собственном смысле слова. Более того, в качестве самостоятельного феномена на определенном этапе исторического развития она вышла из лона общей философии. С другой стороны, она теснейшим образом связана с политической наукой, и в отдельных своих аспектах входит в последнюю в качестве самостоятельного подраздела. Поэтому очевидно, что ее судьбы теснейшим образом связаны с судьбами как философии, так и политической науки»²⁵.

Разделяя мнение уважаемого автора относительно того, что судьбы политической философии теснейшим образом связаны с судьбами как философии, так и политической науки, следует в то же время отметить, что характер этой связи нам видится, если не совсем иным, то, по крайней мере, существенно отличающимся от того, как его подает К.С. Гаджиев.

Политическая наука и политическая философия принадлежат к различным формам общественного сознания, каковыми являются наука и философия, образующие хоть и взаимосвязанные, но четко очерченные системы. Как и любая наука, политология зарождалась и вызревала в лоне философии, что хорошо видно и из приведенной в начале подраздела цитаты из монографии К.С. Гаджиева, предпринявшего попытку периодизировать становление политологии. В качестве же самостоятельной она, как признает и указанный автор, она окончательно выделилась и утвердилась в 80-е – 90-е годы XIX и первые десятилетия XX века. Очевидно, что к этому периоду следует отнести и время формирования отрасли социальной философии, которая призвана была осуществлять рефлекссию теоретических положений, продуцируемых политической наукой, демонстрируя соответствие или же, наоборот, несоответствие их изменившейся политической реальности. Она-то и получила название политической философии, название, нужно сказать, не совсем удачное.

Оно как раз и дает основание делать ошибочный вывод о том, что «политическая философия затрагивает одновременно сферы как философии, так и мира политического. Дело в том, что философия, как мы не раз об этом уже писали²⁶, предстает в форме экспликации, т.е. развертывания и перестройки мысленных структур, определяющих отношение человека к миру во всем многообразии их проявлений. Она выступает как единство онтологического, гносеологического и праксиологического аспектов, специфически реализуемом в процессе рефлексии различных форм

общественного сознания – научного, религиозного, политического, правового, нравственного и эстетического сознания.

Иначе говоря, философия не может иметь дело непосредственно с самими естественно-историческими феноменами. Она должна заниматься результатами опосредствования их вышеупомянутыми формами общественного сознания. Исходя из этого следует вывод, что вести разговор о философском анализе непосредственно политики, политической деятельности, мира политического, толкуя политическую философию, как философию политики, как это предлагает К.С. Гаджиев²⁷, не совсем корректно. Отрасли же философского знания, призванной осуществлять рефлекссию мысленных, в том числе теоретических моделей указанных политических феноменов, на наш взгляд, более соответствовало бы название философия политического сознания.

3. Философия политического сознания: объект и предмет исследования

Философия политического сознания, на наш взгляд, может быть определена как одна из форм теоретически сформированного мировоззрения, форма экспликации, развертывания и перестройки мысленных структур, которые определяют отношение человека к миру и мир в отношении к человеку, проявляющаяся во взаимосвязи субъектов политической деятельности конкретного социального организма на определенной стадии его исторического развития.

Конечно, предлагаемая нами дефиниция не претендует на истину в последней инстанции. Как и любая иная дефиниция, она лишь частично отражает обозначаемый ею феномен, оставляя право на коррекцию, дальнейшее уточнение, совершенствование. И все же, как нам представляется, эта дефиниция отличается рядом положительных моментов, позволяющих взять ее на вооружение. Прежде всего, она фиксирует основной сущностный признак философии политического сознания, имманентный философии в целом: она выступает в форме теоретически сформированного мировоззрения, осмысливающей мир в отношении к человеку и человека в отношении к миру. Само же осмысление сопряжено не с непосредственным обращением к миру, человеку, политической реальности с ее сложной структурой, а с отражением их в общественном сознании, одной из важнейших форм которого служит политическое сознание. Подчеркивая, что философия политического сознания отражает важнейшую сторону бытия социального организма, дефиниция указывает на принадлежность ее к социальной философии с присущей последней особенностями. Дефиниция, далее, фиксирует специфику философии политического сознания, предстающей в форме мировоззрения, т.е. совокупности взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение мира, места человека в нем и вместе с тем жизненные позиции, программы поведения, действий людей, которая проявляется во взаимосвязи

субъектов политической деятельности. И еще один существенно важный момент: дефиниция акцентирует внимание на том, что философия политического сознания не ограничивается рефлексией какого-либо одного уровня политического сознания, а призвана видеть и анализировать все его уровни. Наконец, последнее: дефиниция подчеркивает существование философии политического сознания как системы философского знания, пребывающего в развитии.

Философия политического сознания характеризуется наличием своего объекта и своего предмета исследования.

Если объектом политической науки, как уже отмечалось, является политическая реальность, все входящие в ее структуру реально существующие феномены, то объектом философии политического сознания служат их мысленные модели. Иначе говоря, анализ, проводимый в рамках философии политического сознания, начинается с того, чем завершается анализ политической науки, т.е. с результатов ее анализа, каковыми являются политические теории, отдельные положения, выводы, идеи.

Различаются также предметы политической науки и философии политического сознания. Если предметом политической науки является познание политики, политической деятельности как вещей в себе, исследование закономерностей формирования и развития политической власти, объективных предпосылок и результатов политической деятельности, то предмет философии политического сознания – выявление детерминант оптимизации дальнейшего развития политической культуры, политического знания, прежде всего политической науки, а с ней и политической деятельности, политического процесса.

Основу политической науки составляют закономерности, которым подчиняется в своем развитии политическая деятельность и знание которых позволяет прогнозировать развитие политического процесса. Основой же философии политического сознания является ее принципы, на основании которых можно прогнозировать пути изучения политического процесса, проблем политической жизни.

Философию называют матерью всех наук. И это не случайно, поскольку ни одна наука не может зародиться и сформироваться иначе, как в лоне философии. Именно философская рефлексия фиксирует ее предпосылки, ее становление, ее готовность выделиться в качестве самостоятельной отрасли научного знания. И соответственно ни одна из сколько-нибудь значимых политических теорий не может появиться иначе, как в результате философского анализа. А произведшая на свет свое дитя философия политического сознания и в дальнейшем не смеет оставлять его без внимания. Она призвана посредством рефлексии, анализа, соотнесения с практикой выявлять истинность теоретических положений, продуцируемых политической наукой, обосновывать детерминанты оптимизации ее развития, направления продуктивного научного поиска.

РАЗДЕЛ II. ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ЕЁ ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Исследуя историю политической мысли, политологи затрудняются точно ответить на вопрос, когда возникла из них первая, предшествующая бесчисленному множеству тех, которые дошли до нас, и кому она принадлежала. Однако со всей определённой можно утверждать, что зародилась она в лоне философии и её критическое осмысление, рефлексия осуществил также философ, дав таким образом толчок становлению философии политического сознания. Приступая к исследованию её генезиса, мы постараемся проследить, как на различных этапах истории человечества осуществлялась рефлексия мысленных моделей складывающихся систем государственного устройства, государственной власти и вёлся поиск детерминант оптимизации развития политического сознания.

1. У истоков философии политического сознания

Государство предстаёт в качестве атрибута цивилизации, становление которой имеет долгую историю. «Археологические исследования, проводимые в течение последних десятилетий, — отмечают Джордж Г. Себайн и Томас Л. Торсон, — а эти исследования ещё совсем не завершены, — значительно расширили наши знания о древнем мире. Хотя, по утверждениям некоторых исследователей, человек появился впервые в Африке, решающий порог становления цивилизации...был пройден где-то около 6500 года до н.э. на Ближнем Востоке. Здесь человек — охотник, собиратель, пастух — впервые и очень естественным способом становится хлеборобом. С того момента простые методы обработки земли постоянно географически расширялись, вплоть до 3000 года до н. э., когда хлеборобские сельскохозяйственные общины можно было найти на побережье Северной Африки, в Европе и Индии, на всём Иранском плато и в Средней Азии. Земледелие перерастало в цивилизацию лишь при конкретных благоприятных обстоятельствах, развиваясь в поймах больших рек. Самая первая, очевидно, возникла в долине между Тигром и Евфратом».¹

Видимо, здесь, в первую очередь, формировались предпосылки и для возникновения государства. Как утверждают исследователи, уже около 5 тысяч лет до н.э. существовали царства в Египте, в Вавилоне государства существовало с 2500 л. до н.э., Древний Китай имел государство уже около 3 тысяч лет тому назад. Среди древнейших государств следует упомянуть также израильское царство Давида (около 1000 лет до н.э.) и царство Урарту (IX столетие до н.э.).²

Зарождавшаяся политическая практика неразрывно связанная с мифологией и становящейся религией, постепенно начинала получать отражение в ещё недифференцированном общественном сознании в виде мифов. Так, например, фараон в том же Древнем Египте понимался как живой бог на земле и наилучший по своим качеством человек, выступающий

в трёх формах власти – быть божеством, монархом и верховным судьёй. Близким к этому было понимание месопотамских и китайских императоров. «Китайцы – делают вывод уже упоминавшиеся Д. Себайн и Т. Торсон, – хотя и начали позже, однако, кажется, много в чём повторили фазы развития, через которые прошли Египет и Месопотамия. Отсюда есть существенное сходство между китайским императором и его властвованием и месопотамским императором или египетским фараоном и их властвованием».³

Однако неразвитость самой политической практики, десятилетиями, а то и веками сохраняющей в неизменном виде как формы политической деятельности, так и её содержание, крайне слабое развитие общественного сознания ещё не позволяли ни египтянам, ни месопотамцам, ни китайцам подняться до уровня философской рефлексии. Это суждено было сделать лишь мыслители Древней Греции.

Правда, *Гомер* и *Гесиод* (VIII-VII в.в. до н.э.) ещё отдают дань мифологии. Так, например в поэме «О происхождении богов» (Теогония) Гесиод наделяет царя уже знакомыми нам лучшим качествами то ли бога, то ли человека:

«Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
Если к суду обратятся он и без труда возмещение
Полное дать, убеждая обидчиков мягкой речью.
Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди,
Как на собрание пойдёт он: меж всеми он там выдаётся.»⁴

Однако на рубеже V-IV веков до н. э. положение дел меняется. Сложившаяся в древнегреческом обществе полисная система подвергнется критическому анализу Гераклитом, Пифагором, Демокритом и Сократом, что способствовало продуцированию философско-политических идей.

Гераклит (от 544-483 г.г. до н. э.), античный философ из горда Эфес, что в малазийской Греции, в своём основном, а может быть и единственном сочинении «О природе», дошедшем до нас в отрывках, сохранившихся в произведениях античных авторов, выступает против традиционного неписанного права, которое защищалось аристократами. Ему он противопоставляет государственный закон, который является мудрым, если основывается на познании. Ведь, как свидетельствовал Диоген Лаэртский, Гераклит утверждал, что «существует единственная мудрость: познать замысел, устроивший всё через всё».⁵ Принятый таким образом закон народ обязан защищать: «Народ должен бороться за закон, как за свои стены».⁶

После завоевания Ионии персами центр античной философской мысли переместился в «Великую Грецию» (совокупность греческих полисов на о. Сицилия и на юге Аппенинского полуострова), где первую философскую школу организовал *Пифагор* (584/582-500 г.г. до н.э.). Основными атрибутами упорядочения общества Пифагор считал религию и мораль. При этом его подход к религии, испытывая влияние персидской и индийской мистики, заметно отличался от тогдашней греческой традиции. Он в

определенной степени являлся освящением классовой исключительности, которая приобретает почти кастовый характер. Религиозные взгляды Пифагора и его последователей пифагорейцев тесно связаны с политической ориентацией и с их пониманием морали, которая была обоснованием определённой «социальной гармонии», опирающейся на абсолютное подчинение демоса аристократии.

Свой вклад в становление философии политического сознания внёс и всесторонне разработавший атомистическую философию *Демокрит* (460-370 г.г. до н.э.), родившийся в г. Абдеры (ионийская колония). Он был решительным сторонником рабовладельческой демократии. Стремясь естественным образом объяснить возникновение общества, Демокрит основным стимулом общественного развития считает примитивный способ удовлетворения потребностей. Общество и законы, согласно Демокриту, не являются инструментом индивидуальности, но скорее лишь ограничивающими средствами. Не осуждая накопления, приобретения собственности, Демокрит осуждает лишь такое приобретение дурными способами, чему должно препятствовать государство. Наилучшей формой государственного устройства мыслитель считает демократический полис. Необходимым условием соблюдения демократии, по его мнению, являются нравственные качества граждан, которые создаются воспитанием и обучением.

Не оставил без внимания интересующую нас проблематику и *Сократ* (469-399 г.г. до н. э.). Первый из трёх великих философов классического периода приходит к выводу, что мир политики – это дело рук человеческих. По мнению Сократа, справедливость вовсе не проистекает от природы, а законы действующие в обществе, устанавливаются людьми, которые их постоянно меняют. Этим мыслитель объясняет то обстоятельство, что политика и государство, как сфера искусственного, созданного людьми, противоречивы и несовершенны. Политический идеал Сократ связывает с аристократией, то есть правлением мудрых и знающих.⁷

Важную роль в становлении философии политического сознания сыграл *Платон* (427-347 г.г. до н. э.) и, прежде всего, два его произведения – «Государство» и «Законы», которые мыслитель посвящает вопросам упорядочения общества.

Государство, считает он, возникает потому, что человек как индивид не может обеспечить удовлетворение своих главных потребностей, когда «...каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом ещё нуждается и имеет нужду».⁸ Намечая семь типов государственного устройства, Платон в качестве первого типа называет идеальный тип общежития, стоящий выше государства и законодательства, и посему в них не нуждающийся. Он строит теорию идеального государства таким образом, чтобы оно являлось следствием его системы объективного идеализма. Это государство возникает как общество трёх социальных групп: 1) *правители* – философы; 2) *стратеги* – воины, задача которых стоять на страже государства; 3) *производители* – земледельцы и ремесленники, которые

обеспечивают удовлетворение жизненных потребностей. Указанные сословия соответствуют трём частям души: у философов преобладает разумная часть души, у воинов – воля и благородная страсть, у ремесленников и земледельцев – чувственность и влечения, которые, однако, должны быть управляемыми и умеренными.

Каждому из сословий соответствует своя добродетель: *мудрость* – добродетель правителей и философов, *храбрость* – добродетель воинов, *умеренность* – добродетель народа. Четвёртая добродетель – *справедливость* – не относится к отдельным сословиям, являясь «надсословной», «державной» добродетелью.

Существующие шесть типов государственного устройства Платон делит на две группы: правильные государственные формы и искаженные, регрессивные, упадочные. Ближе всего к идеальному государству стоит *аристократия*, а именно – аристократическая республика, а не аристократическая монархия. К упадочным Платон относит *тимократию* – власть нескольких личностей, основанную на военной силе, то есть на добродетелях средней части души. В античной Греции этому типу соответствовала аристократическая Спарта V и VI вв. до н. э. Ниже тимократии стоит *олигархия* – власть нескольких личностей, опирающаяся на торговлю, ростовщичество, которые тесно связаны с низкой, чувственной частью души. Главный предмет рассуждений Платона – *демократия*, понимаемая как власть толпы, неблагодарного демоса, и *тирания*, которая в античной Греции, начиная с VI в. до н. э., представляла диктатуру, направленную против аристократии.

Осознание врожденных добродетелей, характерных для отдельных сословий, их соблюдения, по мнению Платона, ведёт к справедливости. Кроме того, он подчеркивает в достижении её значение набожности, почитания богов.

В «Государстве» Платон еще предполагает возможность осуществления справедливого государства. Однако в позднейших диалогах («Политик», «Тимий», «Критий») эту возможность он связывает с далёким прошлым.

Выдающимся учеником Платона и его критиком стал *Аристотель* (384-322 г.г. до н. э.). Ещё во время учёбы в Академии Платона у Аристотеля возникли принципиальные расхождения с учителем. Он не мог согласиться с мнением Платона будто идеи составляют особый сверхчувственный мир, законам которого подчиняется реальное бытие. Став первым, кто глубоко и систематически исследовал все доступные ему работы предшествующих мыслителей, Аристотель приходит к своему пониманию человека, рассматривая его в качестве общественного, политического существа (300Н ПОЛИТКОН). Жизнь в государстве является естественной сущностью человека. Государство мыслитель понимает как развитое сообщество общин, а общину – как развитую семью.

«Общество, – пишет мыслитель в своей работе «Политика», – состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство,

достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа».⁹

Поскольку же первичным общением, согласно Аристотелю, является семья и селение, то, исходя из этого, во многих случаях формы организации семьи он переносит и на государство. Аристотель последовательный защитник рабовладения, считая его естественным состоянием общества, в котором одни предопределены быть рабами, а другие – рабовладельцами.

Общество свободных людей, по Аристотелю, состоит из трех основных классов граждан: очень богатых, крайне бедных, а между ними – средний класс. Крайне бедные, то есть свободные ремесленники и работающие за плату, являются гражданами «второй» категории. Большое богатство – результат «протiwоестественного способа» приобретения состояния, оно нарушает стабильность общества. Способ его добычи «противен человеческому разуму и государственному устройству». Для благополучия государства особую важность представляет средний класс.

Понятия «государство» и «общество» Аристотель, по сути, отождествляет. *Хорошими государственными устройствами он считает монархию, аристократство и политею. Плохими – тиранию* (возникает как деформация монархии), *олигархию* (деформация аристократии) и *демократию* (деформация политеи).

Считая основными задачами государства предотвращение чрезмерного накопления имущества гражданами, чрезмерного усиления власти личности и удержание рабов в повиновении, Аристотель отвергает «идеальное государство» Платона. Идеальным, по его мнению, является государство, обеспечивающее максимально возможную меру счастливой жизни наибольшего числа рабовладельцев. Таким оно может быть в обществе, опирающемся на частную собственность: на орудия труда, земли и рабов. Таким были Афины времён Перикла.

Государство, по Аристотелю, требует определённых добродетелей, без которых невозможно достижение благосостояния общества. При этом философ выделяет три группы добродетелей – *дияноэтические* (разумные), которые возникают преимущественно путём обучения и относятся прежде всего к интеллектуальной, умственной деятельности, и *этические*, которые являются результатом прежде всего привычки и относятся к характеру человека. Гарантию добродетельной жизни мыслитель видит в уклонении от крайностей, в умеренности.

Через всю «Политику» проходит *принцип активной деятельности человека*. Достойной свободного гражданина является жизнь либо практическая (то есть наполненная политической деятельностью), либо теоретическая (наполненная познавательной деятельностью и размышлениями).

Говоря о продуцировании философско-политической мысли, нельзя не назвать и такого мыслителя, как *Марк Тулий Цицерон (106-43 г.г. до н.э.)*. Разрабатывая в своих работах «О государстве» и «О законах» проблемы правового равенства и государства, он считал, что государство и право возникают не по произволу, а в соответствии с общим требованием природы. Государство, по Цицерону, основано на велениях всеобщего разума и справедливости. Оно также является делом народа и возникает в результате согласия в вопросах права и общности интересов. Причину образования государства Цицерон видел в необходимости охраны собственности.

Он выделяет три формы государственной власти: *царская власть*, *власть оптимистов* (аристократов), *народная власть* (демократия). Лучшей формой государства Цицерон считал смешанную форму, важным достоинством которой является прочность государства и правовое равенство его граждан.

Анализируя становление философии политического сознания в древности, мы акцентировали внимание на мыслителях античности, где прежде всего зарождалась философско-политическая мысль. Это однако совсем не означает, что её в этот период совсем не продуцировали мыслители Древней Индии и Древнего Китая. Естественно, идеи их носили преимущественно примитивный характер.

Так, например, в ведической литературе, в частности, в одном из разделов её под названием «Упанишады» (VII-III вв. до н.э.) содержащем древнеиндийские комментарии к ведическим гимнам, боги и обряды, наделяясь философским содержанием, истолковываются как аллегорические изображения человека и вселенной. Из понимания мирового порядка как основанного на божественном законе, выводилось сословно-кастовое деления общества на *брахманов* – жрецов, *кшатриев* – воинов, *вайшьев* – рядовых соплеменников и *шудр* – слуг общины.

В VI в до н.э. в Северной Индии возникает *буддизм* – учение, основателем которого был *Сиддхартли Гуама* (примерно 583-483 г.г до н.э.), сын правителя арийского рода Шакьев из Капиловоста (область Южного Непала). После тщательного изучения Вед и многих лет бесполезной аскезы бывший царевич, покинувший родительский дом, создаёт своё учение. Он приходит к выводу, что миром управляет не божественный закон, а природная закономерность, которая в человеческой жизни даётся разумом. Считая главной целью человека спасение, мыслитель выступал против двух крайностей, как против безудержной погони за мирскими наслаждениями, так и против аскетического умертвления плоти и самоистязания. Он осуждал ведический ритуализм и преклонение перед всякими авторитетами, отрицал святость сословно-кастового деления, считал, что спасение доступно всем людям, призывая к терпимости, всепрощению, ненасилию, воздержанности.¹⁰

Говоря о древнекитайских мыслителях, следует прежде всего назвать *Конфуция* (латиноамериканская версия *Кун-Фу-цзы* – учитель *Кун*, 551-479 г.г. до н.э.). Его социально-политические воззрения изложены главным

образом в книге «Беседы и суждения», составленной последователями Конфуция из записей высказываний и поучений учителя. Преклоняясь перед стариной и стремясь к восстановлению древних обрядов и порядков, Конфуций формирует принцип «исправления имён», то есть приведения положения разорившейся и обнищавшей родовой знати в соответствие с её именами и титулами путём возвращения ей бывшего величия и богатства. Для установления строгой субординации внутри общества и устранения междоусобной вражды внутри знати он обосновал принцип жень и ли, а также ряд таких этических правил, как «почтение к родителям» (сяо), «почтение к старшим» (ди), «верность правителю и своему господину» (чжунь) и др. Придавая важное значение учебе в воспитании человека, мыслитель вместе с тем считал, что только представители знати могут обладать мудростью, которая основана у них на врожденном знании – высшем виде знания. Признавая существование бога, он верил в судьбу.

Во II в. до н. э. при императоре У-ди принципы конфуцианства были канонизированы и объявлены официальной идеологией.

Заслуживающие внимания философско-политические идеи высказывали ученики Конфуция, представители различных философских школ. Проблемами социальной теории и государственного управления, в частности, занимались представители школы, получившей название легизма, ярким представителем которой был Хань Фэй-цзы (ум. в 233 г. до н. э.). Согласно его учению, порядок в обществе – это лишь внешнее сокрытие недостатков. Необходимо, считал мыслитель, заново отрегулировать отношения между людьми и в том числе – между правителем и обществом. Так, правитель только издаёт законы (фа) и указы (мин), вглубь же интересов общества не проникает, ибо в рамках этих законов выработана лишь система наград и наказаний. Развивается мысль о дурной природе человека, который стремится к личному успеху. Подданный продаёт свои способности, чтобы взамен получилось нечто полезное и выгодное. Законы нужны для регуляции этих отношений. Новой исторической действительности должны соответствовать и новые способы управления. Оглядки на порядок в конфуцианском смысле бесполезны и находятся в противоречии с характером новых законов.

Взгляды древности явились каплями, питавшими ручейки, которым суждено было стать истоками, формирующими русло будущей могучей реки под названием Философия. Одним из притоков ее явилась философия политического сознания.

2. Философско-политические взгляды мыслителей средневековья и эпохи Возрождения

Возникшее в I-II в.в. нашей эры христианство в значительной мере обусловило характер развития философии. Сказалось оно и на формировании философско-политических взглядов и идей, продуцируемых мыслителями средневековья, то есть периода II-XV веков. Это нашло своё проявление в

том, что идеологическая ориентация большинства мыслителей средневековья диктовалась основными догматами христианства, в первую очередь догматом о личностной форме бога-творца, в корне отвергавшем атомистические доктрины античности.

Разработка этого догмата связана прежде всего с мыслителем, имя которому *Августин (354-430 г.г.)*. В своей работе «О граде божьм», написанной под впечатлением взятия Рима ордами Адариха в 410 году, мистически осмысливая исторический процесс, Августин делает вывод о существовании двух противоположных видов человеческой общности – «града земного», то есть государственности, которая основана на «любви к себе, доведенной до презрения к богу» и «града божьего» - духовной общности, которая основана «на любви к богу, доведенной до призрения к себе».¹¹ При этом следует иметь ввиду, что «град божий» не тождествен идеалу теократии, в духе которого идеологи католицизма пытались истолковать учение Августина. Мыслитель как раз критиковал «каиновский дух» империи, потребительски организованной позднеантической цивилизации, бездумность римлян-завоевателей, ставших жаловаться на завоевателей, захвативших их город. Всякое насилие, по мнению Августина, достойно призрения, однако неизбежно. Исходя из этого мыслитель хоть и называл государственную власть «большой шайкой разбойников», всё же признавал её необходимой.¹²

На конец первого и начало второго тысячелетия н.э. приходится зарождение и нашей отечественной политической мысли. Речь идёт о работе первого киевского митрополита *Иллариона (ок. 1053 г.)* «Слово о Законе и Благодати», где нашли отражение идеи Ярослава Мудрого, который отстаивал церковную независимость Киевской Руси от Византии, проводится мысль о равенстве народов. Начиная со «Слова о Законе и Благодати» до «Повести временных лет», составленной монахом Киево-Печерского монастыря *Сильвестром* и до «Слова о полку Игореве», написанного неизвестным автором, через все источники красной нитью проходят идеи осуждения междоусобий борьбы князей, необходимости единства русских земель.

Отличительной чертой средневековой философии, получившей название «схоластики» стало то, что она была «служанкой богословия» - (формула Петра Доминиани). Систематизатор ортодоксальной схоластики монах – доминиканец *Фома Аквинский (1225/26-1274 г.г.)* своей основной задачей считал обработку догматов христианского вероучения в формах здравого смысла. Её он решал, опираясь на позднего Аристотеля, канонизировав христианское понимание соотношения идеального и материального как соотношения изначального «принципа формы» («принципа порядка») с колеблющимся и неустановившимся «принципом материи» («слабейшим видом бытия»). В трактате «О правлении государей» Фома Аквинский соединяет восходящие к Аристотелю представления о человеке как общественном существе, об общем благе как цели государственной власти, о моральном добре как середине между порочными

крайностями с христианскими догматами и доктриной о верховном авторитете римского папы. Он признаёт с оговорками право народа восстать против тирана систематически извращающего справедливость.

Последовательным представителем схоластики был *Уильям Оккам (1290-1349 г.г.)*. Отстаивая позиции номинализма, он резко критиковал папство, считая его временной конструкцией. Папы, считал У.Оккам, не безгрешны. Они не являются наместниками Христа на земле. Мыслитель считал, что духовная и светская власть должны существовать отдельно, а первая – ограничиваться лишь церковными делами, религиозными проблемами.

На завершающем этапе средневековья формируется настоятельная потребность по иному взглянуть на человека. На смену характерному для предшествующего периода теоцентризму приходят атропоцентрические, гуманистические мотивы, которые характеризуют эпоху Возрождения (фр. Ренессанс). Претерпевают существенных изменений и взгляды на государство, государственное устройство, государственное правление. Развитие их в это время осуществляется в русле трёх основных концепций: концепции централизованного государства, теории естественного права и утопических социальных теорий.

Первая из указанных концепций получает развитие в теоретических разработках таких мыслителей как итальянец Н. Макиавелли и француз Ж. Боден.

Николло Макиавелли (1469-1527 г.г.) в своих трудах «Заметки о первых десяти книгах Тита Ливия» и «Правитель» («Князь») отделяет политику от теологических представлений, считая её автономной стороной деятельности. Политика, по мнению Н.Макиавелли, является воплощением свободной человеческой воли в рамках необходимости («фортуны») и определяет её не бог или мораль, а практика, естественные законы жизни и человеческая психология. Мотивами же политической деятельности являются реальные интересы, корысть, стремление к обогащению.

Политическим идеалом Макиавелли была умеренно демократическая республика, создание которой в условиях политической раздробленности тогдашней Италии он считал невозможным. Национальное же объединение страны Макиавелли связывал с деятельностью сильного государя, который должен руководствоваться не религиозной моралью, а моралью силы, позволяющей по отношению к врагам быть жестким, хитрым, грешным и беспощадным.

Жан Боден (1530-1596 г.г.), излагая свои воззрения в работе «Шесть книг о государстве», подобно Макиавелли, ставит интересы государства выше религиозных. Государство, основу которого, по мнению Ж. Бодена, составляет семья, представляет собой кровнородственное содружество, которое формируется независимо от воли человека под влиянием естественной среды. Этим обуславливается характер того или иного народа, присущие ему черты, привычки и наклонности. Государство определяется Ж. Боденом как правовая власть над социальными вопросами нескольких

семей, которой принадлежит решающая сила. Монарх – единственный, абсолютный источник права, суверенности. Тип государства, по мнению мыслителя, зависит от климатических условий.

Проблема права – одна из тех, которые активно обсуждались в эпоху Возрождения. Среди мыслителей, занимавшихся ею, особо выделяется голландский юрист, историк и политик *Гуго Гроций (1583-1645 г.г.)*. Исходя из концепции двойственной истины, Г. Гроций признаёт существование божественного права и права человеческого. В последнем же считает необходимым различать *гражданское право*, возникающее исторически и обусловленное политической ситуацией, и *естественное право*, которое вытекает из естественного характера человека, являясь предметом не истории, а философии. Сущность естественного права, по Гроцию, состоит в том, что оно основывается не на воле бога, а на природе человека, отличие которого от животных в его стремлении к мирному общению, организованному согласно требованиям разума. Война, считал мыслитель, есть проявление враждебного отношения друг к другу, имевшем место при разрозненном существовании людей. Из общественного характера человека, лежащего в основе естественного права, вытекала необходимость общественного договора, который люди заключают для обеспечения своих интересов, образуя таким образом государственный союз.

В эпоху возрождения возникают утопические теории, в которых получает своё выражение идеи социального равенства, служащие проявлением критического реагирования передовой философско-политической мысли на явления, сопряженные с углубляющейся социальной дифференциацией, связанной первоначальным накоплением капитала. Возникновение утопических учений связано прежде всего с работами английского гуманизма Т.Мора и итальянского монаха Т. Кампанеллы.

Томас Мор (1479-1555 г.г.), главным произведением которого явилась «Книжка поистине золотая и равно полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и острове Утопия», резко критиковал английское государственное устройство, одновременно представляя в качестве идеала устройство и жизнь на вымышленном острове Утопия. Социально-политический идеал Т. Мора в основе своей содержал общественную собственность, высокоорганизованное производство, целесообразное руководство, равное распределение общественного богатства между людьми, каждый из которых имеет равное право и обязан работать. Этот идеал, считал Т. Мор, может быть реализован в ближайшем будущем при помощи просвещенного правителя. Т.Мор был казнён.

Вторым представителем мыслителей-утопистов был *Томасо Кампанелла (1568-1639 г.г.)*. В своей работе «Город Солнца» он отстаивает единство церковной и светской власти, выражает мысль о необходимости реализации «царства божьего» на земле, призывает к отмене частной собственности и эксплуатации, исходя из морали христианства. Его Солнечный город, исходя из этого, представлял идеализированную теократическую систему, во главе которой стоит жрец, первый духовник,

отмеченный солнечным символом. Помощниками его являются Власть, Мудрость и Любовь.

Мор и Кампанелла стали предшественниками утопического социализма.

Упадок Киевской Руси, потеря государственности в XIV в. способствовали захвату украинских земель соседними государствами, усилению социального и национального угнетения украинского народа. В этот период появляются различные еретические учения писателей-полемистов, среди которых выделялся *Станислав Ориховский-Роксолан (1513-1566 г.г.)*. Он выступал против идеи божественного происхождения государства и вмешательства церкви в государственные дела. Происхождение государства мыслитель связывал с природным инстинктом людей к совместному проживанию. Верховным же субъектом власти видел короля, обладающего полнотой законодательной и судебной власти. Закон, подчеркивал он, — душа и ум свободного королевства, его правителя, а король — язык, глаза и уши закона.¹³

3. Философско-политическая мысль XVII - первой половины XIX в.в.

XVII век положил начало новому периоду в истории философии, получившему название философии Нового времени. Наряду с рассмотрением проблем теории познания, необходимость рассмотрения которых обуславливалась развитием капитализма, экспериментально-математического естествознания, ослаблением влияния церкви, в этот период получают развитие и философско-политические идеи.

Не оставляет эту проблематику без внимания уже *Фрэнсис Бэкон (1561-1626 г.г.)* — английский философ, основатель материализма и экспериментирующей науки Нового времени. Его философско-политические взгляды нашли выражение в таких работах, как «Новая Атлантида» и «Опыты или Наставления нравственные и политические». Ф.Бэкон был сторонником абсолютистской монархии, военного и политического могущества национального государства и его торгово-промышленного развития. Его «Новая Атлантида» - идеальное государство на острове Бенсалеом основано на рациональных принципах науки и техники, но с сохранением господствующих и подчиненных классов, где значительную роль играет религия, в которой Бэкон видел одну из связующих сил общества. Главным же учреждением «Новой Атлантиды» он считал «дом Соломона» - своеобразный научно-технический центр, сообщество ученых, которые имеют решающее слово в делах руководства и организации населения.

Одним из первых мыслителей, у которых воззрения на государство и общество опираются не на теологию, а на разум и опыт, был *Томас Гоббс (1583-1679 г.г.)* — английский философ-материалист, современник английской буржуазной революции, во время которой эмигрировал в Париж. Исходной точкой учения мыслителя о государстве и человеческом обществе,

изложенного в его работах «О гражданине», «Левиафан», является «естественное состояние людей», которым до создания общества была «война всех против всех» в которой не могло быть победителей. Государство, считал он, было учреждено в целях обеспечения мира и ограждения безопасности. В результате общественного договора на государя (или государственные органы) были перенесены права отдельных граждан, якобы добровольно ограничивающих свою свободу. Определяя государство, Т. Гоббс пишет, что это «есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путём взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты».¹⁴

Благо народа, по Гоббсу, — высший закон государства. Кроме этого, он выделяет 20 законов, лежащих в основе функционирования государства, которые сводятся к известному «золотому правилу»: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе». Лучшей формой государственного правления Гоббс считал абсолютную монархию.

В то же время он видел негативные стороны государства, которое считал чудищем Левиафаном, искусственным организмом, в котором все люди только винтики. Отсюда делался вывод о бессмысленности борьбы против государства. Гоббсу принадлежит одна из первых формулировок концепция отчуждения.

Представляют интерес мысли об обществе и государстве, которые высказал итальянский философ *Джамбаттиста Вико (1668-1744 г.г.)*, выдвинувший теорию исторического круговорота, в соответствии с которой развитие всех наций осуществляется по циклам, состоящим из трёх эпох: божественной (безгосударственность, подчинение жрецам), героической (аристократическое государство) и человеческой (демократическая республика или представительная монархия. Вико утверждал, что каждый цикл кончается общим кризисом и распадом данного общества. Смена же эпох происходит в результате общественных переворотов, борьбы между отцами семейств и домочадцами в патриархальном обществе, а позднее — борьбы феодалов и простого народа. Государство, считал Вико, как раз и возникло для обуздания отцами домочадцев — слуг.

В 1680 году в Англии было опубликована работа Р. Филмера «Патриарх, или естественная власть королей», направленная против общественного договора Гоббса, в которой автор трактовал верховную власть как власть никем не ограниченного монарха». С критикой этой работы выступил английский философ *Джон Локк (1632-1704 г.г.)*, опубликовав «Два трактата о государственном правлении». Он изложил своё учение о происхождении государства, в котором клерикально-роялистским идеям, проповедующим неограниченность королевской власти, якобы обязанной не человеческим установлением, а божественному авторитету, противопоставляет своё понимание общественно-государственной жизни.

Основываясь на фундаментальной идее индивидуалистической борьбы за самосохранение, Локк развивает тему собственности и труда как

неотъемлемого атрибута естественного человека вынужденного удовлетворять прежде всего свои витальные потребности. Собственность, убежден Локк, всегда свойственна человеку и неотделима от человеческого эгоизма. Выражая, по сравнению с Гоббсом, потребности более зрелого буржуазного общества, Локк подчеркивает значение частной собственности.

Считая, что государство своим происхождением обязано общественному договору, Локк впервые в истории политической мысли выдвинул идею разделения государственной власти. Она, по его мнению, должна состоять из трёх независимых, но взаимосвязанных институтов: законодательной власти (предназначенной парламенту), исполнительной (принадлежащей в основном суду и армии) и федеральной, ведающей отношениями с другими государствами (принадлежащая королю и его министрам). Данная концепция конституционной монархии представляла собой теоретическое осмысление компромисса между буржуазией и дворянством, который был окончательно закреплён английской революцией 1688 г.¹⁵.

Среди украинских мыслителей этого периода, которые занимались проблемами общественно-политического развития следует назвать *Петра Симеоновича Могилу (1596-1647 г.г.)*, который выступал против униатско-католического засилия, отстаивая идею верховенства православной церкви и сильного православного царя, «опекуна подданных» и его ученика *Иннокентия Гизеля (1600-1683 г.г.)*, который признавал право подданных на восстание и лишение государя власти, настаивал на представлении царем своим подданным свобод, а украинской церкви — автономии, а также *Филиппа Орлика (1672-1742 г.г.)*, под руководством которого разрабатывались «Конституция прав и свобод Запорожского войска».

Если страной наиболее динамичного развития и острых социальных конфликтов в XVII в. была Англия, то в XVIII в. конфликты и противоречия заметно обостряются во Франции, приводя к буржуазной революции, которая разразилась в этой стране в 1769 году. Это нашло отражение в дальнейшем развитии философско-политической мысли.

Здесь следует прежде всего сказать о вкладе представителей французского Просвещения. Виднейшим представителем его явился Вольтер – писатель, философ, историк, настоящее имя и фамилия которого *Франсуа Мари Аруэ (1694-1778 г.г.)*. Его философско-политическим воззрениям присуща антифеодалная направленность. Вольтер выступал за равенство граждан перед законом, требовал введения пропорциональных имущественных налогов, свободы слова. Критикуя частную собственность, он считал неизбежным деление общества на богатых и бедных. Идеальным государственным устройством Вольтер считал конституционную монархию во главе с просвещенным монархом. Однако к концу жизни он склонялся к республиканскому правлению.

К активности трудящихся масс Вольтер относился отрицательно. Преобразования в обществе мыслитель связал с развитием знаний и подъемом культуры, которые должны привести к осознанию правителями необходимости реформ. Страстно веря в приход «царства разума», Вольтер

писал Даламберу 1 марта 1764г.: «Растет новое поколение, которое ненавидит фанатизм. Наступит день, когда у руководства встанут философы. Готовится царство разума».¹⁶

Если Вольтер представлял высшие слои «третьего сословия» французского общества, то *Жан Жак Руссо (1712-1778 г.г.)* – его самые низшие слои. Считая основой общественной жизни «телесные потребности», то есть материальную сферу, Руссо главную причину перехода от равенства (естественное состояние) к неравенству людей видел в частной собственности, возникновении государства и во взаимной зависимости людей друг от друга. Эта зависимость, по мнению Руссо, вызвана развитием разделения труда и цивилизации (городской культуры).

Переход в состояние свободы, по Руссо, требует заключения подлинного общественного договора. Для этого нужно, считает мыслитель, чтобы каждый из индивидов отказался от принадлежащих ему прав на защиту своего имущества и своей личности. Взамен этих мнимых прав, основанных на силе, он приобретает гражданские права и свободы, в том числе и право собственности. В результате общественного договора образуется ассоциация равных и свободных индивидов, или республика.

По условиям общественного договора суверенитет принадлежит народу, что проявляется в осуществлении народом законодательной власти. Свобода, по Руссо, состоит в том, чтобы граждане находились под защитой законов и сами их принимали. Общее благо как цель государства, считал Руссо, может быть выявлено только большинством голосов. Он выступал против доктрины разделения властей, отрицал представительскую форму правления и высказывался за осуществление законодательных полномочий самим народом, всем взрослым мужским населением государства. Мыслитель безоговорочно оправдывает революционное насилие ради ниспровержения деспотизма. Руссо сторонник идеи социального прогресса. Он стоит на позициях эгалитаризма, выступая за всеобщую уравнительность, в том числе и имущественного положения граждан.

Вершину французского просвещения представляет *Жан Антуан Кондорсе (1743-1794 г.г.)*. В своих философско-политических воззрениях он – решительный сторонник республики, но социальное неравенство считает естественным и неизбежным в развитии общества. Творчество Кондорсе проникнуто идеей прогресса и социальным оптимизмом, который исходит из веры мыслителя в разум. Об этом красноречиво свидетельствует вывод мыслителя, к которому он приходит в своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»: «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода».¹⁷

Труды философов Западной Европы оказали большое влияние на формирование политической мысли США в период борьбы за независимость. Это нашло своё проявление в работах такого мыслителя, как *Томас Пейн*

(1737-1809 г.г.), который различал естественные права человека, присущие ему по природе (право на счастье, свобода совести, свобода слова) и гражданские права, которые возникают с образованием государства на основе общественного договора. На основе идеи народного суверенитета, сознания того, что верховная власть в государстве должна принадлежать народу, Пейн делал вывод о праве народа уничтожать любую форму правления, о праве народа на восстания и революции.

Политические взгляды Т.Пейна были близки *Томасу Джефферсону* (1743-1826 г.г.), автору Декларации независимости Соединенных Штатов Америки, считавшего общественный договор основой устройства общества и выдвигавшего идею народного суверенитета и равенства граждан в политических, в том числе избирательных правах, а также *Александрю Гамильтону* (1743-1826 г.г.), который выступал за федеральную форму государственного устройства США, считал, что федерация будет служить барьером, препятствующим внутренним раздорам и народным восстаниям, признавал возможность республиканского строя, но при сильной президентской власти.

Проблемы государства, государственного устройства волновали и представителей немецкой классической философии. Её родоначальник *Иммануил Кант* (1727-1804 г.г.), являясь сторонником договорной концепции государства, развивает идеи правового ограничения государственной власти, обосновывает внутренние моральные истоки свободы человека и роли права в установлении границ производства.

Человек, по Канту, — это цель, а не средство. Способность человека «давать себе закон» и без всякого внешнего принуждения бороться за осуществление этого закона выражает его моральную автономию. Политика, считает мыслитель, есть гармония цели и средства. Высшей формой, обеспечивающей свободу, выступает правопорядок. Право обладает принудительной силой, носителем которой выступает государство.¹⁸

В философском осмыслении мысленных моделей государства и права, поиске детерминант оптимизации развития политической теории важную роль сыграл *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* (1770-1831 г.г.). В работе «Философия права» он разрабатывает идеалистическую теорию государства и права как ступени развития духа в его объективной форме. Свобода личности, по Гегелю, реализуется прежде всего через право на собственность. Представляют интерес и учение Гегеля о гражданском обществе и правовом государстве, которые рассматриваются во взаимной связи с социально-экономической сферой и политикой, его теория групповых интересов как основы гражданского общества. Единство общества, считал философ, может быть достигнуто путём согласования различных интересов, а, следовательно, — с помощью группового представительства в верховных органах власти. Идеалом государства Гегель считал конституционную монархию.¹⁹

В развитие политической мысли, философскую рефлексии мысленных моделей государства, государственного устройства и государственной власти

внесли свой вклад и представители критического утопического социализма. А. Сен-Симон, Ш. Фурье и Р. Оуэн, труды которых содержат догадки о будущей разумной социальной системе, основанной на законах природы.

Обосновывая «промышленную систему» в качестве идеального общества, к которому должен привести мирный переворот, *Клод Антуан Сен-Симон (1760-1825 г.г.)* считал, что результаты установления её будут благоприятны для всего общества, однако при этом подчеркивал, что массы должны оставаться всё время пассивными, доверив представительство и защиту своих интересов предпринимателям как экономически господствующему классу, способному влиять на социальный и политический процессы.

Франсуа Мари Шарль Фурье (1772-1837 г.г.), рассматривая в своих трудах воздействие экономических отношений на государство и идеологию, обращает внимание на то, что в современном ему французском обществе коммерция стала новой политической властью, которая входит в долю с правительством и даже, используя экономические средства, пытается взять его под свою опеку. Социально-политическим идеалом Фурье считает придуманную им фалангу, где постепенно исчезают экономическое и социальное неравенство, отпадает необходимость принуждения и его организованной формы – государства.

Идеальную общественную систему рисует и английский социалист-утопист *Роберт Оуэн (1771-1858 г.г.)*. Основной ячейкой такого общества, по Оуэну, должна быть небольшая трудовая община, в которой различные функции управления распределены между отдельными возрастными группами. При такой системе, считал он, не будет зла выборов и избирательных кампаний. Особыми органами власти в общинах должны стать собрания возрастных групп. Центральная же власть сохраняет свои полномочия на период организации общин. Когда же община укрепитя и на её членах скажутся результаты воспитания, то не нужны будут ни суды, ни тюрьмы, ни наказания вообще. Конечный идеал Оуэна – свободная федерация самоуправляющихся общин.

Таким образом, говоря об основных направлениях дальнейшего развития политического знания, детерминантах его оптимизации, которые обозначались мыслителями стран Запада в этот период, можно сделать вывод, что они концентрировались в основном на разработке теорий народного суверенитета, правового государства и разделения властей.

Говоря же о политических вопросах, которые волновали в этот период российских и украинских мыслителей, следует отметить, что ими были борьба с крепостничеством, обоснование путей преобразования государственного строя России, введение конституционной монархии, а также правового государства и разделение властей.

Так, например, *Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839 г.г.)* выдвинул идею отмены крепостного права сверху, обосновав необходимость установления конституционной монархии, создания Государственной думы

как законодательного органа, наделения императора высшей исполнительной властью, а Сената – высшей судебной властью.

Заметное влияние на развитие философско-политической мысли в России оказал *Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856 г.г.)*, который, прилагая шеллинговскую философию истории к объяснению прошлого России, дошел до национального нигилизма. Принятие православия, по его мнению, привело к изоляции России от западных государств, обусловило тот факт, что она представляет собой исторический пустоцвет.

Идеи Чаадаева по-разному воспринимались западниками (П.В. Анненков, И.В. Вернадский, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) и словянофилами (К.С. Аксанов, Н.В. и П.В. Кириевские, Ж.Ф. Самарин, А.С. Хомяков и др.). Если первые считали, что человечество представляет собой единую цивилизацию во главе с Западной Европой, у которой должна учиться Россия, то вторые, отрицая существование единой цивилизации, считали европейский путь развития губительным для России, отстаивая собственный путь.

В 1821-1823гг в г. Тульчине возникает Южное товарищество (П. Пестель, С. Муравьев-Апостол, Н. Бестужев-Рюмин, А. Поджих), а в г. Новград-Волынский – Товарищество объединённых славян (братья П. и А. Борисовы, И. Горбачевский, Ю. Люблинский, П. Выгодский, Я. Андриевич, И.Иванов, П. Громницкий). Выступая против концепции Н.Карамзина, считавшего что «история принадлежит царю», декабристы считали, что «история принадлежит народам», предлагая в качестве методов преобразования общества образование, борьбу с безграмотностью.

Павел Иванович Пестель (1793-1826 г.г.) выступал за республиканскую форму правления, а *Николай Яковлевич Муравьев (1796-1843 г.г.)* развивал идеи перехода от царского самодержавия и конституционной монархии, федерального устройства России.

Товарищество объединённых славян выдвинуло идею федеративного устройства всех славянских народов на принципах равноправия и суверенитета, которая стала основой программы Кирилло-Мефодиевского братства (декабрь 1845-март 1847 г.г.).

Среди активных членов Кирилло-Мефодиевского братства – великий украинский народный поэт, мыслитель, революционный демократ *Тарас Григорьевич Шевченко (1814-1861г.г.)*. Он первым в украинской политической мысли обосновывает неизбежность крестьянской революции как средства ликвидации крепостничества и царизма, призывал народ к борьбе за свою свободу, установление демократической республики по образцу США.

Активными членами братства были также *Николай Иванович Костомаров (1817-1885 г.г.)* и *Пантелеймон Александрович Кулиш (1819-1897 г.г.)*. Политические взгляды Костомарова не раз претерпевали изменения от романтического утверждения идей свободы и равенства, отстаивания особого свободолюбивого духа украинского этноса и провозглашения его особой миссии в кругу славянских народов (Кирилло-

Мефодиевский период) к обоснованию идеи федерализма и рационализированных просветительно-народнических ориентиров и, наконец, модификации народнических устремлений в обыкновенное просветительство и лояльное по отношению империи культурничество в последний период его жизни. Кулиш же, исходя из признания национального духа в качестве основы общественного развития, обосновывал теорию об особенностях украинской души, которая, по его мнению, имеет две стороны: внутреннюю – сердце (чувства) и внешнюю – мышление (разум). Внутренней стороной он связан только с Украиной, а внешней – с другими народами. Кулиш считал, что украинский народ должен сохранить хуторской характер жизни – показатель высшей морали и целостности души.

Украинская политическая мысль конца первой половины XIX столетия испытывает на себе заметное влияние взглядов русских революционных демократов, прежде всего *Александра Ивановича Герцена (1812-1870 г.г.)* и *Николая Гавриловича Чернышевского (1828-1889 г.г.)*, идеи которых значительно обогатила проникающая в Россию диалектика.

4. Развитие политической мысли и её философская рефлексия во второй половине XIX-XX в.в.

Утверждение капиталистических отношений в Европе и на американском континенте во второй половине XIX – начале XX вв. обусловили формирование различных школ и направлений в политической науке и философском осмыслении формируемых ею мысленных моделей государства, системы государственного устройства и государственной власти, политики и личности, партии и управления в обществе.

Здесь прежде всего следует отметить диалектико-материалистическое учение о политике и государственной власти, основоположниками которого стали *Карл Маркс (1818-1883 г.г.)* и *Фридрих Энгельс (1820-1895 г.г.)*. Опираясь на материалистическое понимание истории, они много внимания уделяли осмыслению сущности политики, политической власти, характеру политической деятельности, обосновав следующие положения:

1. Политические отношения, вытекающие из борьбы за власть и осуществление власти, проявляются на основе общественно-экономических отношений, которые их обуславливают, представляя собой политическую надстройку с соответствующими формами общественного сознания;
2. Несмотря на первичность базиса, надстроечные институты играют активную роль в социально-экономическом базисе. Политика является не только отражением внешнеполитических отношений, но и инструментом их формирования;
3. Государство есть продукт классовых противоречий и служит интересам экономически господствующего класса;
4. Экономически господствующий класс – одновременно является господствующим политически и идеологически;

5. Общественное бытие людей определяет их сознание, а политическое бытие – политическое сознание людей;
6. Исходным пунктом для понимания политического поведения масс является анализ общественного положения классов, их потребностей и интересов;
7. Политика лишь в конечном счете подчинена экономике и в то же время обладает относительной самостоятельностью, влияя на экономические отношения, убыстряя или замедляя ход экономических процессов.²⁰

В дальнейшем развитие марксистских философско-политических идей характеризуется формированием двух направлений – революционного и реформаторского.

Представителем первого направления явления *Владимир Ильич Ленин (1870-1924 г.г.)*. Ему принадлежит разработка теории социалистической революции, концепций революционного насилия, соотношения демократии и диктатуры пролетариата, механизма политической власти в переходный период, взаимосвязи государства и коммунистической партии в специфических условиях борьбы за победу новых общественных отношений, учение о Советах как особой формы государственной власти.

Не все из ленинских идей и положений выдержали проверку временем. Однако некоторые из них имеют значение и сейчас, получая творческое развитие в трудах не только последователей марксизма-ленинизма, но и представителей других философских направлений.

Кроме Ленина, представителями революционного направления в развитии марксистской философско-политической мысли являлись *Роза Люксембург (1871-1917 г.г.)*, *Николай Иванович Бухарин (1888-1932 г.г.)*, *Лев Давидович Троцкий (1879-1940 г.г.)*, *Антонио Грамши (1891-1937 г.г.)*, *Дьердь Лукач (1885-1971 г.г.)* и др.

Реформаторское направление представляли вожди II Интернационала *Карл Каутский (1854-1938 г.г.)* и *Эдуард Бернштейн (1830-1932 г.г.)*. Они рассматривали социализм как процесс постепенного комплексного преобразования экономических и социально-политических структур в соответствии с социалистическими требованиями, открыто выступали против революционного марксизма.

Во второй половине XIX столетия получают развитие и немарксистские политические теории. В частности, приобрела известность теория завоевания, автором которой был *Людвиг Гумилович (1838-1909 г.г.)*. Рассматривая общественную жизнь с позиций социального дарвинизма, он считал, что она изначально представляет собой беспощадную и непрекращающуюся борьбу между группами людей. На начальном этапе истории вражда разделенных расово-этническими признаками орд привела к порабощению одних из них другими и к возникновению государства, при котором на смену борьбе между ордами приходит борьба между сословиями, классами и партиями. Неизбежной ступенью человеческого существования является и конфликт между государствами.

Теорию социальной обусловленности власти с позиции позитивизма разработал *Герберт Спенсер (1820-1903 г.г.)*, изложив её в работе «Основания социологии». Он считал, что в основе общественных отношений лежит не всеобщая ненависть, а сотрудничество людей, что общество эволюционирует от войны к миру, от военного к промышленному (индустриальному состоянию и в будущем может возникнуть федерация высших наций, которая в качестве верховной власти запретит войны между народами).²¹

Выделившись в самостоятельную дисциплину в последние десятилетия XIX — первые десятилетия XX в.в., политология нуждалась в надежной методологии. Это обусловило возрастание роли философии, которая призвана была, с одной стороны, осуществлять критический анализ мысленных моделей, продуцируемых самой политологией, а с другой, — обнаруживая сложности, сбои в её развитии, вести поиск более надёжных методологических оснований, в том числе и посредством обращения к другим наукам. В результате в 20-е годы XX в. в политологию проникают методы других наук, в частности психологии. На этой основе зарождается новое политологическое течение, получившее название *бихевиоризм*. Бихевиористская методологическая концепция содержала в своей основе требование изучения политического поведения. Это привело, во-первых, к тому, что политологи стали изучать не столько политические институты, сколько политическую деятельность и политическое поведение, а во-вторых, был дан толчок зарождению политической социологии, задачей которой было изучение политических процессов с точки зрения личности и различных социальных групп.

Изучение поведения социальных групп привело к созданию получившей широкое распространение на Западе теории элит. Основателями этой теории были итальянцы *Вильфредо Парето (1848-1923 г.г.)* и *Гаetano Моска (1858-1941 г.г.)*. В работе «Трактат об общей социологии» Парето рассматривает элиту как группу прирожденных руководителей науки, считая, что во всякую эпоху существует две такого рода группы — элита и контрэлита, которые ведут между собой борьбу за власть, мобилизуя на нее массы, манипулируя ими с помощью обмана или насилия. Если элита не обновляется, она деградирует, что ведёт к революции, в ходе которой происходит смена состава правящей группы.

Моска указывал на существование двух тенденций в истории государства — аристократической, когда власть находится у замкнутых элит, и демократической, когда власть находится у элит, исходящих из масс.²²

Теория элит получила своё развитие в доктрине «массового общества», над которой работал известный испанский философ *Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955 г.г.)*. Под «массовым обществом» он понимал духовную атмосферу, которая сложилась на Западе в результате бюрократизации общественных институтов, распространения денежно-теневых отношений на все формы межличных контактов. В складывающейся системе общественных отношений каждый человек чувствует себя статистом, исполнителем извне

навязанной ему роли, частицей безличного начал – толпы. Такая ситуация, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, является неизбежным результатом развязывания демократической активности масс. Выход из неё ему видится в создании новой, аристократической элиты – людей, способных на произвольный «выбор», руководствующихся только непосредственным «жизненным порывом». Излагая принципы «массового общества» в работе «Восстание масс», Х. Ортега-и-Гассет здесь же обосновывает концепцию «конфликта поколений», которая впоследствии получила широкое распространение на Западе как противовес марксистской теории классовой борьбы.

Учение о власти нашло своё дальнейшее развитие в теории олигархии (бюрократизации) политических партий, разработанных *Моисеем Острогорским (1854-1919 г.г.)* и *Робертом Михельсом (1876-1923 г.г.)*. В работе «Демократия и организация политических партий» Острогорский выделяет три стадии в развитии политических партий – аристократические группировки, политические клубы, массовые политические организации. На третьей стадии, считает он, как раз и происходит бюрократизация руководства партий. К аналогичному выводу приходит и Михельс, формируя закон олигархизации политических партий.

Особое место в философском осмыслении политической науки в этот период принадлежит немецкому мыслителю *Максу Веберу (1864-1920 г.г.)*, который утверждал, что в позднекапиталистическом обществе политическая жизнь людей в решающей степени определяется бюрократией – быстро растущим слоем профессиональных управляющих. Тотальная бюрократизация, по Веберу, неизбежная тенденция развития общества. Сущность всякого социально-экономического и политического явления, считал он, определяется не только его объективными сторонами, но прежде всего точкой зрения исследователя, тем культурным значением, которое приписывается данному процессу. На этом основании Вебер пытался подменить научные абстракции произвольной мыслительной конструкцией – «идеальным типом». Демократию он понимал как мобилизацию масс политическими лидерами, рассматривая её в качестве действенного средства тотальной бюрократизации. В то же время, утверждал Вебер, харизматический лидер уравнивает попытки узурпации власти со стороны олигархических групп гражданского общества. В связи с этим он придавал большое значение институту президентства.

Развитие политической мысли и её философская рефлексия в Украине во второй половине XIX – начале XX вв. связано прежде всего с именем такого мыслителя, как *Михаил Петрович Драгоманов (1841-1895 г.г.)*, который в своих работах «Историческая Польша и великорусская демократия», «Опыт украинской политико-социальной программы» и других исходил из того, что сущность государства состоит не в форме его построения, а в наличии или отсутствии прав и свобод граждан. Последние же могут быть обеспечены лишь путем введения самоуправляемых громад (общин), федеративного и местного самоуправления и ограничения прав

центральных органов власти. Драгоманов выдвинул ряд демократических идей, опередивших историю. В частности, граф С. Витте, составляя записку царю о земствах, всё списал у Драгоманова. Народовольцы, работая над своей программой по свидетельству П. Аксельрода, также опирались на него. Под влиянием Драгоманова формировались и философско-политические взгляды таких писателей и мыслителей, как *Иван Яковлевич Франко (1856-1916 г.г.)* и *Лариса Петровна Косач (1871-1913 г.г.)*, которая вошла в литературу под именем Леси Украинки. Познакомившись с марксизмом, они восприняли его идеи социального освобождения трудящихся, но в то же время негативно относились к концепции диктатуры пролетариата.²³

Представляют интерес идеи правового государства и государства социалистического, выдвинутые *Богданом Александровичем Кистяковским (1868-1920 г.г.)*. Раскрывая сущность государства, с одной стороны, как олицетворения насилия в виде чудовища Левиафана, а с другой, — «как самую всеобъемлющую форму солидарности между людьми», он считал, что этим двум аспектам государства соответствуют два его вида — деспотическое и правовое как высшая форма государственного быта, которую выработало человечество. Однако в идеале, по Кистяковскому, существуют и более высокие формы государственности, среди которых он называл социалистическое государство.

Выдающимся политическим деятелем, ученым и философом конца XIX — начала XX вв. был *Михаил Сергеевич Грушевский (1866-1934 г.г.)*, который последовательно обосновывал идею самостоятельности украинского народа. Его влияние на историческое и политическое сознание украинского народа базируется: 1) на четком разграничении «украинско-русской» и «великорусской» народностей как двух корней двух разных историй — от Киевского государства, с одной стороны, и Владимира-Московского — с другой; 2) на доказательстве протяженности украинской исторической поступи от великодержавного средневекового Киева (через Галицко-Волынское, Литовско-Русское и Казацкое государство) к современности; 3) на обосновании непрерывности истории украинского народа, вопреки прерывности его государственности. Грушевский был убежденным федералистом. Признавая определяющую роль в истории «конкуренции индивидуалистических и коллективистских тенденций», в конце-концов пришел к выводу о необходимости и желательности поворота к обществу социалистического типа.²⁴

Консервативное течение украинской политической мысли второй половины XIX — начала XX вв. представлял *Вячеслав Казимирович Липинский (1882-1931 г.г.)*, который считал, что нацию образуют все граждане государства, а понятие «нация» и «государство» рассматривал как тождественные. Поскольку, по его мнению, нация формируется только непосредственно в государстве, то украинской нации необходимо добиваться создания собственного государства. Проблему же консолидации украинской нации, он считал, возможно снять, заменив её проблемой создания независимой, трудовой и легитимной монархии английского образца.

Если Липинский акцентировал внимание на государстве, то *Дмитрий Иванович Донцов (1883-1973 г.г.)* на первое место ставил нацию. Обращаясь к популярным в Европе идеям волюнтаризма Шопенгауэра, Гартмана, Ницше, Сореля, он критикует Драгоманова и Грушевского, противопоставляя национализму либеральному (культурному) национализм «чинный» (действующий). Геополитическое будущее Украины Донцов связывал с Германией и Австро-Венгрией, в границах которой призывал создать «Украинский коронный край».

Исследование деятельности политических элит долгое время составляло основу западной политической науки. Однако постепенно бихевиоризм начинает переживать сложности, которые вылились в кризисе в 60-е годы XX в. он был связан с неудачной войной США во Вьетнаме. Американским политологам был предъявлен счет: поскольку наука не прогнозирует последствий реальной политики, а занимается пустыми проблемами поведения и сознания, то она не нужна. В результате этого формируется *постбихевиоризм*, на основе которого вновь возникает интерес политологов и таким феноменам, как политическая система, государство, политические партии, изучение возможности их деятельности.

Главной особенностью современной американской политической науки, является ориентация на эмпирический прикладной характер, методологическую основу чего составляет философия деятельности, прагматизм. Видным американским мыслителем современности, специалистом в области политологии и политического прогнозирования является *Даниел Белл (Род. 1910 г.)* – автор концепции постиндустриального общества, изложенной им в книге «Грядущее постиндустриальное общество». Согласно этой теории, научно-техническая революция постепенно выравнивает уровни развития обществ с различным государственным устройством, стирает грани между социализмом и капитализмом, делая таким образом ненужной социальную революцию. Белл обосновывает также претензии представителей «большой науки» на участие в управлении обществом. Следует отметить также, что для эволюции взглядов Белла характерно постепенное превращение постиндустриального общества из технократической утопии, как она изображается мыслителем первоначально, в новую стадию антагонистического общества, увековечивающего таким образом конфликты между управляющими и управляемыми.

Следует сказать и о теории социального действия, автором которой является американский социолог и политолог *Талкотт Парсонс (1902-1979 г.г.)*. Опираясь на метод структурно-функционального анализа, Парсонс конструирует модель социальной системы, в основе которой лежит акт взаимодействия абстрактных индивидов. Механизмом же, с помощью которого устанавливается согласованность в их действиях и осуществляется выполнение предписываемых им ролей, по Парсонсу, является усвоение общепринятых норм, стандартов поведения, превращение их во внутренние мотивы деятельности. Важнейшим признаком нормального состояния

общества, как и всякой социальной системы, Парсонс считает равновесие, уделяя большое внимание процессом регулирования, средствам социального контроля за этим состоянием (деятельность политических и правовых органов, реакции на поступки людей со стороны окружающих и др.)

Одним из авторов концепции постиндустриального общества стал американский футуролог и политолог *Олвин Тоффлер* (род. в 1928 г.). Кризис, переживаемый современным обществом, он объясняет переходом к новой цивилизации «третьей волны» (первая – аграрная цивилизация, вторая – индустриальная). По мнению Тоффлера, современное общество может выжить в неизбежных катаклизмах лишь при условии перехода к новым формам социальной жизни на основе нового уровня равенства, участия в принятии политических решений и социального многообразия. Не давая определения новой цивилизации, считая, что такие определения, как «космическая эра», «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постиндустриальное общество» и другие, неприемлемы, называя свою концепцию в противовес утопии и антиутопии «практопией», Тоффлер считает, что политическая ось «левые-правые» устарела и в своих работах «Шок будущего», «Третья волна» ратует за революцию в сфере мышления.

Над концепцией общественного развития активно работает американский политолог *Самуэл Хантингтон* (род. в 1927 г.), который разработал теорию появления, развития, зрелости, упадка и исчезновения институтов общества, выдвинул идею, что критерием политического развития является институционализация политических организаций и процессов, указал причины глобальной демократической революции – сложное положение авторитарных режимов, влияние США, Европейского Сообщества и бывшего СССР, меняющаяся роль католической церкви и др.

Нельзя не упомянуть и о таком современном американском политологе, философе и политическом деятеле, как *Збигнев Бжезинский* (род. в 1928 г.). Он – один из ведущих аналитиков таких общественно-политических феноменов, как коммунизм и тоталитаризм. В качестве одной из целей реалистической и долгосрочной глобальной стратегии Бжезинский видит укрепление геополитического плюрализма на постсоветском пространстве. Одним из ключевых направлений осуществления этой стратегии он считает утверждение стабильности и независимости Украины.

Следует также сказать и о социологизированном фрейдизме, получившем распространение в США во второй половине XX в.

Представителем этого направления был немецко-американский философ *Эрих Фромм* (1900-1980 г.г.). Отвергая биологизм Фрейда, он пересматривает формы символического проявления бессознательного, пытаясь вскрыть социокультурные причины. Связующим звеном между психикой индивида и социальной структурой общества, по Фромму, является вводимый им социальный характер. Устранение исторических противоречий, зависящих от социальных условий жизни людей, связываются им с построением общества, основанного на принципах гуманистической этики,

активизации индивида посредством гуманистического управления, распространением психо-духовных ориентаций, являющихся эквивалентом религиозных систем прошлого. Подлинной ценностью человека Фромм считает способность к любви, поскольку любовь, в его понимании, служит критерием бытия и даёт ответ на проблему человеческого существования.

Говоря о представителях западноевропейской школы, способствовавших развитию политической мысли и осуществлявших её философскую рефлексию во второй половине XX века, следует назвать прежде всего английского мыслителя *Бертрана Рассела (1872-1920 г.г.)*. Считая, что в основе исторического процесса и поведения людей лежат их инстинкты, страсти, он утверждал, что из совокупности ряда фактов, определяющих исторические изменения, невозможно выделить главный и выявить объективные исторические законы. В политике Рассел придерживался либеральных взглядов, выступал против теорий, проповедующих поглощение личности обществом и государством, отрицательно относился к христианству. Он активно боролся против фашизма, угрозы войны, насильственных, агрессивных методов в международной политике, являлся одним из инициаторов Пагуошского движения.

Активный поиск путей согласования идей и реальности вёл австро-английский мыслитель *Карл Раймунд Поппер (1902-1994 г.г.)*. В своей работе «Открытое общество и его враги», он, стремясь выявить способы мышления, лежащие в основе тоталитарных идеологий, критиковал эссенциализм и голизм, источником которых считал философию Платона, а также «историцизм» как веру в необходимые законы исторического развития (фатализм). Общество, в которых господствуют тоталитарные идеологии, Поппер называл «закрытыми», противопоставляя им общества, не имеющие властных структур, которые устанавливают критерии «правильного» мышления, в которых созданы условия для диалога разных идей и взаимной критики, называя их «открытыми обществами».

Активно выступал в защиту свободы в политической сфере французский философ, социолог, политолог и публицист *Раймон Арон (1905-1983 г.г.)*. Он решительно протестовал против порабощения государственными режимами индивидуальной свободы, относя себя к либеральному направлению. Р.Арон – один из авторов теории деидеологизации, активный разработчик теории «единого индустриального общества», разновидностями которого является советская и западная системы.

Немецкий социолог и политолог *Ральф Дарендорф (род. в 1929 г.)* предпринимает попытку создать теорию классов и классового конфликта, которую он противопоставляет как марксистской теории классовой борьбы, так и теориям классовой гармонии. Главным классообразующим признаком, согласно Дарендорфу, является не отношение собственности, а отношение господства и подчинения. Экономическое господство, утверждает он, не ведёт с необходимостью к политическому господству. Господствующие и

подчиненные классы якобы существуют во всяком обществе и между ними неизбежен конфликт. В качестве идеала Дарендорф выдвигал «либеральное» и «современное» общество, в котором социальные конфликты признаются и регулируются, существует равенство исходных шансов для всех, индивидуальная конкуренция и высокая мобильность.

Как видим, политологические построения, мысленные модели, предлагаемые политологами США и Западной Европы, отличаются своеобразием, спецификой. Однако анализ их позволяет выделить и присущие им общие черты, центральной из которых является концентрация внимания на проблеме политической власти. Сходным является и понимание политологии, которая толкуется ими в качестве науки «о политической власти, характере и функциях государства, его правительства как главном органе, посредством которого государство реализует власть».²⁵

Что же касается отечественной политической мысли во второй половине XX века, то она, конечно, тоже не стояла на месте. В этот период вопросы политической жизни получали освещение в материалах съездов КПСС, в фундаментальном исследовании «Политическая организация советского общества»²⁶, подготовленном группой обществоведов к 50 летию Октябрьской социалистической революции, в монографических работах Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина²⁷, А.Е. Бовина²⁸, А.В.Сергеева²⁹, Г.Х. Шахназарова³⁰ и других. Однако развитие политической мысли, становление политологии в качестве самостоятельной научной дисциплины проходило в жестких рамках исторического материализма, вокруг которого, как уже ранее отмечалось, сформировался ореол неприкасаемости. Это служило причиной, догматизации теоретических выводов, сделанных некогда классиками марксизма-ленинизма и, в своё время, адекватно отражающих соответствующую политическую реальность, не противоречащих истине, на тот час актуальных.

Такова, в частности, судьба вывода о классовой борьбе как движущей силе в развитии общества. Он был верным для общества, разделенного на антагонистические классы. Однако распространение его на социалистическое общество было величайшей теоретической ошибкой, цена которой – миллионы человеческих жизней загубленных либо исковерканных в годы культа И.В. Сталина.

Характерным для этого периода был разрыв между положениями политической теории и политической практикой. Так в набросках статьи «Очередные задачи советской власти» В.И. Ленин приходил к выводу, который имел колоссальное значение для дальнейшего развития как молодого социального организма, переживающего своё становление, так и его политической сферы. «Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на передний план перед Советской властью, представляет ещё ту особенность, что речь идёт теперь – и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов – о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика».³¹ Никто из советских обществоведов это положение никогда не оспаривал в

последующие годы. Полностью соглашались с ним практики, осуществляющие руководство страной вплоть до развала СССР. Однако в действительности предпочтение отдавалось ими именно политике, влияние которой на развитие всех сфер общества становится определяющим. Послушной служанкой политики становится и философия. Это тормозило не только становление и развитие философии политического сознания как надежного инструмента рефлексии этой важной формы общественного сознания, но и развитие политологии, политической социологии, политической психологии как отраслей научного знания, поскольку лишало возможности осуществлять проверку продуцируемых ими мысленных моделей на истинность, вести поиск детерминант оптимизации их развития.

Что же касается украинской националистической политической мысли во второй половине XX в, то она в основном концентрировалась на критике марксистско-ленинской политической теории, её охаивании, призывах к борьбе за независимость Украины, свержению Советской власти. Вследствие этого провозглашение своей независимости Украина встретила практически при отсутствии надежной теоретической проработки политического развития общества, в случае обретения независимости Украиной, как это и произошло, политических идей, которые были бы восприняты украинским народом или, по крайней мере, его большинством. А это так необходимо сейчас! И условием того, что такие идеи возникнут, является наличие надежной методологической основы в поисках таковой и призвана сыграть свою ведущую роль философия политического сознания.

РАЗДЕЛ III. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

К числу основных понятий философии политического сознания, как нам представляется, относятся прежде всего «политическое бытие», «политическое сознание», «политическое пространство», «политическое время» и «политическая власть». Именно они ограничивают предмет нашего исследования. Анализ их, установление взаимосвязей между ними, в которых отражаются законы и закономерности развития феномена политического сознания является важнейшей задачей его философского анализа. Этому мы и намерены посвятить следующий раздел нашего исследования.

1. Политическое бытие и политическое сознание

Продуктивность философского анализа содержания того или иного понятия в значительной мере обуславливается его сопоставлением со своей противоположностью. В данном случае речь идет о понятиях «политическое бытие» и «политическое сознание».

Следует заметить, что как первое, так и второе понятия, мягко говоря, не слишком избалованы вниманием авторов справочных изданий. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что статей, раскрывающих их содержание, мы не найдем в таких авторитетных московских изданиях советского периода, как «Философский словарь», «Философский энциклопедический словарь», пятитомная «Философская энциклопедия», многотомник «Большая советская энциклопедия», «Советский энциклопедический словарь», в киевских изданиях «Філософського словника», вышеупомянутого «Політичного словника» под редакцией В.К. Врублевского, А.В. Кудрицкого, В.Н. Мазура и А.В. Мяловицкого.

Не произошло существенных изменений и после развала СССР. Эти понятия обошли своим вниманием авторы таких российских изданий, как «Философский энциклопедический словарь», «Новый энциклопедический словарь», наши отечественные, украинские авторы «Філософського енциклопедичного словника», «Великого тлумачного словника сучасної української мови», шеститомной «Юридичної енциклопедії» и даже такого издания с интригующим и многообещающим названием, как «УСЕ. Універсальний словник-енциклопедія».

Да простит нас читатель за возможно утомивший его перечень справочных изданий. Мы отважились привести его, поскольку «политическое бытие» и «политическое сознание» есть не просто обычные понятия в ряду множества других, с которыми немногие и далеко не всегда могут сталкиваться, а посему ими можно без особого ущерба для издания и пренебречь. Выражая существенные стороны жизнедеятельности, присущей всякому социальному организму – отдельной личности, классу, другой более мелкой социальной группе, обществу в целом, – они, безусловно, принадлежат к числу предельно общих понятий, характеризующих социум и,

следовательно, должны рассматриваться в качестве социально-философских категорий. А коль так, то обходить их молчанием ни одно из названных изданий не должно было, поскольку тем самым становился неполным инструментарий не только политического, но и в целом социального познания, предлагаемый читателям как субъектам познания и потенциальным исследователям.

Кроме того, раскрытие содержания интересующих нас понятий важно и в практическом плане. Ведь политическое бытие является важнейшей составляющей социального бытия, во многом детерминируя другие его структурообразующие элементы и образуемую ими систему в целом. И осмысление его позволит более полно представлять жизнедеятельность общества, класса, другой, более мелкой социальной группы, личности, то есть всех типов социальных организмов, понимать возможности управленческого воздействия, вырабатывать программу оптимальных управленческих решений.

Что же касается политического сознания, то оно, в значительной степени обуславливая правовое, нравственное, эстетическое, да и другие формы, существенно влияет на формирование общественного сознания в целом. В силу этого философское осмысление данного феномена, факторов, влияющих на его формирование, его структуру и специфику, призвано облегчить обработку механизма управленческого воздействия на общественное сознание, поиск путей оптимизации его развития и ограничение возможностей манипулирования им. Это особенно важно сейчас, в условиях, когда возникшие на территории бывшего СССР молодые независимые государства, пребывающие на стадии трансформации, вырабатывают социальный идеал, пытаются определить контуры своего будущего, формируют новую систему ценностей.

К сожалению, как уже отмечалось, в справочных изданиях политических и философских это понятие отсутствует. Не довелось нам встретить ни монографий, ни статей, в которых бы глубоко исследовалось его содержание. Исключение, пожалуй, составляет безусловно интересная работа К.С. Гаджиева «Политическая философия», в которой автор заметил: «Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее, как сказал бы Э. Гуссерль, есть «латентный разум» мира политического. Оно существует в форме идеи – понятия в себе и для себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества»¹. Однако данным замечанием автор и ограничивается. В дальнейшем понятие «политическое бытие» в его работе практически не фигурирует. Вместо него используется понятие «мир политического».

В социальной философии, политической и социологической литературе широко используются понятия «политическая сфера», «политическая жизнь»². Конечно, оба эти понятия сходны с понятием «политическое бытие». Однако, думается, нет оснований говорить об их

тождественности. Дело в том, что употребляющие их чаще всего имеют в виду лишь управленческую деятельность, к тому же акцентируя внимание на ее формах. Так, например, В.С. Барулин в своем учебнике «Социальная философия» говорит следующее: «На какой бы стадии ни оказалось общество, его жизнь, развитие никогда не осуществляется без определенного сознательно управляющего начала, ему присущи всегда и везде определенные формы управления. Сами эти формы в различные периоды общественной истории имеют разную степень развитости. На определенных этапах они образуют целую специфическую систему общественных институтов управления, включающую в себя самые различные органы. Совокупность этих институтов общественного управления отражается в категории политической сферы общества»³. Безусловно, совокупность институтов общественного управления входит в структуру политического бытия. Но далеко не все, а лишь те, которые нацелены на укрепление или ослабление существующей системы государственной власти, то есть политические институты. Ведь помимо их существует немало спортивных, туристических организаций, объединений по интересам и т.д., которые к числу политических не относятся. Кроме того, говоря о политическом бытии, нельзя абсолютизировать какую-либо одну из его сторон, в данном случае форму.

Что же касается понятия «политическая жизнь», то оно больше корреспондируется с понятием «политическая смерть», а не «политическое бытие», противоположностью которого, как мы заметили ранее, и является «политическое сознание».

Отсутствие должного философского осмысления понятия «политическое бытие» во многом обуславливает сложности в понимании «политического сознания», неоднозначность его толкования различными авторами.

Нельзя сказать, что проблема политического сознания совершенно выпала из поля зрения исследователей. В советский период ее касался А.К. Уледов в монографии «Структура общественного сознания»⁴. Кафедра социологии духовно-идеологической сферы АОН при ЦК КПСС посвятила изучению политического сознания специальное всесоюзное социологическое исследование⁵. Интерес к этой проблеме заметно возрос в постсоветский период, который ознаменовался выходом ряда публикаций Н.А. Бухтеева, П.А. Сергиенко, Ю. Руденко, Н.П. Поливаевой и др.⁶. Различным ее аспектам посвящаются специальные разделы в учебных пособиях⁷.

Сходясь во мнении о том, что политическое сознание – это опосредованное отражение политической жизни, исследователи в то же время по-разному понимают его взаимосвязь с общественным сознанием. Одни из них однозначно признают наличие этой взаимосвязи и стремятся рассматривать политическое сознание лишь в контексте ее. Другие же пытаются исследовать политическое сознание безотносительно к общественному сознанию.

К числу первых принадлежат А.К. Уледов, большинство обществоведов, которые касались проблемы политического сознания в советский период, Н.П. Поливаева и некоторые другие современные исследователи. Правда, саму взаимосвязь политического сознания не все они толкуют одинаково.

Если, к примеру, А.К. Уледов рассматривает политическое сознание как один из видов общественного сознания наряду с нравственным, правовым, религиозным, эстетическим и философским, то есть трактует «общественное сознание» в качестве родового понятия, фиксируя наличие субординации, то Н.П. Поливаева не считает необходимым это делать. «Понятие «политическое сознание общества» – замечает она, – близко к понятию «общественное сознание». Можно сказать, что они тесно переплетены между собой, но не совпадают полностью. У них общий объект отражения – общество. Общественное сознание – высшая степень абстракции, в нем создаются инварианты, которые обобщают и фиксируют в себе лишь наиболее существенные отношения и связи практической деятельности; эти отношения и связи здесь приобретают форму законов, научных теорий, произведений искусства и т.д.⁸.

Нельзя не согласиться с данным автором в той части, что понятия «общественное сознание» и «политическое сознание» не совпадают. Они и не могут совпадать, поскольку первое обозначает всю совокупность идеальных форм (понятий, суждений, взглядов, чувств, идей, представлений, теорий), которые охватывают и отображают общественное бытие, выработанных человечеством в процессе освоения природы и общественной истории. Понятие же «политическое сознание» обозначает одну из основных форм общественного сознания.

Данное обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку форм общественного сознания великое множество. И не все они являются равнозначными. Как известно, формы общественного сознания отличаются по предмету отображения, по формам отображения, по особенностям своего развития, по выполняемым ими социальным функциям и т.д.⁹. Однако есть среди них формы, которые играют роль интеграторов в системе форм общественного сознания. Концентрируя вокруг себя ряд других форм, формируя таким образом определенную структуру общественного сознания, они и выступают в качестве основных его форм. К их числу относятся научное, религиозное, политическое, правовое, нравственное, эстетическое и философское сознание. Именно исходя из этого и следует, как нам представляется, вести речь о взаимосвязи понятий «общественное сознание» и «политическое сознание», рассматривая феномен, обозначаемый этим последним понятием, в качестве одной из интегрирующих, основных форм общественного сознания.

Как таковая, то есть как одна из основных форм общественного сознания, политическое сознание характеризуется определенным содержанием. К сожалению, нередко в политологической литературе бытуют определения политического сознания, в которых практически совсем

отсутствует указание на сущность данного явления. Таковым, в частности, является определение рассматриваемого феномена, предлагаемое авторами «Краткого политического словаря» под редакцией Л.А. Оникowa и Н.В. Шишлина, которые считают, что политическое сознание – это «сознание сферы политики социальными субъектами»¹⁰. В условиях неоднозначности толкования понятия «политика» предложенное определение оставляет читателя в неведении, о чем же идет речь, в чем сущность данного явления. Не решают этой проблемы и авторы «Політологічного енциклопедичного словника», вышедшего в Киеве в конце 90-х годов минувшего столетия, определяя политическое сознание как «опосредованное отражение политической жизни общества, сутью которой является проблема власти, формирование, развитие и удовлетворение интересов и потребностей политических субъектов»¹¹. В самом деле. Ведь проблема власти, хотя и занимает важное место в политической жизни общества, все же сущности последней еще не вскрывает. Поскольку проявления власти многообразны (существуют на уровне семьи, трудового коллектива и т.д.), то остается неясным, о какой власти идет речь. Сущность же политики, политической деятельности, как мы показали в предыдущем подразделе, составляет определенное отношение субъекта к существующей системе государственного устройства. Указание на это и должна содержать в себе дефиниция политического сознания.

Далее. Мы подчас встречаемся с попытками несколько сужено толковать содержание политического сознания. Так, например, уже упоминавшийся А.С. Панарин практически сводит политическое сознание к политическому самосознанию. К тому же тяготеют и Б. Кухта, Л. Климанская, А. Романюк – авторы курса лекций «Основи політичної науки», выпущенного львовским издательством «Кальварія». С их точки зрения, «политическое сознание – это сознание субъектом (индивидом-лидером, тем, кто принимает решения, или макро- и микрогруппами) своих политических интересов, устремлений и влечений»¹².

Как видим, указанные авторы не только сводят политическое сознание к самосознанию, но и ограничивают понимание субъекта лишь кругом тех, кто принимает решения. Выходит, что те индивиды, которые не относятся к категории лидеров и решений не принимают, не могут быть отнесены к числу субъектов, причастных к формированию политического сознания, а то и просто имеющих к нему отношение. Если же учесть, что эти индивиды составляют подавляющее большинство того или иного общества, конкретного класса, другой более мелкой социальной группы, то мы вынуждены были бы признать, что к числу субъектов формирования политического сознания относится лишь очень ограниченный круг людей, что не соответствует действительности. К тому же даже политическое самосознание ошибочно было бы ограничивать осознанием субъектом своих политических интересов, устремлений и влечений, не говоря уже о политическом сознании, структурообразующим элементом которого оно является. Ведь политическое самосознание включает и осознание элементом

себя в качестве такового, то есть субъекта политической деятельности, своей принадлежности к определенной социальной группе, имеющей свои политические потребности и интересы и т.д.

Исходя из сказанного, напрашивается вывод: прежде чем выявлять содержание понятия «политическое сознание», нужно определиться с противоположным ему понятием «политическое бытие». Представляется правомерным рассматривать «политическое бытие» в качестве видового понятия по отношению к родовому понятию «общественное бытие». Это же последнее, как мы ранее показывали¹³, предстает в качестве реального процесса жизнедеятельности общества во всем многообразии ее проявлений, осмысливаемого осуществляющими его социальными организмами – обществом, классами, другими социальными группами, отдельными личностями.

Общественное бытие на любом этапе исторического развития социального организма предстает в качестве сложной системы общественных отношений, образующих его (общественного бытия) структуру. Основными элементами этой структуры выступают экономические, религиозные, правовые, нравственные, политические и другие общественные отношения, образующие подсистемы экономического, религиозного, правового, нравственного бытия.

Отсюда следует, что *политическое бытие* можно определить как одно из основных понятий, категорию социальной философии и философии политического сознания как ее структурного элемента для обозначения сложившейся в обществе совокупности отношений социальных субъектов по поводу системы государственного устройства, государственной власти.

Важнейшими структурообразующими политического бытия являются отношения между государством и гражданским обществом, между государством и политическими партиями, а также общественно-политическими организациями, между государством и классами, социальными группами, между политическими партиями, между правительственными институтами, учреждениями, наделенными полномочиями управлять и командовать, между политическими институтами и общественными организациями, между человеком и государством, между государствами, отношения государства с международными организациями, политических институтов с международными организациями и др.

Как и в целом социальное бытие, политическое бытие отражает существенную сторону жизнедеятельности каждого социального организма. Оно носит повторяющийся, а следовательно, устойчивый характер. В нем отражается одна из объективных, существенных, внутренних и необходимых связей, присущих жизнедеятельности социальных организмов.

Как и в целом социальное бытие, политическое бытие носит конкретный характер, что обуславливается, во-первых, конкретностью вступающих в политические отношения социальных субъектов, а во-вторых, – конкретностью предмета этих отношений.

Как и в целом социальное бытие, политическое бытие не есть чем-то раз и навсегда данным. Оно пребывает в развитии, которое проявляется в становлении политической истории, теории и практики.

Однако, обладая общими с социальным бытием признаками, политическое бытие имеет и ряд присущих ему особенностей.

Первая из них состоит в том, что, будучи обусловленным экономическим бытием, достигшим определенного уровня своего развития, политическое бытие в значительной мере определяет развитие экономического бытия, а с ним и других структурообразующих элементов социального бытия в целом.

Вторая особенность политического бытия состоит в том, что оно является зоной столкновения интересов и целей различных классов, социальных групп, слоев и отдельных личностей. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает третью особенность политического бытия – служить зоной формирования новых целей, зоной целеполагания.

Третья особенность политического бытия состоит в том, что, будучи присуще в той или иной мере каждой социальной группе, свое непосредственное проявление оно находит преимущественно в деятельности взрослых поколений.

Четвертая особенность политического бытия состоит, на наш взгляд, в том, что оно отражает тенденцию к изменчивости социального организма.

Политическое же сознание представляется правомерным определить как один из основных структурообразующих элементов общественного сознания, одну из интегрирующих его форм, в которой реализуется процесс формирования субъективных образов государственной власти, государственного устройства, объективно присущих конкретному обществу на определенном этапе его исторического развития, посредством удержания, сохранения и переработки информации о них.

Предлагаемая дефиниция не только указывает на неразрывную связь политического сознания с общественным сознанием, но и подчеркивает субординацию их: политическое сознание есть один из структурообразующих элементов общественного сознания. В качестве такового политическое сознание обладает всеми общими признаками, которые присущи общественному сознанию. Оно отражает существенную, устойчивую, повторяющуюся из поколения в поколение, внутренне присущую каждому обществу объективную и необходимую сторону его жизнедеятельности, каковой является политическая деятельность. Политическое сознание не есть нечто раз и навсегда данное, а предстает в качестве феномена, пребывающего в развитии. В своем становлении и развитии политическое сознание обуславливается в конечном счете общественным бытием как структурным элементом общественного бытия, о чем подробнее будет сказано несколько позже.

Как и в целом общественное сознание, политическое сознание обладает относительной самостоятельностью развития. Данное обстоятельство находит свое проявление в том, что изменения, происходящие с

общественным бытием, политическим в данном случае прежде всего, не приводит сразу же, автоматически к соответствующим изменениям в политическом сознании. В то же время само политическое сознание может как способствовать оптимальному развитию политического, а с ним и всего общественного бытия, так и, при определенных обстоятельствах, сдерживать, тормозить его.

Предлагаемая дефиниция, обращая внимание на неразрывную связь политического сознания с общественным сознанием, а следовательно и на различие общих для них признаков, в то же время подчеркивает и его специфику. Последняя проявляется прежде всего в особенности содержания политического сознания, основу которого составляет формирование субъективных образов государственной власти, государственного устройства, объективно присущих конкретному обществу. Поскольку же в государственном устройстве фокусируются сложившиеся в обществе формы собственности на орудия и средства производства, определяющие в конечном счете характер его экономических отношений, экономической жизни, то тем самым обуславливается такая особенность политического сознания, как служить формой отражения экономики, а вследствие этого быть связующим звеном между формами общественного сознания. Отражение общественных интересов различных классов, более мелких социальных групп и слоев общества в политическом сознании служит важным фактором формирования у социальных субъектов определенных целей, достижение которых они стремятся обеспечить в процессе своей жизнедеятельности. Тем самым обуславливается такая особенность политического сознания, как выступать в качестве целеполагающего сознания, играющего наиболее активную роль в жизни общества.¹⁴

Предложенная дефиниция политического сознания позволяет наиболее полно представлять структуру исследуемого нами феномена. Это особенно важно, поскольку в понимании ее даже в интересных, солидных учебниках и пособиях встречаются довольно путанные утверждения. Так, например, ранее упомянутые авторы курса лекций «Основи політичної науки» Б. Кухта, Л. Климанська и А. Романюк утверждают буквально следующее: «Политическое сознание имеет линейную структуру и представляет составляющую многих наук; так социология рассматривает ее идеологический и массовый уровень, психология политики соединяет изучение содержания сознания с индивидуальным механизмом его существования (то есть изучает определенный субъективный образ политической жизни общества. В политической науке различают политико-психологический или эмпирически-обыденный (ощущения, настроения, намерения, установки, убеждения, воля); и политико-идеологический или научно-теоретический (ценности, идеи, концепции, доктрины, теории) уровни политического сознания (Кое-кто из ученых выделяет еще политико-деятельностный уровень, который рассматривает сугубо идеологически-доктринальные аспекты – консервативное, реформаторское, радикальное сознание)»¹⁵.

Прежде всего вызывает возражение стремление авторов утверждать линейность структуры политического сознания. Как известно, линейность предполагает протяженность, измерения лишь в горизонтальной плоскости.¹⁶ Структура же политического сознания не может ограничиться только горизонтальными измерениями, предполагая необходимость и вертикальных измерений. В самом деле. Ведь политическое сознание любого общества представляет собой сложную систему, структурными элементами которой выступают не только политическое сознание классов, наций и других социальных групп, пребывающих так сказать в одной плоскости, но и политическое сознание различных поколений, следующих друг за другом. Игнорировать данное обстоятельство, особенно в свете последних президентских выборов в Украине, Грузии было бы серьезной ошибкой. Исходя из этого, правомерно говорить не о линейности структуры политического сознания, а о ее объемности, которая требует учитывать наличие как горизонтальных, так и вертикальных измерений.

Далее. Думается, также вряд ли можно признать корректным утверждение указанных авторов о том, что политическое сознание «представляет составляющую многих наук». Различные науки действительно анализируют те или иные аспекты политического сознания. Однако было бы ошибкой полагать, что только наука формирует этот феномен. Поэтому подходить к структуре политического сознания следует с учетом всех факторов, влияющих на формирование структурообразующих элементов.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным подходить к рассмотрению структуры политического сознания, памятуя о многоуровневом характере данного феномена, выделяя в качестве основных такие уровни, как обыденное политическое сознание и теоретическое политическое сознание, политическую психологию и политическую идеологию.

Возникающее в процессе повседневной практической деятельности людей обыденное политическое сознание является эмпирическим отражением политического бытия. Это – элементарная форма политического сознания, которая присуща практически каждому человеку, независимо от его социальной принадлежности, политической ориентации, образования и воспитания. Она находит свое проявление в расплывчатых эмоционально окрашенных представлениях о государственном устройстве, системе государственной власти, их институтах, полученных в результате непосредственного воздействия того или иного политического акта, политического решения, воздействия средств массовой информации, произведений художественной литературы, кино, театра. Свое выражение этот уровень политического сознания получает в аксиомах, догмах, постулатах (Государство – это мы! Государство – это я. Народ – источник власти. Политика – священное дело. Политика – это борьба между классами. Честность – лучшая политика и др.), пословицах и поговорках (Законы святы, но исполнители лихие супостаты. Каждый народ имеет то

правительство, которого он заслуживает. Политика – это общественная мораль, а мораль – это честная политика), политических анекдотах. Обыденное политическое сознание, отражая с определенной долей истины те или иные стороны политического процесса, не включает в себя систематические знания о нем.

Второй, более высокий уровень политического сознания образует теоретическое политическое сознание или политическая теория. Теория, как известно, это наиболее адекватная форма научного познания, система достоверных, глубоких и конкретных знаний о действительности, которая имеет стройную логическую структуру и дает целостное, синтетическое представление о законах и закономерностях, сущностных характеристиках объекта. Исходя из этого, вызывает сомнение утверждение К.С. Гаджиева о том, что политическая теория концентрирует внимание на конкретных проявлениях мира политического, таких, например, как структура и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем и т.д.¹⁷ Ни одна наука, продуцирующая теорию, в том числе и политическую, не может ограничиться концентрацией внимания на явлениях. Предметом политической науки, политологии является, как уже отмечалось, исследование существенных, устойчивых, повторяющихся, внутренних, объективных и необходимых связей, то есть законов, определяющих развитие политического процесса, и их конкретных проявлений, то есть закономерностей. Конечно, дело это не простое, а архисложное, требующее времени и больших усилий. Но ведь легких путей в науке не бывает. И для того, чтобы политология доказала свой научный статус и, развиваясь, сохраняла его, политологи не должны забывать о том, что является предметом их науки.

Являясь важнейшими структурообразующими элементами политического сознания, оба указанных уровня пребывают во взаимной связи друг с другом. Теоретическое, научное политическое сознание обладает способностью видоизменять, модифицировать, окультуривать обыденное политическое сознание. Но последнее, формируясь в результате непосредственного воздействия на сознание человека конкретных политических решений, политических действий, предпринимаемых на основе своеобразной лакмусовой бумажкой соответствия или, наоборот, несоответствия политической теории политической практике, то есть в определенной степени состояние обыденного политического сознания может служить критерием истинности политической теории.

Однако, признавая данное обстоятельство, не следует преувеличивать роль обыденного политического сознания, умаляя тем самым роль политической теории, что вело бы к усилению иллюзорности политического сознания, увеличению доли ложных положений, идей, скоропалительных выводов, заблуждений. Политической науке должен обеспечиваться необходимый теоретический уровень.

На одном уровне с обыденным политическим сознанием находится политическая психология, включающая в себя настроения, мнения, чувства,

ценностные ориентации в политическом процессе, которые формируются в повседневной практической жизни людей. Отличительной особенностью политической психологии является то, что ведущую роль в ней играет не само по себе знание политических фактов, ситуаций, а отношение к этому знанию, оценка политического процесса, политической ситуации.

Высшим уровнем политического сознания является политическая идеология. Ранее мы имели возможность подробно касаться феномена идеологии¹⁸, поэтому здесь ограничимся лишь кратким изложением его понимания.

Мы исходим из того, что важнейшим структурообразующим элементом сознания служит практическое сознание, т.е. разум, на который опирается мыслящий субъект, осуществляющий материальную, чувственно-предметную деятельность, имеющую своим содержанием освоение и преобразование природных и социальных объектов и составляющую всеобщую основу, движущую силу развития человеческого общества и познания, что и охватывается понятием «практика».

Нижний уровень практического сознания образует «здравый смысл» – стихийно складывающиеся под воздействием опыта взгляды людей на окружающую действительность и самих себя, которые являются основанием для практической деятельности и морали, высшей же – совокупность теоретически обоснованных идей и взглядов на ту же окружающую действительность и самих себя, которые восприняты субъектом в качестве правильных и нужных в решении тех или иных практических задач, образуя таким образом идеологию, которая выступает в качестве теоретически обоснованного практического сознания.

В соответствии с основными формами практической деятельности представляется правомерным выделить:

1. Идеологию производства материальных благ, охватывающую взятые на вооружение людьми знания, добытые различными отраслями технических, сельскохозяйственных и других специальных наук.

2. Идеологию научного эксперимента – взятые на вооружение исследователем теоретические наработки, на которые он опирается, приступая к осуществлению предпринимательского эксперимента.

3. Идеологию социально-преобразовательной деятельности – составную часть практического сознания, включающую совокупность теоретически обоснованных идей и взглядов, в которых отражается существующая социальная реальность и отношения к ней, складывающиеся в обществе, классе или другой социальной группе, у отдельной личности.

Каждый из этих структурообразующих элементов системы идеологии, в свою очередь, может быть представлен в качестве системы.

Политическая идеология, таким образом, предстает в качестве структурообразующего элемента системы идеологии социально-преобразовательной деятельности. Ее можно определить как совокупность теоретически обоснованных идей и взглядов, выражающих отношение к существующей системе государственного устройства и ее возможным

изменениям, воспринятых в качестве правильных и нужных согражданами данного общества, образующими его социальными слоями и группами, которые в той или иной мере участвуют в их практической реализации.

В этой связи представляется ошибочным положение, высказанное К.С. Гаджиевым, который утверждает буквально следующее: «Политическая идеология в целом включает следующие основные структурные элементы: 1) связь с общей мировоззренческой системой эпохи; 2) программные установки, сформулированные на основе тех или иных положений этой системы; 3) стратегия реализации программных установок; 4) пропаганда; 5) конкретные шаги по реализации программы»¹⁹.

Не трудно заметить, что в данном случае предпринимается попытка подвести под понятие «политическая идеология» не только всю идеологическую деятельность, но и социально-преобразовательную деятельность, т.е. практику. Между тем, политическая идеология есть один из результатов идеологической деятельности, феномен, который формируется в процессе выработки определенной совокупности теоретических положений, идей, взглядов, выражающих отношение к существующей системе государственного устройства и ее возможным изменениям, и их усвоения, восприятия в качестве правильных и нужных социальными субъектами. Таким образом, столь расширительно толковать понятие «политическая идеология», приписывая несвойственное ему содержание глубоко ошибочно.

Производство идей, теоретических положений, искаженно отражающих политическую реальность, заблуждений, будь то в силу научных заблуждений, будь то сознательно, руководствуясь определенными классовыми интересами, формирует возможность проникновения их в практическое сознание, становление мифологизированной, иллюзорной политической идеологии. Представители старших поколений нашего общества хорошо помнят, сколь популярной была тема идеологической борьбы в советский период. В монографиях, журнальных и газетных публикациях, лекциях и докладах велась яростная критика «лживой буржуазной политической теории» и такой же политической идеологии, которым противопоставлялась «подлинно научная марксистско-ленинская теория» и сформированная на ней социалистическая идеология. Сейчас маятник политических часов качнулся в другую сторону и мы наблюдаем иную картину. Резкой критике подвергается марксистско-ленинская теория²⁰, а с подачи политических авантюристов М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева модным стало отрицать не только политическую идеологию, но идеологию вообще, призывать к деидеологизации. При этом напрочь забывается, что идеология есть по сути дела тот разум, которым обладает человек, что, отказавшись от нее, он перестанет быть самим собой, то есть существом разумным.

Как же быть? Есть ли выход из этого тупика, в который мы попали, ринувшись сломя голову за искусившими нас «прорабами перестройки»? Думается, что есть. Ведь наличие возможности возникновения иллюзорного,

мифологизированного политического сознания не исключает существования и другой возможности – формирования научной политической идеологии, базирующейся на строгой политической науке, познающей законы развития конкретного общества и присущего ему политического процесса, опирающейся на них, а потому адекватно отображающей политическую реальность.

В связи с этим представляется уместным привести слова члена-корреспондента РАН, главного редактора журнала «Вопросы философии» В.А. Лекторского, сказанные при обсуждении книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм»: «Мы живем в другой стране. Не существует официальной идеологии. Многим кажется, что марксизм так же ушел в прошлое, как и система, претендовавшая на то, что она руководствуется марксистскими идеями. В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Конечно, сегодня ясно, что многое в марксизме не выдержало проверку временем. Ряд его идей при своем практическом воплощении привел к ужасным социальным последствиям. В то же время (теперь мы понимаем это) в этой идейной системе есть такое содержание, которое не только не устарело, а оказалось исключительно актуальным как для XX века, так и для века XXI. Большинство западных интеллектуалов (в том числе те, кто никогда не был марксистом) признает, что Маркс был великим философом, социологом, экономистом, к мыслям которого приходится обращаться и сегодня»¹⁹.

В любом классовом обществе политическая идеология, как и любая другая, не может существовать, так сказать, в «чистом виде». В ней есть научная часть, положения, которые адекватно отражают политическую реальность. В противном случае она не могла бы играть роль практического сознания. Но, в силу того, что развитие политической реальности опережает развитие политической науки, в ней содержится часть устаревших положений, утративших истинность. Есть там и элементы, основанные на мифотворчестве, ложных посылах, базирующиеся, так сказать, на добросовестных заблуждениях, а то и на обмане. И, оценивая ту или иную политическую идеологию, следует исходить из соотношения указанных частей, различая научную, относительно истинную идеологию и ненаучную.

В зависимости от того, ориентирует политическая идеология на поступательное передвижение общества, другого социального организма или сдерживает его развитие, пытается обратить его вспять, следует различать прогрессивную, консервативную и реакционную политическую идеологию.

Это весьма важно помнить как обществоведам, исследующим политическое развитие Украины на этапе ее трансформации, так и политикам, определяющим стратегию и тактику своей деятельности. Но данный вопрос мы рассмотрим несколько позже.

Важнейшим структурообразующим элементом политического сознания является политическое самосознание – специфическая

характеристика человека, класса, другой социальной группы, которая выражается в выделении ими себя в политическом бытии, оценке себя и своих возможностей в качестве субъекта политического процесса. При этом следует различать различные уровни политического самосознания. Первый уровень – осознание человеком, социальной группой себя в ряду политических субъектов того или иного общества, своих возможностей как таковых. Второй, более высокий уровень политического самосознания связан с осознанием субъектом своих политических интересов, идентификация их с интересами определенного класса или другой социальной группы. Третий, наиболее высокий уровень политического самосознания связан с осмыслением социального субъекта себя в качестве субъекта политики, определившего для себя политическую платформу и форму участия в политике путем создания политической партии, общественно-политического движения, либо участия в политической деятельности в составе их.

Важнейшими атрибутами и формами политического бытия служат политическое пространство и политическое время, которые в значительной мере определяют характеристику политического сознания.

2. Политическое пространство и политическое время

К сожалению, ни политическое пространство, ни политическое время анализу как отечественными, так и зарубежными исследователями практически не подвергались. Вследствие этого нам приходится начинать его, что называется, с чистого листа, выясняя содержание понятий, обозначающих интересующие нас феномены. И, приступая к решению этой задачи, прежде всего следует отметить, что указанные феномены предстают в качестве специфических проявлений социального пространства и социального времени.

Как известно, социальное пространство представляет собой разветвленную систему общественных связей, в которой фиксируется сосуществование огромного многообразия социально-предметных объектов, событий с точки зрения их упорядоченности, насыщенности и степени охвата, выражающей реальный процесс жизнедеятельности общества, т.е. социальное бытие, пребывающее в развитии. Будучи вписанным в пространство биосферы и космоса, социальное пространство обладает особым человеческим смыслом и функционально расчленено на ряд подпространств, образующих систему, одним из структурообразующих элементов которой является политическое пространство. Оно образуется всей совокупностью социальных субъектов, воздействующих на сложившуюся в обществе систему государственного устройства. Каждый из них характеризуется наличием определенного места, расположения социального субъекта, осуществляющего политическую деятельность и превращающегося таким образом в субъект политики, среди таких же, как и он, субъектов. Каждому из них присущи определенные параметры

воздействия на сложившуюся в обществе систему государственного устройства, отличающиеся по своей направленности (укрепление ее либо ослабление вплоть до разрушения), глубине и протяженности воздействия. В совокупности эти параметры как раз и образуют политическое пространство.

Исходя из этого, «*политическое пространство*» может быть определено как одно из основных понятий философии политического сознания, ее категория, обозначающая часть социального пространства, параметры которой фиксируют место, направленность, глубину и протяженность воздействия социальных субъектов на сложившуюся в обществе систему государственного устройства.

Политическое пространство выступает в качестве своеобразной матрицы, в соответствии с которой воспроизводятся сложившиеся в обществе политические отношения, отношения к системе государственного устройства, носителям государственной власти, власть предержащим, закрепленные в обычаях, традициях и законах (в юридическом смысле данного понятия), нормы поведения, достигнутый уровень политической культуры, системы ценностей.

Как и социальное пространство в целом, политическое пространство носит объективный характер. Это проявляется в том, что в любой момент существования и развития того или иного государственно организованного общества ему с необходимостью присуще наличие политических субъектов, по-разному относящихся к сложившемуся государственному устройству, политической власти. Данное обстоятельство обуславливается социальной, классовой структурой общества, существованием различных социальных потребностей и интересов, присущих различным социальным группам прежде всего в силу их различных отношений к орудиям и средствам производства материальных благ. Наличие определенных пространственных характеристик места расположения политических субъектов, направленности, глубины и протяженности воздействия их на сложившуюся в обществе систему государственного устройства не зависит от воли и сознания как политических субъектов, так и общества в целом, что также служит подтверждением объективности политического пространства.

Политическое пространство, как и социальное пространство в целом, характеризуется одновременно непрерывностью и прерывностью. Непрерывность находит свое выражение в том, что политическая деятельность есть необходимый атрибут каждого государственно организованного общества на всех этапах его исторического развития. Прерывность же проявляется, во-первых, в том, что политическая деятельность конкретного политического субъекта длится определенный период и прерывается с прекращением его жизнедеятельности. Рано или поздно прерывается, прекращается и жизнедеятельность конкретных обществ, даже, казалось бы, несокрушимых, великих, а с ней и их политическое бытие, прерывая и существование присущего ему политического пространства. Данное обстоятельство, не раз проявлявшееся в

социальной реальности, образно выразил поэт В.А. Жуковский в своем стихотворении «Торжество победителей» (перевод баллады Шиллера):

Все великое земное
Разлетается как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

Характеризуясь наличием общих для всего социального пространства черт, политическое пространство в то же время отличается и своей спецификой. И первая его отличительная черта состоит в том, что оно присуще лишь государственно организованным обществам. Первобытному обществу, не знающему частной ответственности и обусловленному ею социально-классового деления, а вслед за ним и государства с соответствующими структурами, ни политическое бытие, ни политическое пространство как одна из основных форм его проявления, не присущи.

Будучи неотделимо от социальной формы движения материи, политическое пространство выражается в пространственных характеристиках политического бытия конкретных обществ, которые отличаются своей несхожестью друг с другом.

Относительно спокойный, преимущественно эволюционный, без частых революционных взрывов путь развития американского общества способствовал формированию соответствующих обычаев и традиций политической деятельности. Как известно, американцы, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали, никогда не оплеывали свое прошлое, свою историю, а напротив, всегда гордились и гордятся результатами деятельности предшествующих поколений, взвешенно подходя к оценке тех или иных исторических событий. Та же война Северных штатов против рабовладельческого Юга подается ими без обычного для нас деления на друзей и врагов, «праведных» победителей и «никчемных» побежденных, а как роды американского общества, тяжелые, трудные, болезненные, но роды, в результате которых на свет явилась американская демократия — любимое гражданами США дитя, которое не всегда и не всем народам нравилось, но которое американцы все последующие годы лелеяли и холили, не позволяя никому его хулить и обижать. Оттого, видимо, и к президентам страны, этим «отцам демократии», у них отношение особое: ведь в их числе вы не найдете ни одного наделенного отрицательными, обидными эпитетами, несмотря на то, что дела их не всегда были безгрешными. Американский народ сам вершит свою судьбу, чтя «отцов», и сам обустроивает свой дом, наводя, когда следует, в нем порядок. Именно это и определяет сущность политического бытия США и главную особенность такой формы его проявления, как политическое пространство.

Совсем иной предстает эта матрица у нас. Особенности ее становления очень образно показал поэт А.К. Толстой в своем стихотворении «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»:

1

Послушайте, ребята,
 Что вам расскажет дед,
 Земля наша богата,
 Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
 За тысячу уж лет
 Смекнули наши предки:
 Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
 И молвят: «Как нам быть?»
 Давай пошлем к варягам:
 Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тароваты,
 Им ведом мрак и свет,
 Земля ж у нас богата,
 Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
 Отправились туда
 И говорят варягам:
 «Придите, господа.

6

Мы вам отсыплем злата,
 Что киевских конфет;
 Земля у нас богата,
 Порядка в ней лишь нет!»

7

Варягам стало жутко,
 Но думают: «Что ж тут?
 Попытка ведь не шутка —
 Пойдем, коли зовут!»²¹

Такое положение сохраняется и по сегодняшний день. Только уже отдельно на Руси и в Украине. Возмущаемся бытующими у нас беспорядками (как будто бы у других их нет), во всю, до хрипоты облаиваем последними словами «отцов» своих держав (чаще всего уже сошедших в мир иной) и уповаем на варягов, которые-де только и могут навести у нас столь желанный порядок. Вспомним хотя бы, сколько зарубежных арбитров предлагали свои услуги «поручить» украинским обществом во время последних президентских выборов. Между тем, президентская кампания в США, которая практически совпала с украинской, была не менее напряженной и острой. Но американцы не прибегали к зарубежным

арбитрам и «мирителям». Справились сами. Даже к наблюдателям из других стран, чье участие в выборах становится традиционным, отнеслись не только без телячьего восторга, но и без особого радушия, откровенно вопрошая: «А зачем они нам?»

Важной отличительной чертой политического пространства является повышение плотности политического пространства, вызванное неуклонным возрастанием количества субъектов политической деятельности по мере развития того или иного общества. Это находит, в частности, свое проявление в безудержном росте политических партий и движений в нашем украинском обществе, пребывающем на этапе трансформации и занятом поиском оптимальной структуры государственного устройства, росте кандидатов на пост Президента страны, в народные депутаты, депутаты местных советов, повышении политической активности социальных слоев и групп, которые раньше этим качеством не отличались, количественном росте политической элиты и т.д. Указанное обстоятельство, в свою очередь, обуславливает изменение структуры политического пространства — особенность, которая отличает его развитие на каждом из переломных этапов истории общества.

Специфически проявляясь в политических пространствах различных обществ, указанные особенности отражают черты, которые присущи формирующемуся мировому политическому пространству, о чем уже начинают говорить представители такой новой политической науки как мироведение²². Данное обстоятельство обуславливается спецификой современного политического времени.

Политическое время предстает в качестве специфического проявления социального времени, исследованием которого много занимались такие зарубежные исследователи, как: Бергсон, Дильтей, Литт, Ортега-и-Гассет, Хайдеггер. В последние десятилетия проблема социального времени все больше привлекает российских и украинских обществоведов. В свое время и нам довелось касаться ее, анализируя педагогическое время и историческое время²³.

Являясь неразрывно связанной с социальным пространством формой существования социального бытия, социальное время характеризует отдаленность, последовательность, продолжительность, ритмы и темпы различных стадий социальных процессов. Выступая в качестве внутреннего времени общественной жизни, будучи как бы вписанным во внешнее по отношению к нему время природных процессов, социальное время, в свою очередь, является сложной системой, одним из структурообразующих элементов которой как раз и выступает политическое время.

Политическое время может быть определено в качестве исходного понятия философии политического сознания, которое обозначает внутренне связанную с политическим пространством форму политического бытия, характеризующую последовательность, длительность, ритмы и темпы деятельности политических субъектов, направленной на изменение

сложившейся в обществе системы государственного устройства, ее укрепление либо ослабление.

Как и социальное время, политическое время носит объективный характер, поскольку не зависит от воли и сознания как политических субъектов, так и общества в целом. Можно сказать, что не они выбирают время, а оно их.

Как и в целом социальному времени, политическому времени присущи такие свойства, как диалектическое единство конечного и бесконечного, прерывность и непрерывность, однонаправленность. Деятельность каждого политического субъекта ограничена определенными временными рамками, в чем проявляется прерывность и конечность политического времени. Однако, во-первых, это не происходит одновременно со всеми субъектами. Во-вторых, смена поколений в государственно организованных обществах, приход в жизнь новых поколений обеспечивает воспроизводство и субъектов политической деятельности, традиционно существовавших в обществе. В тех же США уже десятки лет существует две основные политические партии — республиканцев и демократов, хотя многие поколения входящих в них политиков уже давно сошли с политической арены, а то и прекратили свою жизнедеятельность, уступив место следующим за ними. В-третьих, развитие общества, изменение присущих ему форм собственности на орудия и средства производства, а вслед за ними и социально-классовой структуры ведет к появлению на политической арене и новых субъектов политической деятельности. Ярким примером тому является украинское общество, пребывающее на стадии своей трансформации, где количество политических партий и движений растет из года в год и давно уже перевалило за сотню.

Характеризуясь общими с социальным временем свойствами и признаками, политическое время отличается рядом присущих ему особенностей.

Оно, как уже отмечалось, является структурным элементом социального времени, внутренним по отношению к нему. Если социальное время фиксирует весь процесс изменчивости социальных организмов — отдельных личностей, семьи, классов, более мелких социальных групп, конкретных обществ, человеческого сообщества в целом, то политическое время выступает в качестве меры изменений, которые происходят в содержании и формах политической деятельности, т.е. совокупности отношений субъектов политики и существующей системе государственного устройства, ее направленности в той или иной сфере жизнедеятельности общества, которые определяют изменения, происходящие в самой этой системе. В свою очередь, сомнения, которые происходят в системе государственного устройства, обуславливают изменения в системе субъектов политической деятельности, характере, их взаимодействиях, глубине и интенсивности воздействия их на систему государственного устройства.

Политическое время, как и политическое пространство, является сложно структурированной системой. Так, например, в рамках

политического времени, в которых происходили политические события, характеризующие политическое бытие советского общества, можно выделить время становления молодой республики Советов в России, других республик, время формирования и развития СССР, а также и время его развала, время, когда вся политическая деятельность в обществе находилась под жестким контролем КПСС, устранившей с политической арены практически всех политических противников и любые формы оппозиции, время, когда государство возглавляли Ленин, Сталин, Брежнев и, наконец, время, когда у руля державного корабля стоял Горбачев, политическая деятельность которого отличалась, прямо скажем, авантюризмом и безответственностью, что в конце концов и привело к развалу некогда могучей державы.

Говоря о политическом времени, в котором получило свое проявление политическое бытие провозгласившей независимость Украины, кроме времени, характеризующегося деятельностью Президентов Кравчука, Кучмы и Ющенко, следовало бы выделить время, в котором протекали политические события до принятия Конституции Украины и после того, когда Основной Закон нашего государства уже действовал, а также некоторые другие параметры, отличающиеся своей спецификой, но входящие в структуру политического времени общества.

Характеристика любого политического явления не может ограничиваться фиксацией места и других пространственных параметров: необходим еще анализ политического времени, а точнее — анализ политического пространства — времени. Лишь такой анализ позволит не только выявить само политическое явление, но и откроет возможность проникновения в его сущность, осмыслить влияние на политическую власть, выступающую в качестве интегратора системы государственного устройства, сложившейся в обществе.

К рассмотрению содержания понятия, обозначающего данный феномен, мы и переходим.

3. Политическая власть

Каждая форма общественного сознания характеризуется наличием системы понятий, отражающих определенные стороны общественного бытия. Выступая в качестве структурообразующих, они находятся во взаимосвязи, взаимодополняя, взаимообуславливая друг друга. Каждая из них играет свою, безусловно, важную роль. Однако степень этой важности различна, исходя из чего есть основания, предпринимая философский анализ той или иной формы общественного сознания, выделять основные и неосновные понятия. К числу основных понятий, в частности, относятся ранее рассмотренные нами «политическое пространство» и «политическое время». В то же время среди понятий, характеризующих ту или иную форму общественного сознания, есть понятия-интеграторы, те, которые объединяют все остальные в единую систему, отражая сущность последней.

Для научного сознания, к примеру, таковым понятием является «истина». В самом деле. Ведь сущность науки, в целом, любой из ее отраслей состоит в адекватном отражении познаваемой реальности, то есть в стремлении к истине. Если это качество отсутствует, утрачивается, отрасль знания, сколь бы авторитетной ранее она ни была, теряет статус науки.

Наиболее остро данное обстоятельство дает о себе знать в развитии истории. Ведь познание прошлого всегда считалось проблематичным. Каким пессимизмом и безысходностью веет, скажем, от слов, запечатленных в книге Екклесиаста или проповедника «Библии»: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»²⁴. Пройдет не одно столетие и великий мыслитель и поэт Гете о том же скажет устами главного героя своей поэмы «Фауст», подчеркивая, сколь далека от истины историческая наука:

«Не трогайте далекой старины.
 Нам не сломить ее семи печатей.
 А то, что духом времени зовут
 Есть дух профессоров и их понятий,
 Который эти господа некстати
 За истинную древность выдают.
 Как представляем мы порядок древний?
 Как рухлядью заваленный чулан,
 А некоторые еще плачевней –
 Как кукольника старый балаган.
 По мнению некоторых, наши предки
 Не люди были, а марионетки»²⁵.

А разве сейчас у нас нет оснований усомниться в истинности знаний о прошлом Украины, которые подает нам историческая наука? Ведь сколько раз они кроились и перекраивались историками, которые озабочены, кажется, не тем, как достигнуть истины, а как угодить власти предержащим, ту самую политическую власть. Не потому ли из самой же среды историков можно слышать рассуждения о том, что история не чистая наука, а нечто среднее между последней и искусством. Такой подход будет способствовать дальнейшему снижению уровня научности этой дисциплины, а потому, при своей кажущейся привлекательности, весьма опасен.

Для религиозного сознания понятием-интегратором служит «религиозная вера» в сверхъестественные силы, в Бога. Обозначаемый им феномен, проявляющийся в качестве особого настроения, переживания, характеризующего внутреннее состояние людей, групп их, является способом существования религиозного сознания.

Для правосознания понятием-интегратором служит «справедливость». В нем отражается неумирающая, вечно живая, постоянно дающая о себе знать объективная потребность общества в достижении гармонии отношений между ролью отдельных людей, классов, других более мелких социальных групп и их социальным положением, трудом и

вознаграждением, преступлением и наказанием, достоинствами людей и их общественным признанием, между правами и обязанностями.

Интегратором в системе понятий нравственного сознания выступает «добро», содержанием которого охватывает все то, что возвышает человека духовно и физически, что отвечает чаяниям и нуждам людей, способствует справедливости и гуманности в обществе, сохранению и упрочению жизни как таковой.

В системе понятий эстетического сознания такую роль играет «прекрасное», в котором находит свое непосредственное выражение эстетический идеал, оценка явлений действительности и произведений искусства, которые доставляют человеку чувство эстетического наслаждения, воплощающих в предметно-чувственной форме свободу и полноту созидательных и познавательных сил и способностей человека во всех сферах общественной жизни.

Интегратором в системе понятий философского сознания выступает «мудрость». Это понятие обозначает высшую духовную способность человека, вбирающую в себя осмысление реальной действительности на основе соединения жизненного опыта и разума, реализуемого посредством размышления («вопрошания») человека о мире, о самом себе, о смысле своей жизни и призвании в этом мире.

Есть свой интегратор и в системе понятий политического сознания. Эту роль как раз и играет понятие «политическая власть». К сожалению, содержание и этого понятия, как и ранее рассмотренных, практически не раскрывается в авторитетных справочных философских изданиях. Обходят его своим вниманием в большинстве случаев и философы, в том числе и те, которые отстаивают право на самостоятельное существование политической философии. В свое время это удалось авторам коллективной монографии «Политическая организация советского общества», выпущенной к 50-летию Октябрьской революции²⁶, Ф.М. Бурлацкому и В.О. Мушинскому, авторам монографии «Народ и власть»²⁷. Аналогично поступил и К.С. Гаджиев в работе «Политическая философия»²⁸, не включив это понятие в предметный указатель.

Не жалуют его и зарубежные авторы. Данное понятие вы не встретите в объемном издании американских авторов Д.Г. Себайна и Т.Л. Торсона «Історія політичної думки», выпущенной киевским издательством «Основи»²⁹, а также во «Введении в политическую философию» Лео Штрауса, изданного в Москве³⁰.

Однако нельзя сказать, что понятие «политическая власть» находится вне зоны интереса обществоведов. Разработкой его, как и положено, довольно активно занимаются политологи. Рассматривая данное понятие в качестве видового по отношению к родовому понятию «власть», Н.И. Горлач, к примеру, приходит к следующему утверждению: «Политическая власть – это политическое господство, политико-правовая гарантия определенного типа экономических, социальных отношений, один из видов авторитета, собственно политического авторитета. Политическая

власть – одно из самых важных проявлений власти, характеризующееся реальной способностью социальной общности (класса, страта, нации или иной общности), а также индивидов, отражающих их интересы, осуществлять свою волю с помощью политики и правовых норм»³¹.

Разделяя в общем исходные позиции данного автора в анализе феномена политической власти, мы все же не можем согласиться полностью с предлагаемой им дефиницией по крайней мере по двум причинам. Во-первых, вряд ли можно согласиться с тем, что политическая власть есть «один из видов авторитета, собственно политического авторитета». Ведь авторитет – это общее признание достоинств какого-либо лица, группы людей, системы взглядов и организации. Всякая же власть предстает как, на наш взгляд обоснованно показывают исследователи, предпринявшие глубокий анализ этого феномена, в качестве общественного отношения, в котором преобладающая сторона – субъект подчиняет другую сторону – объект в соответствии с определенными целями»³². Да это, собственно говоря, не отрицает и Н.И. Горлач. Говорить же об авторитете общественного отношения, как нам кажется, не совсем корректно. Правда, на уровне обыденного сознания порой это допускается, как допускается и обратное – утверждения об отсутствии авторитета у власти либо его утрате. Именно на этом, как известно, делали акцент сторонники кандидата в Президенты Украины В.А. Ющенко в процессе последней бурной избирательной кампании, широко используя выражения «преступная власть», «бандитская власть», «коррупцированная власть» и т.д. Хотя, строго говоря, преступными, бандитскими, коррупцированными могут стать власть предержащие, те, кто занят в структурах системы государственного устройства, то есть государственные служащие самых различных уровней и категорий, но не сама власть. И лишаться авторитета, терять его, равно как и завоевывать, могут именно они. Если, конечно, вести разговор не на уровне бытовом, уровне обыденного сознания, а стремиться все же подниматься на более высокий уровень научного политического сознания.

Во-вторых, предлагаемая дефиниция, рассматривая политическую власть как одно из проявлений власти, характеризующееся реальной способностью социальной общности, а также индивидов осуществлять свою волю с помощью политики и правовых норм, не раскрывает характера данного явления и его сущность.

Этот же недостаток присущ и дефинициям политической власти, предлагаемым другими авторами, которые определяют ее как «способность субъектов политики навязывать свою волю объектам политики с помощью различного рода ресурсов и средств»³³.

Дело в том, что способность в русском языке понимается как талант, дарование, умение, а также возможность производить какие-нибудь действия³⁴. Политическая же власть выступает в качестве взаимосвязи социального субъекта, воздействующего на объект, который в то же время является и социальным субъектом. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с субъект-объект-субъектной связью, то есть, как ранее

отмечалось, с общественным отношением, каковым является политическая власть, и что, по нашему мнению, должно быть отражено в определении данного явления.

Определение, далее, должно раскрывать содержание данного явления, которое, будучи представлено как система, включает в качестве структурообразующих все входящие в нее элементы и взаимосвязи их друг с другом и внешней средой. Речь, таким образом, идет о политическом субъекте и политических объектах, которые в то же время являются активно действующими субъектами, их связях друг с другом и внешней средой, весьма сложных и многообразных.

Определение, наконец, должно указывать на сущность обозначаемого понятием явления. Таковым в данном случае является определенное воздействие указанной взаимосвязи, общественного отношения на сложившуюся в обществе систему государственного устройства, которое достигается преследующим определенные цели политическим субъектом в качестве преобладающей, более сильной стороны, опираясь на имеющиеся в его распоряжении методы, формы и средства.

У любого социального субъекта может быть несколько самых различных целей, преследуя которые, они могут навязывать свою волю другим субъектам, превращая таким образом их в объекты. Однако для того, чтобы он стал политическим субъектом, он должен иметь перед собой в качестве главной цели соответствующее изменение существующей системы государственного устройства. Вспомним, что за действия, направленные на достижение именно такого рода целей, во все времена преследовались как отдельные люди, так и целые партии по политическим мотивам. Правда, аргументы при этом, как правило, бывали разного рода, но, по сути дела, гонимые страдали за политику. Так было в условиях царской России. В этом была главная вина возглавивших восстания против крепостничества, религиозного и национального гнета Ивана Гонты и Максима Зализняка, Северина Наливайко, вождя Освободительной войны украинского народа Богдана Хмельницкого перед шляхетской Польшей. Именно за это жесточайшим образом расправилось правительство царской России с участниками крестьянских восстаний под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева и Ивана Болотникова. За это оно жестоко карало декабристов, преследовало Александра Герцена и Николая Огарева, народовольцев, социал-демократов, большевиков. А разве не за это заплатились жизнями Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков, Затонский, Касиор, Постышев, Чубарь, Тухачевский, Егоров, Вознесенский, Кузнецов и многие, многие другие видные деятели большевистской партии уже в советское время? Не за это преследовались и громились политические партии анархистов и эсеров? Не за это отправлялись в лагеря и тюрьмы так называемые «диссиденты»? Так было при Советской власти. Мало что изменилось и сейчас.

В самом деле. Межпартийная борьба в украинском обществе, находящемся на этапе трансформации, ведется уже давно, то обостряясь, то

обретая более-менее спокойный характер. И далеко не всегда это была политическая борьба. Таковой она становилась, когда в центре ее оказывались вопросы изменения существующей системы государственного устройства, скажем, федерализма и сепаратизма, как это имело место на финише последней избирательной кампании.

Политическая деятельность, борьба выступает в качестве необходимого условия завоевания политической власти, которая предстает как результат победы, установления господства определенного политического субъекта над политическим объектом. При этом не следует забывать, что наличие объекта, который одновременно является и более-менее активно действующим политическим субъектом, непременно будет сказываться на результатах усилий политического субъекта. Он, завоеванное им преобладание, господство, будет лишь определенным образом, в некоторой мере соответствовать тому, к чему этот субъект стремится, цели, которой он старался достигнуть. Однако этого вопроса мы коснемся подробнее несколько позже.

Сейчас же, исходя из сказанного, *политическая власть*, по нашему мнению, может быть определена как общественное отношение, в котором политический субъект, выступая в качестве преобладающей стороны, подчиняет себе деятельность других политических субъектов и, превращая их таким образом в объекты, обеспечивает определенной мерой достижение поставленной им цели – укрепления или ослабления, частичного либо коренного изменения сложившегося в обществе системы государственного устройства.

Опять-таки, нисколько не претендуя на истину в последней инстанции, полностью адекватное и исчерпывающее описание феномена политической власти, мы рискнули предложить данное определение в качестве рабочего. В защиту его преимущества можно назвать ряд причин.

Оно более четко определяет статус обозначаемого данным понятием явления, относя его к связям и взаимодействиям, в которые вступают люди, в ходе их совместной практической и духовной деятельности, то есть к общественным отношениям, точнее, к одному из них виду – политическим общественным отношениям.

Указывая на политические субъекты как на основные структурообразующие элементы, между которыми существует определенный тип взаимосвязи – преобладания одних над другими, господства и подчинения, оно позволяет проникать в содержание многочисленных форм проявления политической власти как социального, а точнее – политического феномена.

Говоря о формах проявления последнего, их можно классифицировать по целому ряду признаков, различая политическую власть по ее источникам (авторитету, силе, престижу, закону, богатству, знаниям, харизме, тайне, организации и пр.); субъектам (государственная, партийная, региональная) и объектам; по функциям (господства, управления, контроля, регуляции, координации, организации, мобилизации, защиты и пр.); по основаниям

(экономические, социальные, юридические, административно-силовые, культурно-информационные и др.); по ресурсам власти (административный ресурс, любовь, страх и т.п.); по характеру (утилитарная, нормативная, принудительная); по формам влияния и т.п.³⁵

Предлагаемое определение, наконец, прямо указывает на сущность обозначаемого понятием «политическая власть» явления – не просто какое-либо общественное отношение в ряду их имеется в виду в данном случае, а отношение по поводу существующей в обществе системы государственного устройства. Отсутствие такового, его исчезновение вело бы к исчезновению феномена политической власти. Но не только: оно означало бы исчезновение всего политического бытия, поскольку отношение к существующей системе государственного устройства составляет и его сущность.

В прошлые годы советской истории нашего общества довольно часто доводилось слышать выражение, принадлежащее классикам марксизма, о том, что основной вопрос всякой революции есть вопрос о власти. Само собой разумеется, что речь шла о политической власти, которая, обладая общими признаками, присущими всякой власти как социальному явлению – объективность, причинно-следственная обусловленность, конкретность, развитие, – отличается и рядом особенностей. Говоря о них, Н.И. Горлач, в частности, указывает на следующие: «Во-первых, политическая власть в пределах государства использует силу и принуждение легально. Во-вторых, для всякой власти обязательны верховные решения политической власти. В компетенцию политической власти входит и право ограничения влияния мощных корпораций, средств массовой информации и других учреждений или же вообще их ликвидация. В-третьих, политическая власть отличается публичностью, то есть всеобщностью и безличностью. В отличие от существующих небольших групп приватной, личной власти, политическая власть обращается от имени всего общества ко всем гражданам. В-четвертых, политическая власть отличается моноцентричностью единого центра принятия решений... И, в-пятых, политическая власть отличается многообразием средств власти. Политическая власть... использует не только принуждение, но и экономические, социальные и культурно-информационные средства власти»³⁶.

К сожалению, смешивая понятия «политическая власть» и «субъект политической власти», автор порой употребляет не совсем корректные выражения. Являясь, как мы показали ранее, общественным отношением, политическая власть не может ни использовать силу и принуждение, ни «отличаться многообразием средств власти»: это прерогатива субъекта политической власти. В остальном же особенности ее, как нам представляется, указанным автором раскрыты верно и достаточно полно.

Характер политической власти как социально-политического феномена, его специфика обуславливают и особую роль обозначающего его понятия в системе понятий политического сознания как одной из основных форм общественного сознания. Оно, как мы уж ранее заметили, выступает в качестве интегратора указанной системы. Это, в частности, находит свое

проявление в том, что говорить о «политическом пространстве» и «политическом времени» безотносительно к «политической власти» просто бессмысленно, поскольку лишь через обозначаемый данным понятием феномен, реально существующее отношение социальных субъектов, его изменение, развитие можно фиксировать место, направленность, глубину и протяженность, последовательность, длительность, ритмы и темпы их воздействия на существующую в обществе систему государственного устройства. В нем, в его существовании и развитии могут проявить себя социальные субъекты в качестве политических субъектов, могут быть зафиксированы политические объекты, политическая жизнь общества, его политическое бытие. Через него, через существование, изменение его может фиксироваться политический процесс, анализом которого мы и намерены заняться в следующем разделе.

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО СПЕЦИФИКА

Философский анализ интересующего нас феномена мы должны начать с уточнения содержания понятия «политический процесс», которое не всеми и не всегда толкуется однозначно.

1. Сущность и содержание политического процесса

Говоря о значениях понятия «политический процесс», необходимо прежде всего отметить их различие при толковании, во-первых, на уровне обыденного сознания, а во-вторых, на более высоком, научном уровне.

В первом случае формирование его, как и других понятий этого уровня, обуславливалось непосредственным воздействием на психику людей присущего нашему обществу политического бытия, политической реальности. Последние же, как известно, отличались гипертрофированием роли и значения так называемых силовых структур в системе государственного устройства практически на всех этапах нашей истории. Речь идет не только о жестокостях и дикостях царского режима, присущих династии Романовых, завершившей свое существование Николаем II, который при жизни был наречен народом Николаем Кровавым, а ныне церковью возведен в святые и некоторыми авторами отнесен к числу «замечательных людей»¹. Советский период, не говоря уж о годах революции и гражданской войны с реками пролитой крови, в этом плане также не был исключением, как во время культа личности И. Сталина, так и после разоблачения этого самого культа Н. Хрущевым, который, надо отметить, сам был одним из активнейших его творцов при жизни обожествляемого им «отца всех народов». Да и сейчас силовые структуры в системе государственного устройства провозгласившей независимость Украины внушают нашим согражданам не только глубокое уважение. Драматизм многих страниц нашей далекой и недавней истории, незрелость молодой демократии, отсутствие структур гражданского общества, необходимого опыта политической деятельности, закрепленного в традициях и законах, формирующих правовое поле общества, обуславливают понимание политического процесса как «череду событий политической жизни, связанную с применением властями судебного и карательного аппарата»². Закреплению в общественном сознании именно такого понимания феномена политического процесса способствуют скоропалительные выводы, непродуманные высказывания, непрофессиональные действия приступивших к исполнению своих обязанностей руководителей государства и государственных структур как в центре, так и на местах, непозволительно долго пребывающих в пылу борьбы за высший пост на капитанском мостике нашего державного корабля с недавними соперниками, которые забывают, видимо, о главной своей нынешней обязанности – прокладывать надежный и безопасный путь его в непрерывно штормящем, бушующем политическом море.

Что же касается понятия “политический процесс”, как его понимают политологи, социологи, представители других отраслей обществоведческой науки, то оно, хоть и не игнорирует совсем ранее рассмотренного обстоятельства, влиявшего на толкование понятия на уровне обыденного сознания, в то же время не ограничивается им. Отчего содержание его предстает более взвешенным и сложным. Правда, среди обществоведов также нет единого мнения в толковании интересующего нас понятия.

Как отмечают исследователи, предпринявшие анализ феномена, обозначаемого этим понятием, “в мировой политической науке выделяется три основных подхода к определению характера и содержания политического процесса в зависимости от характера политических акторов, а также временной единицы измерения.

Сторонники первого, институционального подхода связывают рассматриваемое явление с трансформацией институтов власти – основных субъектов политического процесса. Срезовые условия, например, социальная инфраструктура, при этом учитываются лишь частично или косвенно, поскольку рассматриваются как имеющие второстепенное значение. Временные единицы невелики, позволяя измерить политический процесс в рамках повседневности и истории.

Представители второго, бихевиорального подхода в качестве субъектов политики рассматривают отдельных индивидов или группы людей. Поэтому политический процесс предстает в виде “результатирующего вектора” поведения, политических волей и интересов этих субъектов...

Третий, структурно-функциональный подход акцентирует внимание не столько на повседневном аспекте политического процесса, сколько на внутренних структурно-функциональных особенностях политической системы и среды, обуславливающих тот или иной способ и характер действия и взаимодействия между акторами. Единицами анализа при этом выступают не столько индивиды и группы, сколько большие структуры политической системы (и сама система в целом), а также их функционально-ролевая структура. Основное внимание уделяется анализу макроаспекта политического процесса, который трактуется некоторыми представителями данного направления как совокупность реакций политической системы на воздействие окружающей среды в целях формирования решений, приемлемых для ведущих групп интересов”³.

Уделяя основное внимание лишь отдельным аспектам политического процесса, каждый из этих подходов, во-первых, лишает исследователя возможности представлять процесс в его целостности, а во-вторых, не позволяет углубиться в своем анализе, концентрируя внимание на явлениях, сдерживает проникновение в сущность феномена, во внутренние, объективные, существенные, повторяющиеся, устойчивые связи, присущие ему, то есть в закономерности его развития.

Этот второй момент характерен и для наших отечественных политологов, социологов, да и философов. Данное обстоятельство проявляется в том, что ими феномен политического процесса либо вообще

обходится молчанием, либо, опять-таки, толкуется как “результатирующий вектор” поведения, политических волей и интересов субъектов.

К числу представителей первого подхода, кроме авторов “Философского словаря”, “Политического словаря” и других справочных изданий, следует отнести А. Бондара⁴, В.М. Бебика⁵, К.С. Гаджиева⁶ и др. Что же касается сторонников второго подхода, то следует заметить, что и их толкования политического процесса также разнятся между собой.

Так, например, Н.И. Горлач считает, что “политический процесс выступает совокупностью результатов переплетения различных типов политического поведения социальных общностей, слоев и граждан, деятельности властных органов и структур, реальности, в которой взаимодействуют различные субкультуры, взаимоисключающие традиции и многие факторы, непрерывно вносящие в течение событий нечто новое, нестандартное.

...Политический процесс – совокупность действий, осуществляемых субъектами, носителями и институтами власти по реализации своих прав и прерогатив в политической сфере”⁷.

Как видим, данный автор акцентирует внимание лишь на совокупности результатов переплетения различных типов политического поведения социальных субъектов, их действий, вернее, на наличии ее, то есть этой совокупности, ничего не говоря о других существенных признаках, характеризующих политический процесс, как и всякий иной процесс. Последний же (от лат. *processus* – прохождение, продвижение) есть совокупность событий, состояний, изменений, которая имеет определенную целостность и направленность⁸. Отсутствие в определении Н.И. Горлача указаний на наличие определенной целостности и направленности делает его весьма уязвимым и вряд ли может считаться достаточно полным для характеристики такого сложного явления, как политический процесс.

Не может быть признана достаточно полной и дефиниция, предлагаемая авторами сборника “Политический процесс”, которые считают, что “политический процесс можно определить как упорядоченную последовательность действий и взаимодействий политических акторов, связанных с реализацией властных интересов и целедостижением и, как правило, создающих и воссоздающих политические институты. Можно дать и другое определение политического процесса – иное по форме, но близкое по сути: политический процесс представляет собой развертывание политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности действий и взаимодействий”⁹. Во-первых, указывая на упорядоченную последовательность действий и взаимодействий политических акторов, авторы таким образом признают наличие субъекта, обеспечивающего эту самую упорядоченность, сознательно или бессознательно ставя под сомнение объективность протекания политического процесса. Кроме того, акцентируя внимание на действиях и взаимодействиях политических акторов, они опять-таки забывают подчеркнуть целостность их совокупности. Последняя же, как нам представляется, находит свое

проявление в политических состояниях, в смене которых как раз и выражается политический процесс.

Под *политическим состоянием* мы понимаем совокупность свойств, присущих данному социальному организму – обществу, классу, более мелкой социальной группе, отдельной личности, в конкретный период его становления и развития, в которой находит свое выражение состояние сложившихся в нем отношений к существующей системе государственного устройства, государственной власти.

Если говорить о политическом состоянии общества, то следует иметь в виду, что количественная и качественная характеристика его не может быть полной без учета таких составляющих, как политическое состояние властных структур государства, классов, других более мелких социальных групп, политических партий и движений. Она не может быть полной и в случае, если анализ политического состояния общества ограничивается рассмотрением какой-либо одной или нескольких из этих составляющих.

В политическом состоянии сегодняшнего украинского общества все большую роль начинают играть структуры складывающегося гражданского общества. Они, как известно, активно проявили себя в противостоянии властным структурам во время последних президентских выборов. К сожалению, их протестная деятельность концентрировалась в основном на персоналиях власть предержащих, скомпрометировавших себя различного рода нарушениями. На втором плане, если не в тени, оставались вопросы качественных изменений системы государственного устройства, позволяющей допускать эти нарушения. Политическая реформа, решение о которой было принято Верховной Радой под большим нажимом левых сил “в пакете”, явно не вызывает восторга у тех, кто занял высокие кабинеты прежних руководителей государства. И это не удивительно, поскольку она в определенной степени направлена на изменение сущности, лежащей в основе феномена – украинского государства, что соответствует интересам далеко не каждого из ныне власть предержащих.

Политическое состояние зависит прежде всего от экономических отношений, в первую очередь от существующей в обществе формы собственности на орудия и средства производства, которая в конечном счете обуславливает и определенный характер распределения материальных и иных благ, складывающийся в обществе, его социально-классовую структуру, характер социальных и идеологических отношений, характер взаимосвязей политических субъектов, политической жизни. Поэтому было бы неправильно в анализе политического процесса ограничиваться лишь действиями политических субъектов, акторов, их взаимосвязями без стремления проникнуть в сущность явления, что только и позволит вскрыть закономерности.

Конечно, задача эта архисложная, требующая больших усилий, кропотливого труда. Однако позволительно спросить: есть ли такая наука, такая научная отрасль, где бы открытия, тем более такого рода, как обоснование законов или их конкретных проявлений, т.е. закономерностей

давались легко и просто? Они, попросту говоря, не существуют. И тот из исследователей, который ставит перед собой задачу анализировать политический процесс как представитель определенной отрасли обществоведческой науки (будь то политологи, будь то социологи), должен помнить об этом, как и о том, что предметом любой науки являются, опять-таки, законы и закономерности, которым подчиняются в своем развитии исследуемые или реально существующие феномены, в данном случае политический процесс.

Политический процесс, как нам представляется, следует рассматривать в качестве одного из основных понятий социологии, политологии и, естественно, философии политического сознания, обозначающего объективно складывающуюся совокупность последовательно сменяющих друг друга политических состояний, в которой находит свое выражение имеющее определенную направленность изменение сложившейся в данном обществе системы государственного устройства.

Как и любому процессу, политическому процессу присущ ряд общих признаков. Он, как уже отмечалось, предстает в виде последовательно сменяющих друг друга состояний – политических состояний, является причинно обусловленным политической деятельностью социальных субъектов и в то же время не зависит от воли и сознания людей, образующих общество, т.е. является объективным. Особенности, отличающие политическое бытие каждого общества, детерминируют конкретность политического процесса, ограниченность его определенными пространственно-временными параметрами.

В то же время политический процесс характеризуется и своей спецификой, рядом отличающих его особенностей.

Первая из особенностей состоит в том, что политический процесс обусловлен становлением и развитием государства, которое, таким образом, предстает в качестве одной из главных причин интересующего нас явления, выступающего в качестве следствия.

Вторая особенность политического процесса состоит в том, что сам политический процесс, его развитие, в свою очередь, обуславливают развитие государства, служат, иначе говоря, причиной, результатом, следствием которой становится развитие государства, государственного устройства. Прекращение политического процесса будет означать и прекращение развития государства.

Третья особенность политического процесса состоит в том, что сам он, его характер обуславливается как внешними, так и внутренними причинами. Скажем, политический процесс, который протекает в современном украинском обществе, обуславливается не только политической борьбой партий, которые растут как грибы после дождя, но и внешнеполитической деятельностью ведущих стран мира, прежде всего США, Европейского Союза, НАТО и России. Это проявляется прежде всего в сложндетерминированном поведении президента, других представителей исполнительной власти: посмотрят в сторону Москвы, мрачнеют западные

партнеры, начинают дарить добрые слова и улыбки Западу, хмурятся в Москве. Обращая внимание на данное обстоятельство, Б.О. Парахонский в монографии, подготовленной Национальным институтом стратегических исследований и Национальным институтом украинско-российских отношений, пытаясь прогнозировать внешнюю политику Украины, отмечал: “Украина имеет особую политику как относительно НАТО, так и по отношению к РФ и Ташкентского договора. Декларируя собственный, самопровозглашенный нейтралитет, она стремится сохранить некоторый баланс отношений между РФ и НАТО, хотя и ощущает время от времени усиление давления то с одной, то с другой стороны. Такое положение вещей не может сохраняться долгое время. В конце концов под действием соответствующих внешних и внутренних сил Украина окажется в ситуации окончательного выбора, который сейчас предвидеть трудно. Украина занимает слишком важное стратегическое место в Юго-Восточной Европе, имеет слишком большой потенциал, чтобы страны НАТО и РФ не искушались приобрести для себя значительные преимущества за ее счет и оставить ее в покое, как, например, Швецию или другие нейтральные страны. Одновременно формирование какого-либо стратегического альянса вне НАТО или РФ, скажем Балто-Черноморского, пока что малореально, хотя внимание к созданию таких структур постоянно повышается”¹⁰.

Со времени выхода в свет этой монографии минуло пять лет. Но столь желанного баланса отношений со странами НАТО и РФ, да к тому же длительной перспективы достигать Украине по-прежнему трудно, не говоря уж о том, чтобы обеспечить себе покой, который имеют Швеция и некоторые другие нейтральные государства. После победы, которой добились «оранжевые силы» на последних президентских выборах, завершившихся приходом на высший административный пост В.А. Ющенко, вектор внешней политики нашей страны начал было решительно клониться в сторону Запада, однако экономические факторы, прежде всего, зависимость от поставок нефтепродуктов и газа, сбыт металлургической продукции, продуктов питания и пр., вынуждают новое украинское руководство корректировать его движение, быть более осторожным, принимать более взвешенные решения.

Внешние факторы оказывают воздействие на деятельность не только государственных структур, но и других субъектов политики, а с ними на ход и характер политического процесса. Это, в частности, в нашем обществе, пребывающем на стадии трансформации, проявляется в том, что деятельность политических партий и различного рода движений в значительной мере зависит от инвесторов из других стран – различного рода международных фондов, денежных мешков предпринимателей, банкиров, которые активизируют свою “щедрость”, как правило, накануне и во время проведения избирательных кампаний. Делается это, естественно, не бескорыстно, а в расчете на то, что средства, ассигнуемые ими, неважно как и в какой форме, но возвратятся к инвестору, что затраты его окупятся с лихвой.

Третья особенность политического процесса состоит в том, что он в значительной мере детерминирует процессы экономического, социального и духовного развития. Его бурное протекание в последние годы существования СССР, приведшее к развалу некогда могучей страны и образованию на ее бывшей территории самостоятельных государств, обусловили формирование обществ с совершенно иными формами собственности на орудия и средства производства, что, в свою очередь, существенно изменило социально-классовую структуру общества, характер экономических законов, которым подчиняется современный процесс экономического развития новых обществ, в том числе украинского, и изучением которых, надо признать, никто серьезно не занимается. Иными стали не только формы собственности, но и характер производства и распределения, подходы к решению социальных и идеологических вопросов, проблем духовного развития. Без знания их, глубокого анализа состояния напрасно думать о создании надежной системы социального управления, в том числе и эффективного воздействия на политический процесс. В связи с этим, на наш взгляд, заслуживают всяческого одобрения весьма содержательные публикации ученых Национального института стратегических исследований Совета национальной безопасности и обороны Украины¹¹, а также Института социологии НАН Украины, который с 1994 года настойчиво реализует проект ежегодного мониторинга украинского общества на рубеже XXI столетия. Законный интерес, в частности, вызвал очередной ежегодник Института социологии «Украинское общество 1994-2004. Мониторинг социальных изменений»¹², который содержит почти 300 таблиц со сравнительными данными одиннадцати общеукраинских опросов общественного мнения, а также 56 статей социологов. К сожалению, тираж этого нужного обществоведам издания до обидного мал – всего 300 экземпляров.

В политической науке существует ряд способов типизации и классификации политических процессов в зависимости от различных оснований. Так, например, авторы уже упоминавшейся работы «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа», вышедшей под редакцией Е.М. Мелешкиной, фиксируют следующее¹³:

1. Разномасштабность политических процессов, которая позволяет выделить повседневные политические процессы («мелкие» акторы и единицы измерения), исторические политические процессы (более крупные акторы – в основном группы и институты) и эволюционные политические процессы, которые характеризуются участием «крупных» акторов (институтов, политической системы, поддаются измерению с помощью крупномасштабных временных единиц).
2. Различия в предметных областях, позволяющие делить политические процессы на базовые, основанные на изменении системных свойств политической жизни (например, процесс формирования властных структур государственного уровня) и

периферийные, основанные на изменении менее существенных размеров.

3. Различная степень открытости позволяет выделить открытые и закрытые политические процессы.

Такое деление, в частности, предлагает А.И. Соловьев¹⁴.

4. На основе собственной эволюционной стадии развития общества некоторые политологи выделяют политический процесс в традиционном обществе и политический процесс модернизации¹⁵.
5. С точки зрения состояния общества выделяются политический процесс стационарного и переходного типов.

Безусловно, указанные основания могут использоваться для классификации, типизации политических процессов. Количество их может быть увеличено. Однако при этом нельзя забывать о тех основаниях, которые позволяют наиболее полно судить о характере политического процесса, его потенциальных возможностях, влиять на систему государственного устройства. Думается, что политические процессы следует различать, во-первых, по принадлежности к определенному социальному организму, в рамках которого они протекают. Исходя из этого представляется возможным выделять политические процессы, которые протекают в мировом сообществе, конкретном обществе, классе, более мелкой социальной группе, а также в рамках становления и развития отдельной личности.

Во-вторых, политические процессы следует различать по характеру своего протекания. Одни из них носят спокойный, эволюционный характер. Другие сопровождаются взрывами, революционной ломкой ранее сложившихся структур государственного устройства.

Политические процессы, в-третьих, следует различать по своей направленности. Те из них, которые направлены на дальнейшее совершенствование системы государственного устройства, поступательное развитие экономической, социальной и духовной деятельности, возрастание степени свободы каждой отдельной личности в развитии своих социально значимых потребностей, носят прогрессивный характер. Те же политические процессы, которые ведут к ослаблению существующей системы государственного устройства, не порождая действительно новых его форм, а, напротив, способствуя разрушению старых, снижению указанной степени свободы личности можно определить как регрессивные.

Каждый из политических процессов характеризуется определенными источниками, движущими силами и субъектами, к рассмотрению которых мы и переходим.

2. Источники и движущие силы политического процесса

Исследуя политический процесс, политологи, да и философы, обычно ограничиваются рассмотрением лишь субъектов, в деятельности которых и видят причины развития интересующего нас феномена. При этом игнорируется то немаловажное обстоятельство, что существуют как

непосредственные, внутренние причины, образующие источник развития политического процесса, так и опосредствованные, формирующие его движущие силы.

Накопленный на протяжении многовековой истории человеческого сознания опыт свидетельствует о том, что при исследовании сложноорганизованных систем, к которым относится общество, обнаруживается огромное количество их различных свойств, признаков и сторон. Среди этого многообразия всегда можно найти такие стороны исследуемого предмета, явления, процесса, которые одновременно и взаимно предполагают, взаимно обуславливают и взаимно отрицают друг друга, то есть диалектические противоположности. Отношение между ними, обозначаемое понятием “противоречие”, служит источником всякого развития.

Источник становления и развития политического процесса формируется рядом социальных противоречий. В качестве основного из них выступает противоречие между потребностью в объединении усилий всех членов общества в решении постоянно усложняющейся системы экономических, военных, социальных, духовно-идеологических проблем, с необходимостью присущих любому социальному организму на каждом этапе его исторического развития, и ограниченными возможностями удовлетворения этой потребности.

Потребность в объединении усилий членов первобытной общины обуславливается еще неразвитой системой проблем, встающих перед обществом на этой ступени его исторического развития. Эта система ограничивается проблемами добычи простейшей пищи, сооружения простейшего жилища и обеспечения неприхотливых членов общины прикрытием их тел от холода, непогоды, то есть примитивной одеждой. Проблема распределения пока еще не существует, «первобытному коммунизму» она не известна, как не известны и другие экономические проблемы.

Кроме элементарных проблем экономического характера, первобытному обществу приходилось решать проблемы обороны собственной территории, либо расширения ее путем нападения на другие общины. Казавшиеся первобытному человеку элементарно простыми эти проблемы также решались примитивными способами, опираясь на обычаи: так было всегда, так было обычно. Хранителем обычаев выступал совет старейшин, преклонный возраст членов которого отождествлялся с мудростью, что давало им право принятия самых ответственных, жизненно важных для всей общины решений.

Следует отметить, что отождествление возраста с мудростью и другими положительными человеческими качествами надолго сохранилось в сознании последующих поколений людей. Это, в частности, получило свое отражение в непомерном завышении древними продолжительности жизни и деятельности различного рода правителей.

Так, например, идеализация старости ранее проявлялась у древних в представлении о том, что ушедшие из жизни цари в прошлом жили гораздо дольше, нежели их последователи. К примеру, в шумерских царских списках царствование различалось на периоды до потопа, когда дела в обществе якобы обстояли практически идеально и цари жили по 20-60 тысяч лет, и после потопа, когда не все обстояло так гладко, как было прежде, и цари жили уже до 1000 лет. По Библии, Адам жил 930 лет, Ной – 950 лет¹⁶.

Проявлением этой традиции, отождествления преклонного возраста с мудростью, в наши дни служит создание советов старейшин при некоторых государственных структурах, предоставление права самым старшим по возрасту депутатам открывать первые заседания парламента. Это последнее, в частности, зафиксировано в 82 статье Конституции Украины.¹⁷

По мере развития общественного производства, толчек и ускорение которого дала так называемая «неолитическая революция» – переход от собирательства и охоты к производительному жизнеобеспечению (земледелию, скотоводству, ремеслу) – происходит усложнение структуры самого общества, структуры системы проблем, встающих перед обществом, решение которых требует объединения усилий всех его членов. С одной стороны, образование излишков материальных благ, а с другой стороны, формирование личности, которая ранее растворялась в общине, вело к разделению умственного и физического труда, присвоению отдельными членами общества орудий и средств производства, формированию частной собственности, а вслед за этим – к социально-классовому делению общества с его усиливающимся социально-классовым неравенством в распределении результатов труда, удовлетворении социальных потребностей, что порождало все новые и новые проблемы, которые, не получая разрешения в реальной действительности, в свою очередь, обуславливали формирование проблем духовно-идеологического порядка.

Теперь уже одной мудрости старцев, их решений для объединения усилий членов общества с целью решения всё более усложняющейся системы проблем, стоящих перед ним явно недостаточно. Всё громче заявляя о себе, противоречие между общественным характером труда и частнособственнической формой распределения его результатов служит источником формирования качественно иной формы управления обществом, регулирования общественных отношений, обладающей правом принуждения и даже насилия, каковым и является государство. Но не только его: это же противоречие, с другой стороны, служит одновременно и источником, питающим с необходимостью деятельность социальных субъектов, направленную на совершенствование самого государства, государственного устройства, то есть политическую деятельность, а с ней и политический процесс.

Таким образом, эти два названных противоречия – 1) между потребностью в объединении усилий всех членов общества в решении

постоянно усложняющейся системы экономических, военных, социальных, духовно-идеологических проблем, с необходимостью присущих каждому обществу на всех этапах его исторического развития, и ограниченными возможностями её удовлетворения; 2) между общественным характером труда и частнособственнической формой распределения его результатов, – как нам представляется, следует рассмотреть в качестве основных внутренних причин, формирующих источник развития политического процесса. Они существуют и действуют на протяжении всего периода существования государства.

Предвидя вопрос читателя относительно СССР и стран социалистического содружества, хотелось бы заметить, что там действительно был нанесён удар по частной собственности. Однако он, несмотря на его кажущуюся силу, всё же носил локальный характер, ограничиваясь отдельными и не самыми развитыми странами. К тому же, будучи отменённой, так сказать, де-юре, о чём неоднократно и громко заявлялось на партийных съездах КПСС и иного рода форумах, частная собственность продолжала существовать де-факто в виде подпольных цехов, а то и целых предприятий в указанных странах, где формировалась теневая экономика, которая встречала горячую поддержку странами капиталистическими, вернее их правящими кругами. Не исчезла и частнособственническая форма распределения результатов общественного труда, процветая в виде различного рода неафишируемых конвертов, надбавок к окладам, необлагаемых налогами, иного рода привилегий партийных и государственных чиновников, прежде всего центральных и республиканских партийных и государственных органов, взяток, воровства и т.д. Все это, естественно, не могло не сказаться на характере политического процесса и его протекании, становлении и развитии государства социалистического типа и его судьбах.

Помимо указанных основных противоречий на формирование источников развития политического процесса в разной степени оказывают влияние и неосновные противоречия, количество и характер которых меняется в зависимости от характера общества, степени его развитости, тех проблем, которые приходится решать его членам на определенном этапе истории.

Говоря о противоречиях, которые формируют источники развития политического процесса современного украинского общества, в частности, следует назвать такие противоречия:

- между потребностью в социальном идеале и практически полным отсутствием социальной перспективы;
- между потребностью в поступательном развитии экономики, науки, культуры и возможностью реализации этой потребности;
- между личными и общественными интересами;
- между потребностью в социально-классовой гармонии и возможностью её установления;

- между потребностью в формировании социального, правового государства, провозглашённого Конституцией Украины, и усиливающимися асоциальными тенденциями, массовыми нарушениями прав и свобод человека, возможностью удовлетворять элементарные витальные потребности для огромного числа наших сограждан;
- между возрастающей потребностью в совершенствовании государственного устройства и возможностью ее реализации;
- между декларируемой возрастающей ролью регионов в развитии общества и снижением этой роли фактически через ограничение финансирования центральными государственными структурами;
- между бурно растущей политизацией общества и его политической усталостью;
- между необходимостью консолидации общества и растущей конфронтацией;
- между развивающимся содержанием политической жизни и устаревшими формами его выражения;
- между возможностями планомерного разрешения возникающих противоречий «без взрывов» и практической беспомощностью руководства страны и регионов в использовании этих возможностей;
- между необходимостью консолидации прогрессивных сил общества и их разобщенностью;
- между декларативным провозглашением народа единственным источником власти и фактическим игнорированием мнением народа о характере существующей системы власти, необходимости политической реформы и ряд других.

К рассмотрению их мы возвратимся несколько позже, выявляя детерминанты оптимизации развития политического процесса в Украине. Сейчас же отметим, что источники развития политического процесса, формируемые противоречиями, являются и важнейшим структурным элементом системы *движущих сил* этого развития. К такого же рода структурообразующим элементам указанной системы относятся также *субъекты политического процесса и их интересы*.

К числу субъектов политического процесса, на наш взгляд, следует относить не только исторических, выдающихся, видных, известных политических и государственных деятелей, а всю *совокупность личностей*, сознательно и ответственно направляющих свою деятельность на укрепление или изменение сложившейся в данном обществе системы государственного устройства, государственной власти. К ним относятся и партийные функционеры, и активисты различных партий, политических и других общественных организаций, ученые-обществоведы, философы, осмысливающие политическую реальность, вскрывающие назревшие в обществе политические проблемы и предлагающие обоснованные пути их решения.

Понятие субъекта политического процесса нельзя трактовать лишь в индивидуально-личностном плане. Оно может быть применимо и к

надличностным образованиям, таким, скажем, крупным, как класс, нация. Однако классы и нации не всегда выступают в качестве субъектов политического процесса. Они становятся ими, если у них имеются общие интересы, цели действия, связанные с изменением существующей системы государственного устройства, государственной власти, то есть, когда они, превращаясь из классов, наций «в себе» в классы, нации «для себя», обретают определенную целостность. В свою очередь, это последнее является условием осуществления кардинальных, качественных изменений ранее сложившейся системы государственного устройства – революций и контрреволюций, которые возможны при условии целенаправленных действий указанных больших групп людей, превратившихся в политические субъекты. Естественно, что этот процесс превращения не происходит сам собой, по мановению волшебной палочки. Он является результатом усилий таких субъектов политического процесса как политические партии.

Понятие «партия» латинского происхождения. Оно обозначает часть большой общности или целостности, «группу лиц, объединенных какими-либо общими интересами, а также собравшихся с какой-либо целью». Анализируя генезис политических партий, М.Вебер выделял три этапа – I-й – с древнейших времен до конца XVI века, когда в Древней Греции и Древнем Риме начали формироваться политические системы буржуазных государств и возникали немногочисленные по составу группировки, представляющие интересы различных слоев населения, боровшиеся за власть; II-й – с начала XVII в. по конец XVIII, когда шла борьба между аристократами и буржуа и формировались политические системы в странах Западной Европы и Америки, в чем большую роль играли аристократические кружки и политические клубы; III-й – с конца XVIII в. и до наших дней, когда формируются и действуют массовые политические партии.¹⁸

Важнейшие черты, характеризующие сущность политических партий, выделил обществовед из США Дж. Ла Паламбара. Любая из них, считал он, во-первых, является носителем идеологии или, по крайней мере, отражает конкретную ориентацию, видение мира и человека. Во-вторых, каждая из политических партий ставит своей целью завоевание власти во имя осуществления своих программных задач, которые могут в отдельных случаях предусматривать даже кардинальную смену общественно-экономического строя, а в других – его корректировку в интересах определенных слоев общества. В-третьих, любая из партий является организацией, т.е. относительно продолжительным во времени объединением людей. В-четвертых, любая из политических партий ставит своей целью обеспечить себе поддержку народа, используя известные и влиятельные в избирательных акциях личности – нотебли.¹⁹

Характер потребностей классов, наций, более мелких социальных групп, которые, будучи познанными, превращаются в интересы, которые отстаивают, за которые борются политические субъекты, их соответствие или несоответствие потребностям поступательного развития общества, государства, значительной мерой определяет и характер самого

политического субъекта, будь-то отдельная личность, партия, класс или нация, а также и их судьбы.

Различны, неповторимы сами субъекты политического процесса, различны цели, которых они добиваются, и условия, в которых им приходится действовать, и результаты их усилий. Вспомним хотя бы легендарного Александра Македонского, покорившего десятки стран, достигшего почти божественной славы и убитого подстерегшей его болезнью, Юлия Цезаря, который достиг не менее громкой славы и, вкушая ее, был коварно заколот своими соратниками, Оливера Кромвеля, триумфатора английской революции, почившего в зените славы, чье тело вначале со всяческими почестями было погребено, а затем варварски извлечено из могилы и повешено реставраторами монархии, украинских гетьманов Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы, русских царей Петра I и Николая II, американских Авраама Линкольна и Франклина Рузвельта, Петлюры и Махно, Ленина и Сталина, Бисмарка и Гитлера, Хрущева и Горбачева, чьи имена запечатлены на страницах истории. А сколько тех миллионов безвестных, чьи имена уже вряд ли кто вспомнит?

Рознятся не только судьбы субъектов политического процесса, но и оценки как современниками их, так и потомками, которые к тому же часто не совпадают у различных поколений. В чем же дело? А в том, что чаще всего эти оценки носят моральный характер и производятся, как правило, в категориях добра и зла, которые покоятся на объективном критерии нравственности, изменяющемся в зависимости от общественного строя, остроты классовой политической борьбы и ряда других социальных факторов. Кроме того, порой личность государственного деятеля, политического субъекта пытаются оценивать сравнивая с другими личностями, выполняющими совершенно иные функции, игнорирующими, так сказать абсолютно несопоставимые роли. В этом отношении характерен пример оценки императора Франции Наполеона героем романа Александра Крона «Бессонница» Олегом Юдиным, которого последний сравнивает с великим французским ученым Пастером:

«Пастер серией блестящих экспериментов доказал невозможность самозарождения живых существ, а что доказал Наполеон? Что уничтожение живых существ в огромных масштабах – дело не только возможное, но выгодное и почетное. Пастер, применив асептику, спас людей больше, чем погубил Наполеон, а погубил он много, мне говорил один социолог, что после наполеоновских войн французы стали в среднем на пять сантиметров ниже, еще бы – гвардия умирала, но не сдавалась. Пастер заслужил вечную благодарность человечества, победив микроб бешенства, а что осталось от побед Наполеона? Он выиграл несколько сражений, а все основные компании проиграл: египетскую, испанскую, русскую, пытался взять реванш и кончил Ватерлоо. И какова историческая несправедливость! Храбреца Нея за то, что во время Ста дней он стал под знамена своего императора расстреляли, а виновника всех бед, по теперешней терминологии преступника, человека, начавшего свою карьеру с расстрела революционного

народа, с почётом препровождают на остров, чтоб он мог там писать мемуары, а когда он отдаёт концы, его прах переносят в центр Парижа, в дом, где когда-то доживали свой век семь тысяч инвалидов войны, а теперь разевают рты туристы со всего света. А на могилу воистину великого француза изредка заглядывают считанные люди, в путеводителе так и сказано: посещение музея и гробницы – по договоренности. О сподвижниках я уж не говорю. Есть улочка, которая носит имя доктора Ру, это все. Каждый из наполеоновских маршалов отхватил по бульвару длиной в километр, все без разбора – и честный Ланн, и ничтожный Мюрат. А кому не хватило бульваров, тем достались авеню». ²⁰

Существует и другая точка зрения. В частности, Наполеон помещен в сборник под названием «50 гениев, которые изменили мир». Авторы этого сборника говорят об императоре как о «государственном деятеле, нанесшем сокрушающие удары по старой Европе». Они подчеркивают, что кроме ряда блистательных военных побед, Наполеон осуществил значительные преобразования во внутренней и экономической политике Франции. Во время его пребывания у власти был принят ряд гражданских законов, известный как Кодекс Наполеона, заключен контракт с Папой Пием VII, по которому католицизм стал государственной религией, проведена административная реформа с учреждением подотчетных правительству префектов департаментов и назначением в городе и деревни мэров, создана система средних школ-лицеев и высшие учебные заведения – Нормальная и Политехническая школы, учрежден государственный банк для хранения золотого запаса и эмиссии бумажных денег, реформирована система сбора налогов. Не случайно французский писатель Стендаль говорил, что Наполеон «это самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел». ²¹ Такие вот дела.

Считается, что давать оценки субъектам политических процессов прошлого, в том числе и самого высокого ранга, имеет право каждый – будь-то историк, будь-то политолог или философ, будь-то рядовой обыватель. И пользуются этим правом, как говорится, на полную мощь, о чем свидетельствует нарастающий подобно снежному кому несущемуся с горы поток публикаций прежде всего, конечно, о Сталине, других руководителях КПСС и советского государства. Не секрет, что оценки, которые даются им авторами публикаций, в своем подавляющем большинстве носят негативный характер. К этому, надо признать, есть немало оснований.

Речь идет, в первую очередь, о репрессиях, в результате которых пострадали миллионы людей. Это страшная трагедия, о которой, во-первых, нельзя забывать, и повторение которой, во-вторых, ни в коем случае нельзя допустить. И это не просто слова. Как утверждают некоторые обществоведы, опасность репрессий имеет под собой объективную основу. Так, например, известный философ и социолог А.А.Зиновьев, сам пострадавший в советские времена, в одной из своих последних работ замечает: «Не Сталин изобрел этот социальный феномен (т.е. репрессии – В.В.). Он широко применялся в истории человечества и применяется до сих пор. И будет применяться в

будущем как одно из закономерных явлений человеческой жизни. А в условиях сталинских лет без репрессий в принципе было бы невозможно построение новой социальной организации. Без них страна погибла бы не после 1985 года, а на несколько десятков лет раньше, во всяком случае – уже в 1941 году наверняка. Сталинские репрессии были особенно сильным проявлением объективных социальных законов...»²²

Не давая дремать исторической памяти, авторы, многие из которых либо непосредственно причастны к репрессиям, как тот же Н.С.Хрущев²³ прятаяший за критикой Сталина свои грехи, либо потерпели от них сами, либо имеют пострадавших родственников, как А.А.Авторханов²⁴, Д.Волкогонов²⁵, А.Н.Яковлев²⁶ и некоторые другие концентрируют внимание лишь на том, чтобы заклеить И.В.Сталина. По сути дела решается та же задача, которую некогда решали И.В.Сталин и его окружение – осудить и покарать политического противника. Только теперь уже некогда грозный противник мертв и возразить своим оппонентам, а тем более покарать их не в состоянии. Так что бояться нечего. И они смело оперируют леденящими душу неискuschenного читателя фактами, неизвестно откуда взятыми цифрами. «Попробуй проверь хотя бы один факт или цифру, – справедливо возмущаются пытающиеся докопаться до истины, – если архивы бывшего ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Совмина СССР, Минобороны СССР, КГБ наглухо закрыты для исследователей грифом «Совершенно секретно». Кроме особо преданных нынешнему режиму историков – лакиз».²⁷

Что же касается тех, кто имеет другую точку зрения на прошлое, по иному оценивает действовавших тогда субъектов политического процесса, то они сегодня не в фаворе. К ним, конечно, не применяются репрессии, но определенную дискомфортность для себя они, награждаемые ныне ставшими нарицательными словами «сталинист», «комуняка», «кучмист» и им подобными, все же испытывают и при этом немалую. Где гарантия, что этот процесс не получит своего дальнейшего трагического развития?

Речь идет не о том, чтобы вообще избежать критики бывших политических и государственных деятелей. Она неизбежна и необходима. Однако, анализируя их прошлую деятельность, следует акцентировать внимание прежде всего на том, как играли они свою главную роль – политического, государственного деятеля, естественно, не забывая при этом о человеческих качествах, которые существенным образом могли сказаться и сказывались на результатах их политической деятельности, отражаясь на ходе политического процесса.

В этой связи, анализируя деятельность И.В.Сталина, все же не мешало бы задуматься над оценкой, которую давал ему многолетний непримиримый враг Советского Союза, волей обстоятельств вынужденный быть его союзником в борьбе с гитлеровской Германией, Уинстон Черчилль.

«Большим счастьем для России, – признавал У.Черчилль, – было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин.

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и нестигаемой силы, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И, странное дело, держали руки по швам.

Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов...

Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием...».²⁸

Такое вот интересное признание.

К несомненным заслугам Сталина, на наш взгляд, следует отнести и его стремление к созданию такой системы государственного устройства, которая бы обеспечивала возрастание степени свободы личности каждого члена общества в развитии им своих социально значимых способностей, то есть к поступательному, прогрессивному развитию государства.

И все же показателей, которых добилась страна в развитии экономики, государственном строительстве, военных делах, культуре, внешнеполитической деятельности при том или ином руководителе для объективной и всесторонней оценки его еще недостаточно.

В свое время Платон считал, что править обществом должны философы.²⁹ Но человеческая история свидетельствует о том, что мало кому из философов удавалось подняться на высшие ступени лестницы государственной власти. Вполне понятно, что правитель должен обладать организаторскими и многими другими качествами, которые отсутствовали и отсутствуют у философов. Мудрость Платона в данном случае состоит в другом: если уж человек стал руководителем, а тем более самого высокого ранга, он должен стать философом, должен проявить любовь к мудрости, взвешенно подходить к оценке той ситуации, в которой ему приходится действовать, своим решениям и поступкам. Поэтому, оценивая государственного деятеля, субъекта политического процесса, необходимо видеть, а каков он как философ, какова его философия. Это станет возможным, если попытаться проанализировать, как он своими делами отвечает на четыре вопроса, сформулированные И.Кантом: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?»³⁰ Ответы на них, как нам думается, таят в себе своеобразный код развития сознания субъекта, в данном случае субъекта политического процесса, его

духовной деятельности, предваряющей и определяющей его практическую деятельность, его поступки.

Попытаемся выявить, как это выглядело у того же Сталина. Нет сомнения в том, что Сталин, как и Ленин, стоял на позициях диалектического материализма. Как и Маркс, и Ленин, он знал, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».³¹

Как и Ленин, Сталин мог знать и знал, что приведенные положения К.Маркса, изложенные им в известном Предисловии «К критике политической экономики» содержат в себе сущностную характеристику процесса общественного развития и входят в систему принципов социального познания марксизма. Как и основоположникам марксизма, эти принципы позволяли Сталину делать вывод о поступательном характере развития мировой истории человечества от первобытнообщинного строя через рабовладельческий строй, через феодализм и капитализм к коммунистической формации – высокоорганизованному обществу свободных и сознательных тружеников, функционирующему на основе их самоуправления и общепризнанных правил коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой людей. Именно в этих условиях социальная организация сможет обеспечить всестороннее развитие и расцвет каждой человеческой личности и использование всех ее задатков и способностей с наибольшей пользой для общества. Человек, таким образом, его свободное развитие есть высшая цель. И на достижение ее Сталин не только надеется: он убежден в этом.

Неравномерность развития капитализма, вступление его в стадию империализма, блестяще вскрытые Лениным, позволили ему сделать вывод о возможности победы социалистической революции вначале в одной стране. Такая возможность наиболее вероятной, казалось, существовала в России. Данное обстоятельство обусловило и ответ Сталина на вопрос, что он должен делать: он должен следовать за Лениным и активно бороться за победу социалистической революции в России.

Но вот разразилась февральская революция. Царский режим пал. Встали задачи преобразования общества, сочетающего в себе элементы развитого капитализма и самого что ни на есть отсталого феодализма. По логике вещей решение этих задач должна была обеспечить буржуазная революция. Однако Ленин, исходя из особенностей сложившейся

обстановки, ставит задачу готовиться к социалистической революции. Сталин и здесь верный соратник Ленина.

И вот грянул Октябрь 1917 года. Политическая власть в руках у большевиков. Казалось бы, первый шаг в коммунизм сделан, новая общественно-экономическая формация начала жить. Однако вскоре обнаруживается, что не находит практического подтверждения три важнейших теоретических положения обоснованные К.Марксом: о том, что новый общественный строй с необходимостью предполагает, во-первых, переход от товарно-денежных отношений к прямому продуктообмену; во-вторых, – национализацию земли и, в-третьих, – «огосударствление» сельскохозяйственного производства.

Анализируя сложившуюся ситуацию, В.И.Ленин опирается на всю систему принципов диалектико-материалистического анализа общественного развития, выработанную К.Марксом, интегратором которой служил принцип диалектического единства социальной теории и социальной практики. Вскрывая, с одной стороны, объективную необходимость постоянного обновления социальных знаний, а с другой – указывая надежный критерий проверки их истинности, он позволял вести новаторский поиск научной методологии и на ее основе развивать учение об обществе. Формируясь на основе выявления логики исторического процесса, указанный принцип детерминировал объективный характер и других принципов, образующих систему развивающейся научной методологии, основным сущностным признаком которой является нацеленность на адекватное отражение объективной реальности.

Анализ подвел В.И. Ленина к выводу о губительных последствиях «пролетарского» наступления на рынок и товарно-денежные отношения, на основе которого он начинает обосновывать необходимость новой экономической политике. В качестве первоочередных им выдвигаются вопросы, поиск ответов на которые и должен был привести к ленинской концепции построения социализма. Создать ее, а тем более развернуть в высшую форму организации научного знания, которая бы давала целостное представление о закономерностях нарождающегося социального организма, которая, помимо основных идей, определяющих контуры будущего здания, включала бы методы, принципы, приемы их реализации, т.е. в теорию. Ленин, как известно, не успел возглавить решение этой задачи, после его смерти сделать это предстояло И.В. Сталину.

Методология исследования не есть нечто раз и навсегда данное. Вся система и каждый из принципов, формирующих ее, является следствием осознанного, критического отношения к ним. Осмысливая сложившуюся социальную реальность в условиях НЭПа, Сталин обнаружил развитие частнособственнических элементов, что в условиях жесткого капиталистического окружения, в котором находилась молодая страна, выглядело весьма угрожающим. Вновь требовался ответ на вопрос: «Что я могу знать?». Выходило, что путь, который указал Ленин, чреват был реставрацией капитализма. И Сталин вновь обратился к трем указанным

положениям К.Маркса, решив, что ему удастся реализовать их на практике. Но для этого нужно сломать сопротивление классов – собственников, исчисляемых миллионами человек. Понимание этого подсказывало ответ на вопрос: «Что я должен делать?» Сталин ставит задачу ликвидировать эксплуататорские классы.

Решение этой, далеко не простой и явно требующей большой крови задачи, позволяло Сталину получить желанный ответ на третий вопрос – надеяться на то, что в стране будут сохранены завоевания социалистической революции и обеспечена возможность развития молодого общества по социалистическому пути. Эта надежда согревала ему душу даже тогда, когда перед ним вставал, пожалуй, самый трудный для него вопрос: «Что такое человек?». Он безусловно видел, что при таком раскладе человек, благополучие и всестороннее развитие которого основоположники марксизма провозглашали главной целью, превращался в средство, с непонятной жестокостью утверждая, что все члены общества, а следовательно и сам он, Сталин, лишь винтики в огромном механизме, посредством которого возводится здание коммунизма.

Таким образом, принцип диалектического единства социальной теории и социальной практики был подменен принципом силового, метафизического подгона практики под выводы теории, которая, в целом правильно отражая логику общественного развития не всегда совпадала с реальным ходом социального процесса.

Деформация основного принципа-интегратора, его фактическая фальсификация, в свою очередь, обуславливали деформацию и других принципов марксистско-ленинской философии как методологии социального познания. В частности, принцип классового подхода, требующий учета потребностей и интересов всех классов и социальных групп, подменялся принципом узкоклассового подхода, основанном на абсолютизации интересов рабочего класса и подчинении им интересов других социальных групп общества. Деформировался и при том основательно и принцип научного подхода к преобразованию общества, основу которого составляло требование в осуществлении преобразовательной деятельности опираться на знания законов общественного развития, учитывать объективные условия и состояние субъективного фактора, особенности различных фаз преобразовательного процесса. Он был заменен принципом формирования, подталкивания социальных перемен.

Все это снижало научный уровень социальной теории и базирующегося на ней практического сознания, то есть идеологии, политической идеологии в первую очередь, деформировало процесс социалистического строительства.

И если, исходя из этого, попытаться дать обобщенную оценку И.В.Сталину как политику, то, думается, следует согласиться с К.М.Симоновым, который назвал его великим и страшным.³²

Как видим, оценка государственного деятеля такого уровня, как Сталин, дело весьма сложное, связанное с анализом большого количества противоречий. Несомненно, что не менее сложно оценить деятельность той

или иной партии, класса, нации в качестве политических субъектов. Но, если уж браться за эту задачу всерьез, с целью получить всесторонне обоснованную, объективную оценку, с учетом всех сторон, а не с целью навесить тот или иной ярлык, то и методологию ее решения следует отрабатывать столь же серьезно. Исходя из этого, мы и рискнули предложить свой поиск ее, не претендуя на идеальность его результата и непогрешимость.

3. Необходимость и случайность, возможность и действительность в политическом процессе

Как известно, выступая в качестве соотносительных категорий, необходимость и случайность конкретизируют представление о характере зависимости того или иного явления, выражают различные аспекты, типы связей, степень детерминированности явления. Необходимость — это категория, обозначающая внутреннюю обусловленность явления, признание существенных, устойчивых, повторяющихся, внутренних, объективно существующих связей, то есть закономерностей, детерминирующих его развитие. Случайность же — категория, обозначающая в основном внешние, несущественные, неустойчивые, единичные связи, также оказывающие определенное воздействие на процесс развития явления, но которые к закономерностям отнесены быть не могут.

Как ранее было показано, политический процесс предстает в качестве объективно складывающейся совокупности последовательно сменяющих друг друга политических состояний, в которой находит свое выражение имеющее определенную направленность изменение сложившейся в данном обществе системы государственного устройства. Указание на объективность предполагает существование внутренне присущей данному социальному организму закономерности, детерминирующей политический процесс и его развитие, которую нам и предстоит выявить.

Данная задача представляется хоть и не простой, но все же решаемой. Известно, что любое общество характеризуется огромным числом связей образующих его структурных элементов, входящих в данную систему, во-первых, друг с другом, а во-вторых, — с внешней средой, то есть с элементами, не принадлежащими этой системе. Поскольку закономерность относится к числу внутренних связей, мы далее, ведя поиск ее, должны исключить связи элементов системы с внешней средой. Концентрируя же внимание на внутренних связях элементов, мы затем должны ограничиться теми из них, которые принадлежат к числу существенных и необходимых для развития как государства, так и политического процесса, в котором находит свое выражение это развитие.

Безусловно, что одним из основных факторов, способствующих возникновению государства как политического института явилось социально-классовое расслоение первобытного общества, обусловившее, как уже ранее отмечалось, выделение особых групп вооруженных людей, необходимых для защиты экономически господствующих классов, из которых постепенно складывались и росли армия, полиция, тюрьмы, то есть аппарат принуждения как неизменный атрибут всякого государства. С этим связана одна из основных функций государства, на которую указывал В.И. Ленин, говоря, что государство «есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»³³. Но столь же очевидным является и то, что указанный фактор не был единственным, так сказать монопольно воздействующим на становление и развитие государства. Другим и, надо заметить, не менее значимым фактором явилась потребность объединения усилий членов общества, представляющих различные социальные группы на основе общих интересов, которые с необходимостью возникают в любом обществе и на каждой стадии его развития, несмотря на различие возраста, полов, рода деятельности, явную социальную разобщенность. При этом речь идет о заинтересованности всех членов общества, либо их большинства, не только в защите от внешней агрессии, противостоянии негативным воздействиям стихии, но и в удовлетворении первейших витальных потребностей — в пище, одежде, жилище, обеспечении определенного порядка и т.д. Поэтому, вскрывая социально-классовую природу государства, которое, как правило, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, обретающего в силу этого и политическое господство, К. Маркс в то же время подчеркивал, что деятельность государства «...охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами»³⁴.

Эти два момента, на которые обращает внимание основоположник диалектического материализма, позволяют понять подлинную сущность государства, являются теми двумя диалектическими противоположностями, пребывающими в единстве, отношение между которыми формирует противоречие, служащее одним из основных источников становления и развития государства. Метафизическое игнорирование их единства, абсолютизация одной из противоположностей концентрирует внимание исследователя на явлении, уводя от проникновения в сущность.

Одним из проявлений такого рода метафизического подхода к государству служит анархизм (Прудон, Бакунин, Кропоткин и др.), сторонники которого, игнорируя организующую, объединяющую функцию государства и акцентируя внимание на насильственной функции, враждебно относятся ко всякой власти и государству, требуя

немедленного его уничтожения и установления безгосударственного строя, представляемого ими в виде федерации производственных ассоциаций, коммун, которая якобы только одна может гарантировать политическую и экономическую свободу личности. Другого рода проявлением метафизического подхода к государству служит договорная концепция его происхождения. В ней, напротив, практически игнорируется классовая природа возникновения и развития государства, связанная с насилием. Обществу и государству, как считают сторонники договорной концепции (Моцзы, софисты, Сократ, Эпикур, Гоббс, Гассенди, Спиноза, Локк, Руссо, Ролз, Нозик, Дворкин, Хабермас и др.), предшествовала полная анархия и «война всех против всех». А общей чертой «естественного состояния», в котором тогда якобы пребывали люди, являлась неограниченная личная свобода, которую они решили сознательно поступиться в пользу государства для обеспечения своей безопасности, частной собственности и других личных прав.

Мы не ставим своей целью детально анализировать как анархизм, так и договорную концепцию происхождения государства, достоинства и недостатки которых могут быть вскрыты лишь в результате тщательного исследования их эволюции, небезуспешные попытки которого предпринимаются как зарубежными, так и нашими отечественными авторами³⁵. Обратиться же к данному вопросу нас побудила необходимость подчеркнуть недопустимость абсолютизации какой-либо одной из сторон указанного противоречия, поскольку это бы сдерживало не только дальнейшее постижение феномена государства, проникновение в глубины его сущности, но и исследование политического процесса.

Призванное выражать общественные интересы государство не в состоянии обеспечивать синхронность этого процесса в силу специфики общественных интересов, которые, как справедливо подмечает Т.И. Бутченко, «существуют и развиваются через совокупность личных интересов, а, со времени возникновения социальной дифференциации, также и через совокупность социально-групповых интересов. Общественные интересы выступают основанием личных интересов, определяя их круг и общие характеристики содержания. В то же время интересы каждой отдельной личности имеют и нечто большее, нечто такое, что не укладывается в пределы «социального заказа». В частности, потребности личности, известно, содержат условия обеспечения жизнедеятельности всего общества, определенной социальной группы, к которым она принадлежит, но она, кроме того, содержит и условия сохранения и развития собственной индивидуальности. Также личность вступает в систему общественных отношений, которые уже сложились, однако ее конкретно-историческое положение определено совсем не фатально, поскольку она является активной участницей общественной жизни, способной к изменению своего социального статуса»³⁶.

Одной из основных форм участия личности в общественной жизни, способной изменить ее социальный статус, является ее политическая деятельность. Политическая же деятельность отдельных личностей, а также формируемых ими надличностных образований таких, как классы, нации, партии, различные политические движения вместе с источниками политического процесса, как уже отмечалось, составляет его движущие силы.

Таким образом, получается, что сам политический процесс обусловлен, с одной стороны, общественными интересами, больше тяготеющими к стабильности, а с другой стороны, — личными интересами, более мобильными, постоянно пребывающими в изменении, развитии. Существующая между ними связь, являясь существенной, внутренней, объективной и необходимой для любого общества, повторяясь из поколения в поколение, обрела устойчивый характер, превратившись таким образом в закономерность, которой подчиняется в своем развитии политический процесс любого общества, имеющего государственное устройство.

Игнорирование закономерного характера политического процесса, сведение политической деятельности к субъективному произволу политических вождей, как правило, вырождается в политический волюнтаризм. Последний чаще всего принимает различные формы, диктатуры фюрера и фашистской агрессии, как это имело место в гитлеровской Германии, либо анархистского волюнтаризма, проявлением которого явились необузданный субъективизм Н.С. Хрущева, неоднократно сотрясавшего основы как внутренней, так и внешней политики СССР своими необдуманно «инициативами», а также «перестроечная» деятельность такого же как и он безответственного политика М.С. Горбачева, приведшая к развалу некогда великой и могучей державы. Ради исторической справедливости следует заметить, что столь печальному финалу истории существования СССР в немалой степени способствовала пассивность руководства страны во главе с Л.И. Брежневым, которое свою спокойную и комфортную жизнь, наступившую после непредсказуемых хрущевских «землетрясений» и озаряемую блеском сыпавшихся на него Золотых Звезд и другого рода наград, предпочло настойчивому изучению закономерностей, которые обуславливали жизнедеятельность советского общества в тогдашнем его состоянии, и выработке адекватной им политики, которая позволила бы им вывести общество из кризиса, в который оно все более и более втягивалось и о котором никто ни на Западе, ни в Советском Союзе даже не подозревал.

«Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, — пишет А.А. Зиновьев, — даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он

сам больше, чем кто бы то ни было способствовал развитию кризиса, не ведая о том.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрыть глаза, его осознали в извращенной форме, а именно — как некое обновление и выздоровление общества, некую «перестройку». В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса, все бросились искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, — в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

...Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой «нажал кнопку» и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и усугубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они не помышляли ранее.

...Послужив толчком к развязыванию кризиса, горбачевская политика перестройки сама стала главным источником кризиса и его самым главным проявлением. Начавшись с идеологии и морального состояния общества, кризис усугубился до самых его основ, охватив систему власти и управления и социальную организацию населения»³⁷.

Знакомясь с мыслями А.А. Зиновьева, который в советский период считался ярким диссидентом, а на деле оказался честным человеком, который старался проникнуть в сущность противоречивых и сложных процессов, сопровождающих развитие тогдашнего общества, невольно обращаешься мысленно к современному украинскому обществу. Какой могла быть часть общества, народ которой полтора десятка лет тому назад изъявил волю строить независимое государство? Она должна была нести все основные признаки целого, то есть признаки общества, пораженного кризисом опять таки в идеологии, моральном состоянии, системе власти и управления, социальной организации населения. К сожалению, многие из этих признаков налицо и сегодня. Руководству провозгласившей независимость Украины пока так и не удалось преодолеть кризиса, а в таких сферах жизнедеятельности общества как, скажем, экономика, политика, идеология он продолжает углубляться. Причиной тому в значительной степени является волюнтаризм в политической деятельности, отказ от глубокого изучения объективных закономерностей, которым подчиняется в своем развитии новый социальный организм и без учета которых нельзя рассчитывать на эффективность управленческого воздействия, в том числе в сфере политической.

Однако признание закономерного характера политического процесса вовсе не означает, что сам он, его протекание, характер политических событий и состояний должны рассматриваться как нечто заранее предопределенное. Они в значительной мере зависят от случайностей. Скажем, острота политической борьбы в Германии в конце 20-х – начале 30-х годов минувшего столетия была обусловлена не только закономерностями развития общества, но и внешними факторами, в частности, неприемлемыми для немецкого народа условиями мирного договора после поражения страны в I-ой мировой войне, на чем в значительной мере сыграли национал-социалисты, пришедшие к власти. Последующая необузданность политики их фюрера Гитлера во многом определялась беспринципным поведением Англии и Франции на переговорах в Мюнхене, их надежда на то, что, удовлетворив частично свои захватнические аппетиты за счет более слабых государств, он не рискнет нападать на их страны. Политический процесс в Советском Союзе, завершившийся его развалом, мог бы привести к другим результатам, не окажись в то время у руля государства предельно амбициозный, самоуверенный и самовлюбленный М.С. Горбачев, привлечший в качестве первого «прораба перестройки» откровенного антикоммуниста и антисоветчика А.Н. Яковлева. Развал СССР, ослабление влияния Москвы и усиление влияния ведущих стран Европы и США на провозгласившую независимость Украину существенно сказывается на политическом процессе, протекающем в нашем обществе, в том числе и на президентских выборах.

Политическая необходимость и политическая случайность находятся в диалектической взаимосвязи, с одной стороны, – взаимоотрицая, взаимоисключая, а с другой стороны, – взаимополагая, взаимодополняя, взаимообуславливая друг друга и демонстрируя таким образом многообразие возможностей в политическом процессе и их реализацию в действительность.

Говорят, политика есть искусство возможного. В какой-то мере это действительно так. Однако сама политика, политическая деятельность того или иного субъекта поднимается до уровня искусства в смысле мастерства особого, более высокого сорта при условии, что он, во-первых, понимает, что возможностей всегда существует несколько, а иногда и великое множество; во-вторых, учитывает как необходимость, так и случайности, которые влияют или могут влиять на их реализацию; в-третьих, объективно заинтересован в дальнейшем совершенствовании существующего в обществе государственного устройства; в-четвертых, умеет выбрать оптимальную из существующих для достижения этой цели возможность; в-пятых, максимально использовать факторы, имеющиеся для ее реализации, в действительность. Нарушение хотя бы одного из этих условий снижает уровень мастерства политика, усложняет ход политического процесса, снижает степень управленческого воздействия на него, препятствует достижению поставленной цели.

В этом отношении представляют интерес размышления известного украинского политического деятеля и литератора Владимира Винниченко, который, анализируя факторы, влияющие на ход политического процесса, выделял как внутренние, – настроение, установки, потребности народа, так и внешние – расположение политических сил и центров влияния, находящихся в международном поле. Характерно, что именно игнорированием внутренних факторов, интересами украинского народа Винниченко, в частности объясняет поражение Богдана Хмельницкого в столь удачно начавшейся для него войне 1648-1654 года. «Пока Хмельницкий опирался на всесторонние интересы нации, пока звучал клич «Украина без холопа и пана», до тех пор он имел победы над Польшей и всеми внешними силами, которые она звала на помощь... Как только польские паны начали заменяться панами украинскими, так энтузиазм народа, который творил победы, начал опадать и Хмельницкий начал иметь поражение за поражением»³⁸. Ориентация же гетмана на Москву как внешнюю силу, по мнению Винниченко, помогла лишь реализации личных интересов полковников и атаманов, которым удалось закрепить за собой желанные вольности. Украина же в борьбе за независимость была отброшена на много лет назад. Аналогичную ошибку, как считает Винниченко, совершил и Иван Мазепа, который в восстании против Москвы также ориентировался на внешние силы, «вступив в сговор со шведским королем, а не со своим народом»³⁹.

Истории политической деятельности известны случаи, когда субъекты политического процесса за возможное выдавали фактически невозможное. Как правило, попытки реализовать основанные на этом политические цели, независимо от того, какими они были – будь то человеконенавистнические, антигуманные, будь то самые что ни на есть гуманные и благородные – оканчивались плачевно, принося горе и страдания не только инициаторам, тем, кто их провозглашал, но и тем, кто, поверив, шел за ними, тысячам, а порой и многим миллионам людей.

Примерами этого могут служить фашизм и большевизм. Конечной целью фашизма являлось завоевание мира, превращение всех народов в рабов ради господства и процветания одного народа, одной расы, попрание всех достижений цивилизации в области государственного строительства, демократии. Большевики же в качестве конечной цели выдвигали реализацию всего лучшего и прогрессивного в политическом наследии, построение бесклассового общества, в котором государство будет заменено коммунистическим самоуправлением вначале в одной отдельно взятой стране, а затем и во всем мире, обеспечив, таким образом, свободу, братство, равенство и счастье всех людей. «В традиционной типологизации, – обращая на это внимание, отмечает К.С. Гаджиев, – фашизм и ленинизм располагаются на двух разных полюсах идейно-политического спектра. Не случайно, что они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. В этом контексте бросается

в глаза, казалось бы, изначальная несовместимость их идеологии. Достаточно упомянуть такие дихотомические пары, как интернационализм – национализм, теория классовой борьбы – национально-расовая идея, материализм – идеализм, с помощью которых определяется противостояние этих двух полюсов. Если в ленинизме в качестве главного теоретического и аналитического инструмента трактовки мировой истории брался класс, то в фашизме в качестве такового служила нация. Первый отдавал моральный и теоретический приоритет концепции класса, а второй – концепции нации и даже расы. В результате место марксистских понятий «прибавочная стоимость» и «классовая борьба» в национал-социализме заняли понятия «кровь» и «раса»...»⁴⁰.

Десятки миллионов унесенных человеческих жизней, калек и сирот, тысячи и тысячи разрушенных городов и сел, потеря неисчислимых материальных ресурсов как в СССР, так практически во всех странах Европы, на Азиатском и Африканском континентах, горе и страдания людей – такова неполная цена второй мировой войны, которую развязал гитлеровский фашизм и его сторонники. Объединившись, ведущие страны мира сломали хребет фашистскому зверю. И в этой долгой борьбе не на жизнь, а на смерть ведущую роль играли Советский Союз, все народы СССР, в том числе и украинский⁴¹, сражавшиеся под красными коммунистическими знаменами. Это – исторический факт, не подлежащий сомнению.

Однако сегодня все более неоспоримым является также и тот факт, что теоретический вывод о возможности победы коммунизма вначале в одной отдельно взятой стране, которым руководствовались вожди созданной В.И. Лениным партии большевиков, оказался ошибочным. «Ленинизм в теории – замечает по этому поводу в своей работе К.С. Гаджиев, – руководствовался благороднейшим из устремлений человечества – коммунистическим идеалом построения совершенного и справедливого общественного строя. С этой точки зрения, советский режим, возможно, в начальный «романтический» период вдохновлялся возвышенной гуманистической целью, составляющей вековую мечту многих поколений людей. Однако для реализации поставленной цели на вооружение были взяты безжалостные, антигуманные средства. В этом контексте «смертный грех» большевиков состоит в том, что дискредитировали сам коммунистический идеал»⁴².

Дискредитация коммунистического социального идеала, причиной чего стали, во-первых, ошибочный теоретический вывод о возможности построения коммунизма в одной отдельно взятой стране, а во-вторых, серьезные, подчас грубейшие просчеты, допущенные в процессе социалистического строительства, достигла своего апогея с развалом СССР. Проявлением этого является и сокращение численного состава коммунистических партий, действующих в странах, которые образовались на территории бывшего Советского Союза, снижение

привлекательности их членства прежде всего для молодежи, потеря голосов избирателей.

Данное обстоятельство, печальное для миллионов честных людей, которые искренне верили в правоту того дела, за которое они боролись, связав свою судьбу с ленинской партией, вовсе не означает, что с коммунистическим идеалом покончено, так сказать, раз и навсегда, что в обществе исчезли причины, которые некогда обусловили его становление на определенном этапе развития политического процесса. Эти причины как раз никуда не девались и по-прежнему продолжают существовать.

Хотим мы того или нет, но общественный характер производительных сил, пребывающих в непрерывном развитии, с необходимостью порождает потребность в совершенствовании производственных, а вслед за ними и других общественных отношений. Направлением этого совершенствования, основной тенденцией, которая пробивает себе дорогу, является движение от принуждения (политического, экономического и т.д.) к сотрудничеству, обусловленная потребностью социального организма к гармонизации общественной жизни. Она составляет одну из существенных сторон общества, которая, существуя объективно, и получила свое отражение в явлении, феномене коммунистического идеала. Но, как известно, изменение явления или даже его исчезновение еще не будут означать одновременно изменения и тем более исчезновения сущности. Последняя, продолжая существовать, имеет возможность иначе проявиться. И это будет не голое отрицание, отбрасывание прежнего социального идеала, желанного устройства общества, а его диалектическое снятие, опирающееся на сущность, которая будет отражаться в новом социальном идеале, преемственно связанном с предшествующим. Ведь не секрет, что сам коммунистический идеал преемственно связан с христианскими идеями, в которых отражались вера в добро, братство, равенство и счастье людей. Он – одно из звеньев в непрерывной цепи образов желанного будущего, которое творит человеческое сознание, отражая политический процесс.

Об этом процессе некогда хорошо сказал еще в конце XIX века русский поэт Минский:

Как сон пройдут дела и помыслы людей.
 Забудется герой, истлеет мавзоль
 И вместе в общий прах сольются.
 И мудрость, и любовь, и знанья, и трава,
 Как с аспидной доски ненужные слова,
 Рукой неведомой сотрутся.
 И уж не те слова под тою же рукой –
 Далеко от земли, застывшей и немой, –
 Возникнут вновь загадкой бледной.
 И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы,
 И кто-то будет жить не так, как жили мы,

Но так, как мы, умрет бесследно.
 И невозможно нам предвидеть и понять,
 В какие формы дух оденется опять,
 В каких созданиях воплотится.
 Быть может из всего, что будит в нас любовь,
 На той звезде ничто не повторится вновь...
 Но есть одно, что повторится.
 Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном –
 Тоска неясная о чем-то неземном,
 Куда-то смутные стремленья,
 Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
 И жажда жгучая святынь, которых нет, –
 Одно лишь это чуждо тленья.⁴³

Знакомясь с программами политических партий, которые действуют в Украине, пребывающей на этапе трансформации, левых и не только их, поражаешься общности лозунгов, заверений в стремлении отстаивать интересы народа, бороться за справедливость, нравственность, счастье людей, афишировании возможности всяких благ с их победой то ли на парламентских, то ли на президентских выборах. Однако они чаще всего носят абстрактный характер, лишены конкретики, без чего невозможны как формирование привлекательного для масс социального идеала, так и отработка механизма его реализации в действительность.

С сожалением приходится констатировать, что и Компартия Украины также не отличается здесь новаторскими устремлениями, все более трансформируясь из партии революционного действия, партии созидания, партии социального прогресса в партию реставрации прошлого государственного устройства.

И сегодня, пытаюсь представить, как бы в этих условиях повел себя политический лидер с интеллектом уровня ленинского, находясь во главе КПУ, все больше склоняешься к мысли о том, что он, исходя из того, что коммунистический идеал дискредитирован, наверняка бы начал с обоснования реального социального идеала, приемлемого для украинского общества, избравшего путь построения независимого государства, разработки механизма его превращения в действительность, то есть теории поступательного развития общества, формирования новой партии, с новым названием, нацеленной на социальный прогресс, то есть всестороннее и гармоничное развитие общества, его экономики и культуры, подъем материального благосостояния народа Украины и расцвет его духовной жизни, возрастание степени свободы каждого гражданина в развитии им своих социально-значимых, то есть ценных и нужных обществу способностей.

К достижению указанной цели, по разному понимаемой и толкуемой идеологами, неизменно стремились политические партии, возглавлявшие в тех или иных обществах на различных этапах их

исторического развития силы прогресса. Поэтому ошибочно было бы считать, что борьба за социальный прогресс является прерогативой лишь коммунистов. Отражаясь в политическом процессе, эта борьба выступает в качестве слагающей целого ряда политических сил, не всегда действующих слаженно и синхронно, не всегда бьющих, так сказать, в одну точку. Данное обстоятельство служит одной из причин того, что превращение существующей возможности в действительность не всегда происходит гладко, сказываясь на характере хода политического процесса, его развития, которое сопровождается как эволюцией, так и революциями.

Рассмотрению этих явлений мы и намерены посвятить следующий подраздел.

4. Эволюция и революции, классы и нации в политическом процессе

Сложность рассмотрения данного вопроса связана прежде всего с неоднозначностью понятия «эволюция». Как известно, данное понятие употребляется не только в широком смысле, обозначая преимущественно необратимые процессы, которые имеют место в живой и неживой природе, а также в социальных системах⁴⁴, выступая таким образом в качестве синонима понятия «развитие», но и в узком смысле. В этом втором его значении данное понятие применяется для обозначения представления об одной из взаимосвязанных и взаимообусловленных сторон развития, а именно – представления о постепенных, длительных количественных изменениях в определенном состоянии той или иной развивающейся системы в отличие от понятия «революция», с которым связываются представления о глубоких, качественных изменениях в состоянии системы, которые прерывают эволюционный период ее развития и переводят систему на качественно иную ступень развития⁴⁵.

Усложняет рассмотрение интересующего нас вопроса и то обстоятельство, что понятие «революция» в последние десятилетия часто используется на уровне обыденного сознания, наделяясь различными эпитетами, как-то «бархатная революция», «розовая революция», «тюльпановая революция» и т.д.. При этом эйфория, которая охватывает победителей, добившихся наконец долгожданных успехов на том или ином этапе политической борьбы, нередко отодвигает на задний план необходимость глубокого научного анализа наступивших социальных и политических перемен, в результате чего желаемое выдается за действительное.

Такого состояния не могут избежать даже чрезвычайно сильные политики. Вспомним хотя бы доклад В.И. Ленина о задачах власти Советов на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 года, то есть сразу же после свержения Временного правительства. «Товарищи, – взволнованно обратился к собравшимся он. –

Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»⁴⁶. Победа действительно была достигнута большая и волнение, и радость вождя большевистской партии, обеспечивших ее вполне понятны и объяснимы. Но вот слова о совершении рабоче-крестьянской революции вызывают сомнение. Сегодня, сейчас, спустя десятки лет, вызывают сомнение в их истинности. Тогда не вызывали, а сегодня вызывают. Почему? Не потому ли, что между понятием «революция» в его подлинно научном смысле и обыденным его толкованием существовала огромная разница? При этом следует иметь в виду, что обыденным его значением пользовались не только представители массы, но и идеологи, вожди, стараясь подчеркнуть становление феномена в то время, когда бытие его уже успело проявиться лишь какой-либо частью целого.

Именно это, как нам кажется, имело место в случае, о котором мы говорили ранее. Нет сомнений, что В.И. Ленин, разработавший теорию социалистической революции, прекрасно понимал, что совершение её, то есть построение нового общества предполагает глубочайшие качественные преобразования во всех областях общественной жизни – экономической, политической, социальной, духовной, что осуществление этой задачи потребует не какого-либо одноразового акта, а целой системы взаимосвязанных мер, многолетнего напряженного труда, испытаний на целом ряде этапов. И тем не менее, желая подчеркнуть важность первого этапа – захвата политической власти для предыдущих социальных преобразований, он и заявлял о том, что революция совершилась, а как бы поправляясь, уточняя сказанное, здесь же называет свершившееся переворотом. «Прежде всего, – говорит В. И. Ленин, – значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций»⁴⁷.

Сколь сложной была задача создания нового аппарата управления, вскоре показала практика социалистического строительства. Через пять лет после Октябрьского переворота В.И. Ленин, признавая, что «наш аппарат... из рук вон плох», пояснял: «Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т.п. было совершенно невозможно. Поэтому тем «критикам», которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас»⁴⁸.

Безусловно, социальная практика много богаче и сложнее любой, даже самой передовой теории. Однако игнорирование теории, отказ от ее коррекции, совершенствования в соответствии с изменяющейся социальной

реальностью, пребывающей в непрерывном развитии, делает слепыми субъектов социально-практической деятельности. Это касается и субъектов политической деятельности. Абсолютизация революции, идеализация революционных свершений в советский период нашей истории выступали сдерживающими факторами, тормозившими объективный критический анализ как самой теории социалистической революции, несомненно требующей обновления, развития, так и практики революционных преобразований, которая, как известно, не могла быть и не была гладкой. Да и содержание понятия «революция» непозволительно упрощалось, а порой просто примитивизировалось. Этому нередко способствовали некоторые безудержные в своем восторге литераторы.

Взять хотя бы стихотворение П.Г. Тычины «На майдані»:

“На майдані коло церкви
революція іде.
– Хай чабан! – усі гукнули, –
за отамана буде.

Прощавайте, ждіте волі, –
гей, на коні, всі у путь!
Закипіло, зашуміло –
тільки прапори цвітуть...

На майдані коло церкви
посмутились матері:
та світи ж ти їм дорогу,
ясен місяць угорі!

На майдані пил спадає,
Замовкає річ...
Вечір.
Ніч”⁴⁹.

Такой вот образ революции формировался не у одного поколения наших сограждан, которые в школах старательно твердили эти строки, наверняка не догадываясь, что самую то суть революции они как раз и не раскрывают.

Заметно теряют интерес к данному вопросу современные политологи, социологи, ограничиваясь в своих работах, как правило, рассмотрением социальных конфликтов, социальных изменений. Не очень жалуют этот вопрос и социальные философы. Так, например, в учебнике для вузов одного из ведущих социальных философов России В.С. Барулина «Социальная философия» нет не только главы, но и параграфа, в котором бы он получил освещение⁵⁰. Этого нельзя сказать о представителях философии политики, которым практически невозможно обойти проблему революции. Однако и они грешат односторонностью, абсолютизацией какой-либо стороны феномена.

Так К.С. Гаджиев акцентирует внимание на деструктивной, разрушительной стороне революции, считая, что она может играть роль инструмента перехода к новому качеству общества лишь при условии, что за ней последует «реставрация». «Революция без «реставрации», – утверждает он, – имеет собственную логику, суть которой состоит в сведении всего и вся к единому знаменателю, упрощению, унификации, в процессе которых с общественно-политической арены тем или иным способом удаляются один за другим все «лишние» элементы, классы, сословия, группы, круг которых прогрессивно сужается по мере «прогресса» революции. Постепенно ликвидируются любые возможности для каких бы то ни было споров, дискуссий, оппозиционных взглядов. Создается видимость разрешения всех конфликтов и противоречий. В итоге наступает паралич социума, превратившегося в замкнутое пространство, не терпящее «возмущений» как изнутри, так и извне. В силу присущей такой перманентной революции внутренней логики, власть народа превращается во власть от имени народа, а затем – во власть над народом.

Именно к такому завершению пришли Великая французская революция и Октябрьская революция в России. В первом случае акт «реставрации», возвративший общество «в историю» или на нормальный путь развития, состоялся через сравнительно короткий промежуток времени после кровавой бойни, во втором же случае для этого потребовалось много десятилетий»⁵¹.

Что можно сказать по этому поводу? Каждый имеет право на собственное мнение, на свой подход к решению той или иной проблемы. Но это не означает, что все они с необходимостью ведут к истине, к адекватному отражению познаваемой реальности, одним из феноменов которой является революция. Да, в истории человечества можно найти немало примеров, подтверждающих сопряженность революций с кровью, страданиями, человеческими жертвами, тоталитаризмом и иными неподобствами. Только ведь к ним она не сводится и не в этом ее сущность. Имели место и факты реставрации, на которые ссылается уважаемый автор. Однако следует напомнить, что не они, в конечном счете, обуславливали выход того или иного общества на новое качественное состояние, не они обуславливали его место в истории, в мировом историческом процессе. Феномен реставрации ведом и Франции, о чем упоминается в вышеприведенной цитате. Он действительно имел место, пытаясь задержать крушение прогнившего механизма государственного устройства страны. Однако не теряющий разума и исторической памяти французский народ учредил одним из главных своих праздников не в ее честь, а в честь той самой Великой французской революции. Что же касается Октябрьской революции, то, думается, и она со временем займет подобающее ей место в исторической памяти народов.

В раскрытии сущности феномена революции вряд ли можно удовлетвориться подходом, к которому прибегает известный русский философ А.Г. Дугин, усматривающий аналогию между высказываниями

Карла Маркса и французского поэта-символиста Стефана Малларме. «Маркс, – пишет А.Г. Дугин, – утверждал: «раньше философы стремились объяснить мир, мы должны его изменить». Стефан Малларме полагал, что «необходимо изменить язык»... Эти два проекта революции – социально-политической и эстетической – с точки зрения структурализма, суть одно и то же. «Изменить язык» означает изменить парадигму, т.е. упразднить одно мировосприятие и утвердить другое, альтернативное. Социальная и политическая революция начинается с изменения языка, а если она удастся, она обязательно реформирует язык окончательно. Изменение властных структур отражается в изменении языка, но верно и обратное: парадигмальное изменение языка сказывается на структуре власти.

Политическое учение Маркса построено на том, как изменить классовую природу власти, перейти от доминации капитала к диктатуре пролетариата. Это предполагает смену парадигм. То, что было «дополнением» в буржуазном обществе, должно опрокинуть социально-экономическую иерархию и занять место «подлежащего».

Стефан Малларме и другие поэты-символисты в своих поэтических экспериментах ломают грамматику языка, уводя читателей в миры намеков, догадок и парадоксов. Подчас трудно понять, где подлежащее, где дополнение: искусные манипуляции со словом создают эффект новой реальности, свободной от банальных клише рассудка. Эстетическая революция символизма – прямой функциональный аналог революции политической. В XX веке художественное движение сюрреалистов, продолжавшее линию символизма, напрямую слилось с коммунистическим движением (А. Бретон, П. Элюар и т.д.)⁵².

Слов нет, все в мире связано. И, безусловно, можно найти массу различных вещей и явлений, которые, имея какие-то общие черты, не перестают быть самими собой, то есть различаться, иногда коренным образом, поскольку в основе их пребывают различные сущности. Именно с этим случаем мы имеем дело сейчас, поскольку у диалектического материалиста Карла Маркса и поэта-символиста Стефана Малларме совершенно разные мировоззрения, а следовательно, и их аспекты, в том числе и мировосприятие. На это не смог, а может быть, просто не захотел обратить внимание автор приведенной цитаты. Мы осмелились упрекнуть его в этом, поскольку уверены, что если бы это было не так, то он бы заметил, что революционная теория Маркса, основанная на строго научном анализе современной ему социальной реальности, как раз и позволившей ему не только объяснить мир, но и увидеть возможные пути его изменения, и «проект эстетической революции» Стефана Малларме, который, касаясь сферы общественного сознания, основывается на намеках, догадках и парадоксах, различаются по своим сущностям. К тому же, и с приводимыми словами К. Маркса следовало бы обращаться поаккуратнее, сверяя их с соответствующими тезисами, а не подавая в собственной редакции.

Все ранее сказанное убеждает нас в том, что продуктивный анализ феномена, обозначенного понятием «политическая революция», возможен

лишь на пути уточнения содержания такого общего по отношению к нему понятия, как «революция».

Данное понятие служит для обозначения специфического проявления одного из универсальных законов диалектики, а именно – закона взаимного перехода количественных и качественных изменений в общественной жизни. Будучи присуща каждому социальному организму, обладающему способностью к саморазвитию, *революция* находит свое выражение в периодически прерывающих течение постепенных количественных изменений глубоких качественных изменениях в состоянии как социального организма в целом, так и отдельных структурообразующих элементов его системы, либо форм жизнедеятельности, переводя их на качественно иную ступень развития.

Коренные качественные изменения всех сторон жизни общества – экономической, политической, социальной и духовной, охватывающие как экономический базис общества, так и надстройку, обозначаются понятием *социальная революция*. Феномен, обозначаемый этим понятием, отличается основательностью объективных причин, детерминирующих его возникновение. Указывая на это, К. Маркс писал: «На известной стадии своего развития материальные производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»⁵³.

Потребность разрешения указанного противоречия, в свою очередь, обуславливает объективную необходимость качественных изменений всех или, по крайней мере, основных элементов, входящих в прежнюю систему общества, чем детерминируется сложность структуры социальной революции. Поскольку же решение этих задач не может быть осуществлено в одночасье, в короткий период, то социальная революция характеризуется, как правило, значительной длительностью своего протекания и включает ряд взаимосвязанных этапов.

Социальные революции, имевшие место в развитии человеческого общества, проявляются прежде всего как смена общественно-экономических формаций, либо как смена определенных этапов внутри той или иной из них.

С социальными революциями неразрывно связаны качественные изменения основных структурных элементов социального организма – общества, семьи, классов, наций. В частности, к числу революций, которые пережил такой социальный организм как семья, относится переход от полигамии к моногамии, от матриархата к патриархату. Можно обнаружить революционные изменения, анализируя классы и нации. К их числу следует, по нашему мнению, отнести превращения из «класса в себе» в «класс для себя», из «наций в себе» в «нации для себя».

В качестве примера такого рода революций может служить рост классового сознания пролетариата царской России, а вместе с тем и его организованности накануне декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905 г.) и особенно в период, предшествующий Октябрьскому перевороту, свержению буржуазного Временного правительства, возглавляемого А.Ф. Керенским, в результате которого победивший пролетариат, претерпев глубокие качественные изменения, превратился в рабочий класс.

Примерами революционных изменений, которые претерпевают в своем развитии нации, является рост национального самосознания, а следом за ним организованности и сплоченности в борьбе с национальным гнетом угнетаемых наций. Именно эти факторы, как известно, в значительной степени обусловили победу нидерландской революции конца XVI в., направленной против испанского господства; североамериканской революции конца XIII в., направленной против английского господства; латиноамериканских революций XIX в., направленных против испанского и португальского владычества; итальянской и венгерской революций середины XIX в., направленных против австрийского гнета; революции XIX в. в Юго-Восточной Европе, направленной против турецкого господства.

Революции порой сопровождают и развитие отдельных сфер жизни общества – экономической, политической, социальной и духовной. Революции в экономической сфере общества находят свое проявление в кардинальных качественных изменениях, которые претерпевает экономическая деятельность человека, примером чего явилась неолитическая революция, ознаменовавшая переход человека от собирательства к производству материальных благ – далекая предшественница современной научно-технической революции, в тех существенных изменениях в экономической сфере, которые обуславливаются качественными изменениями форм собственности на орудия и средства производства. Революции в социальной сфере общества проявляются в глубоких изменениях качества жизни, которые фиксируют собой тот факт, что поступательный переход общества от одной формации к другой, а с ним и социальная революция завершились. Революции в духовной сфере общества – это качественные изменения общественного сознания, которые проявляются прежде всего в осознании прогрессивными силами общества потребности коренных изменений общественного бытия, формировании нового социального идеала, а также форм, методов и средств достижения его. Революция в духовной сфере общества, как правило, предшествует не только социальной революции, но и революции во всех других сферах жизни общества, в том числе и в политической сфере, политической революции.

«Политическая революция» – понятие, обозначающее коренные качественные изменения в сложившейся системе государственного устройства, государственной власти того или иного общества, которые прерывают эволюционное течение политического процесса, переводя его на качественно иную, более высокую ступень развития, позволяющую полнее

удовлетворять общественные потребности в совершенствовании государственного аппарата.

Если революция в духовной сфере, общественном сознании предшествует социальной революции, то политическая революция выступает в качестве первого шага социальной революции, так сказать, первого акта социальной драмы. При этом действие ее может начаться лишь при наличии революционной ситуации. Указывая на это, В.И. Ленин выделяет три главных признака, характерных для революционной ситуации: «Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2.) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3.) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»⁵⁴.

Обычно в советский период нашей истории, говоря о революционной ситуации, обществоведы связывали ее со следующей за ней революцией – политической, а затем и социальной – основным признаком которой рассматривался переход власти из рук консервативного, отживающего класса в руки прогрессивного. Однако исторический опыт учит нас, что не всегда за революционной ситуацией следует революция. Примером тому может служить развал Советского Союза. Ведь накануне этого события, что называется, один к одному был налицо первый признак ее – «низы не хотели», а «верхи не могли» жить и управлять по-старому. В обществе не было угнетенных классов в классическом виде, однако из-за обюрократившихся и обуржуазившихся чиновников, прежде всего в высших эшелонах партийного и государственного аппарата, различного рода хапуг и иного рода нуворишей нужду и бедствия терпели все классы трудящихся, большинство советского народа. В силу указанных причин, возрастающего системного кризиса в обществе, стремительно поднималась протестная активность масс, доведенная до точки кипения действиями самих «верхов». Вспомним хотя бы провокационно звучавшие тогда призывы М.С. Горбачева, настраивающие людей против партийных и советских кадров: «Вы их отсюда критикуйте, а мы будем отсюда»; «Берите власти столько, сколько вам нужно» и т.д. Вот вам и третий признак революционной ситуации. Однако за нею последовала не политическая революция, которая, при активных и сплоченных действиях сил прогресса, должна была бы завершиться коренным качественным изменением государственного устройства в СССР, преобразованиями в политической жизни, которые бы позволили преодолеть кризис и выйти на новый виток развития прежде всего в сфере экономики, а политическая контрреволюция,

завершившаяся сговором в Беловежской пуще, развалом Советского Союза и перехватом политической власти в провозгласивших независимость государствах успевшей сформироваться и легализоваться в условиях социального и политического хаоса олигархией.

И если говорить о типе независимых государств, которые образовались на территории бывшего Советского Союза, то безусловно следует признать, что возникли они и начали свое становление как буржуазные государства, руководители которых, торопливо сбросив с себя тяготившие их, явно тесные им социалистические одежды совести, легко облачились в давно милые их сердцам наряды капиталистических толстосумов со всей словесной и иного рода атрибутикой. Да иными, как буржуазные, эти государства и быть не могли, поскольку это объективно обуславливалось складывавшимся экономическим базисом, детерминирующим соответствующую ему социально-классовую структуру общества.

Об этом сегодня пишут крайне неохотно и кое-кто даже склонен считать, что о классах нет смысла говорить, поскольку их якобы в нашем украинском обществе попросту нет. Но это далеко не так. Ведь те же рабочие промышленных предприятий, принадлежащих как государству, так и частным лицам, фирмам, открытым и закрытым акционерным обществам, другого рода собственникам, есть, существуют, образуя феномен, который несет в себе основные сущностные признаки класса. Ведь это большая группа людей, которая занимает определенное место в исторически определенной системе общественного производства, она, не являясь собственником средств производства, производит материальные блага в качестве наемных работников, получая определенную долю их в виде зарплаты, размер которой устанавливается работодателем. Эта группа сохраняет и прежнее название – «рабочий класс». По-прежнему существует в обществе и класс крестьян. Однако их существование и, в частности, политическое бытие носит специфический характер. Оба эти классы, классы трудящихся начали историю своего существования в провозгласившей независимость Украине как «классы в себе». За короткий срок они еще не успели осознать себя классами независимого (вернее, только провозгласившего независимость) государства, имеют низкий уровень классового сознания, характеризуются отсутствием четко выработанных организационных форм – политических партий, сильных профсоюзных, молодежных, женских и других общественных организаций, из которых формируется гражданское общество и которые способствуют росту классового сознания и самосознания, превращению «классов в себе» в «классы для себя», то есть в активные субъекты политической деятельности, оказывающие влияние на ход политического процесса.

Зато активно идет процесс превращения из «класса в себе» в «класс для себя» предпринимателей, владельцев средств производства, который в силу этого имеет возможность присваивать себе труд других – представителей классов трудящихся. Это находит свое проявление, во-первых, в том, что члены этой группы в большинстве случаев сами не создали тех

предприятий, заводов, фабрик, мастерских, владельцами которых они стали не всегда честным путем, использовав рыхлость правового поля, а также отражающего его правосознание, нечеткость многих законов и правовых актов, завладев таким образом результатами труда предшествующих и ныне живущих поколений трудящихся бывшего СССР, общенародной собственностью, а во-вторых, — в стремлении класса собственников-предпринимателей занизить своим работникам уровень заработной платы, получая таким образом высокую прибавочную стоимость, которая и дает ему возможность существенно влиять на формирование нужных структур как в системе государственного устройства, так и в только складывающейся системе гражданского общества.

Данное обстоятельство позволяет классу-собственнику, и прежде всего входящим в его структуру олигархам, владеющим основными средствами производства страны, успешно играть на политической сцене двумя командами, одна из которых предстает в качестве пребывающей у власти консервативной силы, противостоящей интересам трудящихся, а вторая, оседлав лозунги, близкие по духу классам трудящихся, пребывающим в состоянии «классов в себе», играет роль оппозиции. Концентрация огромных капиталов, «помощь зарубежных «братьев по классу» (естественно, не бескорыстная) открывают им возможность манипулировать общественным сознанием, разыгрывать сцены настоящих политических сражений, громко именуемых «революциями», победа в которых вызывает восторг обманутых масс, даже не подозревающих, что никаких качественных изменений в политической сфере, то есть политической революции не произошло, что только сменились «вахты» одного и того же класса на государственном Олимпе. Конечно, со временем массы разберутся, что их в очередной раз обманули. Но это будет потом. Возможен и новый протест масс, который постарается возглавить новая команда все из того же класса собственников, подготовленная олигархами.

Заметив это, обратимся к судьбам наций, к тем метаморфозам, которые им довелось пережить в ходе политического процесса, завершившегося развалом СССР и образованием на его бывшей территории независимых государств. Резкий рост национального сознания в союзных республиках бывшего СССР накануне его развала революционизировал ранее протекавшее эволюционно развитие ведущих, наиболее крупных наций, которые трансформировались в титульные нации провозглашающих независимость государств. Данное обстоятельство не только способствовало коренному изменению каких-либо внешних признаков этих наций, но и существенно повлияло на изменение их сущности, переводя на качественно новую ступень развития. Теперь нация, совершив революционный скачок в своем развитии, став титульной нацией, фактически является ответственной перед обществом не только за свое развитие, но и за развитие других наций, за совокупность политических, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями, национальными группами, которая обозначается понятием «национальный

вопрос» в его узком смысле. И если ранее, в период, когда данная нация пребывала в составе СССР, проповедь ее национальной исключительности, допускаемая кем-либо из ее представителей, противопоставление интересов этой нации интересам других наций, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды питали такое негативное по своей сути явление как национализм, то в новых условиях могут служить фактором становления крайнего проявления, национализма, каковым является шовинизм.

Мы акцентировали внимание на данном моменте, поскольку в современной справочной литературе, не говоря уж об иного рода публикациях, просматривается желание подвести под понятие «национализм» совершенно иное, не свойственное ему содержание. Так, например, В. Лисовый считает, что национализм – это «направленность политической мысли, политическая идеология и политическая практика, в центре внимания которых находится нация как идея (или понятие) и как ценность»⁵⁵. Как видим, проповедь национальной исключительности, противопоставление интересов одной нации интересам других наций, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды как отличительные черты, органически присущие феномену национализма, автором произвольно отбрасываются, а под понятие «национализм» подводится совершенно иное явление, которое, к тому же, обозначается давно укоренившимся в обществоведении понятием – «решение национального вопроса» и которое включает в себя определение сущности нации, возникновения и развития наций, поиск путей ликвидации национального гнета и установления равенства между нациями. Стремление же решать национальный вопрос как в политической теории, политической идеологии, так и в политической практике может проявляться в различных формах – национализма, шовинизма, а также в форме поиска путей к установлению дружбы и сотрудничества наций.

Это, последнее, естественно, много сложнее и труднее, о чем свидетельствует пятнадцатилетний опыт поиска путей решения национального вопроса в Украине. Однако многовековой опыт человечества убеждает нас в том, что для нашего общества, сограждане которого представляют свыше ста наций и народностей, этот путь не только наиболее продуктивный, но и единственно возможный. Следуя им, проявляя заботу о совершенствовании форм собственности, гармонизации социально-классовых отношений можно надеяться на успешный поиск детерминант оптимизации политического процесса в Украине. Однако об этом речь пойдет несколько позже.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Политика, политическая деятельность находят своё проявление, с одной стороны, в рассмотренном нами политическом процессе, а с другой стороны, — в конкретном результате его, каковым является политическая культура.

1. Феномен политической культуры

Последние десятилетия феномен политической культуры неизменно находится в центре внимания политологов, представителей других отраслей обществоведческой науки. Раскрытию содержания понятия «политическая культура» посвящены специальные разделы учебников и учебных пособий, вышедших как в Украине, так и в других государствах СНГ. Отдельные аспекты её рассматривались в монографической литературе и статьях, опубликованных в периодических изданиях. Казалось бы, проблема исчерпана и обращаться к ней больше не стоит. Однако, это далеко не так. Знакомство с работами авторов, которые касаются данной проблемы, обращает внимание, по крайней мере, на два довольно интересных момента.

Во-первых, в большинстве случаев исследователями искаженно толкуется генезис самого понятия «политическая культура», история его возникновения, введения в научный оборот. В самом деле. Автор вышедшего в 1995 году в Москве учебного пособия «Политическая наука» К.С. Гадижев утверждает, что понятие «политическая культура» впервые появилось в статье американского политолога Г. Алмонда «Сравнительные политические системы» в 1956 году¹. Аналогична точка зрения авторов курса лекций по политологии, выпущенного под редакцией М.Н. Марченко в 1997 году московским издательством «Зерцало»², а также некоторых украинских авторов³. Правда, у наших отечественных обществоведов есть и иная точка зрения. В частности, О. Рудкевич в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Віче» утверждал, что в украинской политической мысли проблема политической культуры впервые четко была сформулирована и по-своему решена основателем школы в отечественной историко-политической науке Вячеславом Липинским в работе «Письма к братьям-хлеборобам» ещё за 30 лет до того, как ею занялись американские политологи, т.е. где-то в 1926 году⁴.

Выходит, приоритет, наконец, установлен и мы добрались до истины? Отнюдь. Труды классиков марксизма-ленинизма, которые, безусловно требуют сегодня критического переосмысления, в то же время содержат в себе положения, которые актуальны и сегодня. Справедливости ради следует сказать и о том, что понятие «политическая культура» В.И. Ленин использовал в своих работах ещё в 1920 году. Предприняв анализ сущности явления обозначаемого данным понятием, он определил и роль политической культуры в борьбе за построение нового общества, формирование нового типа личности⁵.

Однако, заметив это, следует признать, что ставить точку в данном вопросе всё ещё рано. Как утверждают авторы коллективного учебного пособия «Политический процесс: основные аспекты «способы анализа», вышедшего под общей редакцией Е.Ю.Мелешкиной в Москве в 2001 году, к рассмотрению вопросов, так или иначе связанных с политической культурой, обращались в разное время Н.Макиавелли, Ш.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо, А. де Токвиль и другие исследователи. Термин же «политическая культура» впервые был использован немецким философом-просветителем И. Гердером ещё в XVIII веке. Что же касается научной теории, исследующей феномен политической культуры, то она возникла только в 50-х – 60-х годах XX века⁶. Важным вкладом в её становление явилось методологическое наследие М. Вебера, одного из представителей «неклассического типа научности», писавшего о необходимости «отнесения» гуманитарного знания «к ценностям» и исследовавшего влияние культурных норм и образцов на поведение и далее на социальную структуру,⁷ подход которого развивали американские политологи Г. Алмонд и С. Верба⁸. Помимо их, вопросам политической культуры уделяли внимание С. Липсет, Л. Пай, М. Доверже, М. Крозье и др.

Что же касается истории этого понятия в советском обществоведении, то оно, хотя после смерти Ленина и не исчезло совсем из употребления, но и не принадлежало к числу широко используемых. Такое положение, естественно, не может быть объяснено исчезновением обозначаемого ими феномена или же ослаблением его проявления в реальной действительности. Однако причина этого всё же была. Она, по всей вероятности, состоит в недостаточной изученности явления, обозначаемого понятием «политическая культура». И, следует заметить, что эта причина, к сожалению, не устранена и сегодня.

О правомерности такого вывода, в частности, свидетельствует отсутствие единого мнения о сущности самого феномена, содержании обозначающего его понятия – второй момент, не который нельзя не обратить внимание, знакомясь с наработками исследователей проблемы. Ведь, по утверждению канадского обществоведа Г.Патрика, уже к 1976 году существовало более сорока определений политической культуры, а сейчас, как считают авторы работы «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа», вышедшей в 2001 году в Москве, их насчитывается уже свыше ста⁹.

Мы не будем оспаривать достоверность этого факта. Заметим лишь, что их число растёт в основном из-за того, что своё новаторство многие авторы стараются проявить прежде всего именно здесь, в толковании понятия забывая разобраться в сущности явления, обозначаемого им. Как подмечает Р.Далтон, «измерение политической культуры стали сравнивать с приколачиванием желе к стене, имея в виду, что данному понятию не хватает точности и оно является скорее субъективной стереотипизированной характеристикой нации... Одни авторы усматривали проявление политической культуры практически в каждом явлении политической жизни,

другие использовали это понятие по «остаточному принципу» для объяснения того, что не поддавалось анализу иными средствами...Надо также отдавать себе отчет, что наше понимание элементов политической культуры и отношений между ними не намного продвинулось по сравнению с «Гражданской культурой», опубликованной Алмондом и Вербой в 1963г.»¹⁰.

Важно же другое. Подавляющее большинство предлагаемых дефиниций ограничивается указанием лишь на духовную компоненту феномена, как это, в частности, делают те же Г.Алмонд и С. Верба, считая, что термин «политическая культура» подразумевает специфические политические установки...в отношении политической системы и её различных частей и установки по отношению собственной роли в системе»¹¹, а также солидарные с ними авторы ранее упомянутой работы «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа»¹². Между тем, феномен политической культуры, как нам представляется, включает не только духовную компоненту, безусловно важнейшую, но и материальную, которая формируется различными государственными структурами, политическими институтами, сложившимися в конкретном социальном организме на определённой стадии его исторического развития. Без учёта этой компоненты раскрыть сущность феномена политической культуры просто невозможно.

Ограничиваясь указанием лишь на духовную компоненту, многие авторы определяют политическую культуру, как совокупность политических знаний, оценок и действий граждан, а также традиций и норм, регулирующих политические отношения¹³, чем обуславливается некоторая метафизичность дефиниций. Она выражается в простом перечислении структурообразующих элементов опять-таки духовной компоненты политической культуры без указания их взаимосвязи друг с другом и элементами материальной компоненты, что также не позволяет, во-первых, отразить сущность феномена политической культуры, а во-вторых, раскрыть источник его развития.

Между тем, наличие политических знаний, оценок и действий – это ни что иное, как реально существующие признаки проявления политической культуры у конкретных её носителей (народов, классов, наций, других социальных групп, отдельных личностей), характеризующие их в качестве субъектов политической деятельности в определённый период их развития. Они обуславливаются, с одной стороны, результатами политической деятельности, совершавшейся в прошлом – содержанием и качеством социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения в обществе, которые служат объективной основой формирования политических знаний, оценок и действий в настоящем, а с другой стороны, – воздействием субъективных факторов, субъектов политики, субъектов политической власти в лице политических партий и других политических институтов, осуществляющих политическое воспитание и обучение масс.

Исходя из сказанного, понятие *«политическая культура»*, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве политологической категории для обозначения исторически сложившейся формы государственного устройства, государственной власти, соответствующей им системы политических институтов, а также обусловленных их деятельностью политических знаний и мотивов, форм, способов и методов политической деятельности, ценностей, оценок, с необходимостью присущих каждому народу, классу, нации, другой социальной группе, отдельной личности на определённом этапе их развития.

Опять-таки не претендуя на исключительную полноту и завершенность, предлагаемое определение позволяет, во- первых, достаточно полно фиксировать результаты деятельности предшествующих поколений конкретного социального организма в одной из важнейших сфер его жизнедеятельности – политической, включая как материальную, так и духовную компоненты, а не ограничиваться какой-либо одной из них. Ведь, как известно, деятельность людей на всех этапах общественного развития осуществляется в исторически определённых формах материального и духовного производства, которые как раз и являются двумя основными сферами существования и развития культуры. В соответствии с этим культура делится на материальную и духовную. Политическая культура, как нам представляется, в данном случае также не должна составлять исключения.

Предлагается определение, во- вторых, подчеркивает обусловленность политических знаний, оценок и мотивов действий субъектов политической деятельности, политического процесса реально существующими факторами материального порядка – властными структурами, то есть соответствующими факторами политической власти, политическими партиями и движениями, политическими интересами, выступающими важнейшими структурными элементами политической культуры. Именно они определяют характер существующих моделей политической культуры, ее типы, прежде всего такие наиболее крупные, как демократическая, авторитарная и тоталитарная, между которыми располагается целый спектр всевозможных национальных, а также иных вариантов и разновидностей политической культуры.

Указанные факторы в значительной мере детерминирует изменение духовной компоненты, способствуя или, наоборот, сдерживая поступательное развитие политических знаний, оценок и мотивов политической деятельности различных субъектов, а с ними и политической культуры в целом.

Наконец, в-третьих, предлагаемая дефиниция акцентирует внимание на необходимости конкретно-исторического подхода к анализу феномена политической культуры, умении различать политическую культуру человеческого сообщества, конкретных обществ, классов, наций, других, более мелких социальных групп, личности, видеть их специфику, особенности, неизменно возникающие на конкретном этапе исторического развития того или иного социального организма.

В зависимости от носителя политическая культура может быть классифицирована: во-первых, как индивидуальная и как групповая; во-вторых, исходя из социальной структуры общества – как классовая, национальная, возрастная.

Являясь составной частью феномена, обозначаемого понятием «культура», политическая культура характеризуется всеми присущими ему общими признаками.

Охватывая всю совокупность созданных предшествующими поколениями граждан данного общества условий для политической деятельности социальных субъектов, которые не зависят ни от отдельного человека, ни от классов, наций, других социальных групп, действующих на том или ином этапе истории социального организма, политическая культура носит объективный характер.

Как и культура в целом, политическая культура существует в двух основных формах: во-первых, в форме предмета, готового результата во всей совокупности создаваемого человеком материального и духовного политического богатства, то есть исторически сложившейся в данном обществе формы государственного устройства, сложившейся системы политических институтов, а также политических ценностей, оценок и мотивов политических действий; а во-вторых, в форме богатства человеческой личности – её политического богатства, выражающегося в существовании, наличии определённой возможности участия личности в государственном управлении, соответствующих политических знаний, видения перспективы политического развития общества, класса, нации и т.д.

Как и культура в целом, политическая культура не есть нечто статичное, она есть феномен, пребывающий в развитии. Основным фактором, обуславливающим это развитие служит человеческая деятельность, её определённый вид – политическая деятельность. При этом политическая деятельность как фактор развития политической культуры, способ этого развития включает в себя не только политическое творчество – создание материальных и духовных политических ценностей, но и освоение, наследование тех ценностей, которые были созданы до них, в результате чего происходит формирование политических качеств личности как важнейшего условия становления субъектов политического процесса.

Как и культура в целом, политическая культура носит конкретный характер. Это находит своё проявление, во-первых, в отличии политических культур конкретных социальных организмов. Примерами тому служат различия в формах государственного устройства тех же стран Западной Европы: Великобритания – унитарное государство с предоставлением прав административной и политической автономии Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии; Франция и Италия – унитарные государства; Германия – федеративное государство. Различными являются формы государственного правления этих стран, законодательная политическая база, политические институты, системы политических ценностей, оценок и мотивов действий. Подобные различия можно обнаружить, анализируя материальные и

духовные компоненты современных политических культур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, СНГ и Балтии, США и Канады, Латинской Америки и Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока. Конкретность политической культуры, во-вторых, находит своё проявление в тех различиях, порой существенных, которыми характеризуется развитие её у одного и того же социального организма на разных этапах. В качестве иллюстрации можно было бы, в частности, сослаться на факты смены государственного устройства в той же Франции, Германии, других странах Европейского и других континентов, а также различия в политической культуре украинской нации в период её развития в рамках СССР и в условиях существования после провозглашения независимости Украины, в политической культуре классов стран Восточной Европы и т.д.

Характеризуясь общими признаками, присущими в целом феномену культуры, политическая культура в то же время имеет и свою специфику. Остановимся на основных особенностях её.

Первая из основных особенностей политической культуры состоит в том, что она складывается значительно позже ряда других компонентов культуры – экономической, нравственной, эстетической. Поскольку основным содержанием политической культуры является отношение к существующей системе государственного устройства, системе государственной власти, то она не могла начать своё формирование раньше того, как возникло и стало развиваться государство. Между тем, экономическая, нравственная, эстетическая культура уже задолго до этого начали складываться и к моменту возникновения государства, так сказать, имели свою историю.

Вторая особенность политической культуры состоит в специфике её развития. Последнее обычно начинается с качественных изменений не в материальной, а в духовной компоненте. Обществоведами уже давно подмечен тот факт, что каждой социальной революции, коренным качественным изменениям в важнейших сферах жизни общества предшествуют не менее кардинальные изменения в общественном сознании, то есть революции в головах людей, в их взглядах на существующее государственное правление, сложившиеся в обществе политические институты, переоценка политических знаний, форм, способов, приёмов, методов политической деятельности.

Третья особенность политической культуры связана с её принадлежностью к феноменам надстроечного порядка. Вследствие этого развитие её в конечном счёте обусловливается развитием базиса. Однако развитие политической культуры не всегда совершается синхронно с развитием базиса. Обладая относительной самостоятельностью, оно может как отставать от развития базиса, так и опережать его. И, если отставание в развитии форм государственного устройства, государственной власти, соответствующей им системы политических институтов, политических знаний, ценностей, оценок, форм, способов политической деятельности, отставание политической культуры однозначно отрицательно влияет на ход

общественного развития, поскольку тормозит, сдерживает его, то опережение развития политической культуры развития базиса не всегда однозначно положительно влияет на развитие общества, его материальной и духовной культуры. Оно будет играть положительную роль лишь при условии сравнительно небольшого разрыва в уровнях развития политической культуры и базиса, позволяющего, опираясь на открывшиеся возможности новой политической культуры, обеспечивать ускорение развития старого базиса, устраняя таким образом несоответствие между базисом и надстройкой. Значительное же опережение в развитии политической культуры развития экономического базиса, длительное сохранение разрыва в уровнях их развития, во-первых, усиливает зависимость базиса, экономики от политики, снижая потенциал его саморазвития, а во-вторых, гиперболизируя роль и значение политической культуры, формирует иллюзию возможностей её саморазвития независимо от других видов культуры – экономической, правовой, нравственной, эстетической, препятствуя оптимизации их взаимосвязи и гармоничному развитию, затрудняет процесс формирования политической перспективы, определения реальных политических целей, превращая политическую деятельность в «политику ради политики».

Примером такого рода негативных последствий служит сохранение разрыва в уровнях развития политической культуры и базиса в советском обществе. Как известно, преодолеть этот разрыв за все десятилетия существования этого социального организма так и не удалось. В результате экономика часто и густо подменялась политикой, которая, не имея достаточно мощных экономических оснований, всё более обретала формы сковывающего подвижность и гибкость социальных структур тоталитаризма, сопровождаемого рецидивами субъективизма и волюнтаризма, завершившихся бездумными «опытами» Горбачёва и развалом СССР.

Таковы, на наш взгляд, основные особенности, отличающие феномен политической культуры. Пребывая постоянно в развитии, он обладает сложной структурой, наличием огромного многообразия взаимосвязанных элементов, анализ которых позволяет фиксировать как складывающиеся традиции, так и новаторство. Рассмотрению их мы и намерены посвятить следующий подраздел.

2. Традиции и новаторство в развитии политической культуры

Проблема взаимосвязи традиций и новаторства является одной из наиболее сложных социально-философских проблем. Это объясняется прежде всего неоднозначностью толкований обществоведами феноменов, обозначаемых понятиями «традиция» и «новаторство». В предыдущих своих работах нам уже не раз приходилось касаться этого вопроса¹⁴. Поэтому сейчас ограничимся лишь кратким изложением своего понимания данных феноменов.

Представляется целесообразным опираться в толковании традиций и новаторства на деятельностный подход. При этом мы исходим из того, что,

если движение является способом существования материи, то деятельность предстает в качестве проявления движения на высшем уровне развития материи и её следует рассматривать как атрибут, способ существования социальной материи. В свою очередь, деятельность выступает субстанциональной основой как традиций, так и новаторства.

Дело в том, что деятельность людей всегда проявляется в конкретных формах. Одни из них, возникнув однажды, быстро исчезают, другие же по тем или иным причинам сохраняются долгое время, получают логическое обоснование необходимости их бытия и, обретая характер устойчивых, повторяющихся, признаются в определённой социальной общности (человеческом сообществе, народе, классе, нации, семье) правильными и нужными, превращаясь таким образом в традиции. Однако, сформировавшись, традиции также не остаются неизменными. Развивается как сама форма (способ, приём, метод) деятельности, которая затем сложилась в традицию, так и содержание. Двигателем же этого развития является всё та же деятельность. Характер и результаты её бывают разными: она может быть направлена как на закрепление традиций, так и на их изменение вплоть до ликвидации, может быть как консервативной, так и новаторской. Деятельность, направленная на создание, поддержку, развитие передовых, прогрессивных традиций и устранение старых, отживших, способствующая становлению и укреплению нового качественного состояния конкретной социальной системы, исходя из потребностей её дальнейшего совершенствования и развития, как раз и обозначается понятием «новаторство».

Поскольку традиции формируются во всех сферах жизнедеятельности людей, правомерно выделять традиции экономической, политической, социальной и духовной деятельности, которые в своей совокупности образуют обязательные структурообразующие элементы в системах соответствующих видов культур. Исходя из сказанного, под традициями, входящими в структуру политической культуры, мы будем понимать относительно устойчивые, повторяющиеся, обладающие определённой несанкционированной нормативностью формы, способы, приёмы, методы политической деятельности, которые складываются в рамках конкретного социального организма, будучи обусловленными общественно-экономическими, политическими и другими особенностями его существования.

Являясь неотъемлемым структурным элементом системы политической культуры, эти традиции, традиции политической деятельности, в свою очередь, могут быть представлены в виде системы, имеющей сложную структуру. Это обуславливается многообразием субъектов политической деятельности, выполняемых ими функций, различием отношений к существующей системе государственного устройства, государственной власти, сложившимся в обществе политическим институтам и т.д.

В системе традиций политической деятельности представляется правомерным выделить в качестве особых подсистем: 1) традиции,

связанные с деятельностью политических субъектов, входящих в систему государственной власти; 2) традиции, связанные с деятельностью политических субъектов, входящих в структуры гражданского общества.

Говоря о *традициях первой подсистемы*, следует заметить, что они также не есть некое однородное, неструктурированное образование. Среди них следует различать *традиции политической деятельности, направленной на сохранение и укрепление существующих систем государственного устройства, государственной власти*. К ним относятся неоднократно повторявшиеся, обретшие устойчивый характер формы, способы, приёмы, методы борьбы с протестной деятельностью не санкционированные правовыми актами, как разгон демонстраций, арест под различными предлогами политических противников, их экономическое, моральное, а нередко и физическое устранение, ограничение деятельности оппозиционных партий, средств массовой информации путём давления со стороны тайно, а то и явно направляемых властью предрержащими налоговых служб, других контрольных органов, силовых структур, ставшие традиционными различные формы, способы, приёмы, методы использования админресурса во время проведения президентских и парламентских выборных кампаний, референдумов, создание провластных политических партий и движений и т.д. К этой же подсистеме традиций политической деятельности относятся идеи как формы мысленного постижения политической реальности, выдвигаемые теоретиками-апологетами существующего режима, которые, получая соответствующее обоснование и наукообразность, закрепляются в поддерживаемых властными структурами изданиях.

Однако было бы ошибочно полагать, что деятельность политических субъектов, входящих в систему государственной власти, носит исключительно консервативный характер. Развитие социального организма и, прежде всего, материального производства, обуславливает необходимость совершенствования экономических, а вслед за ними и политических отношений, совершенствование существующих форм государственного устройства, государственной власти, чем вынуждены заниматься политические субъекты, входящие в систему государственной власти, используя для этого вида политической деятельности определённые формы, способы, приёмы, методы, такие, как создание различного рода государственных комиссий по изучению того или иного вопроса совершенствования государственного устройства, выработка различных предложений по развитию самоуправления, подготовке к политическим реформам, проектов законов, указов и т.д. Повторяясь, становясь устойчивыми, они также превращаются в традиции, образуя *особую подгруппу традиций деятельности рассматриваемых политических субъектов, направленной на совершенствование существующей системы государственного устройства, государственной власти*.

Само собой понятно, что эта подгруппа традиций в меньшей степени развита в тоталитарных обществах, где деятельность политических субъектов, входящих в систему государственной власти сосредоточена

прежде всего на том, чтобы во что бы то ни стало сохранить саму эту систему и систему государственного устройства. А посему в рассматриваемой подсистеме традиций, как правило, преобладают консервативные традиции. Степень же новаторства здесь крайне низка. Она заметно возрастает по мере развития демократии, сопровождаемой формированием структур гражданского общества, политическая деятельность которых и побуждает субъектов политической деятельности, входящих в систему государственной власти, предпринимать либо имитировать новаторские шаги.

Здесь хотелось бы обратить внимание на один момент в понимании роли государства и гражданского общества в политической сфере. Некоторые из обществоведов, рассматривая государство и гражданское общество в качестве двух диалектически противоположных сторон социального организма, склонны считать, что « государство доминирует в политической сфере, а элементы гражданского общества представляют преимущественно экономическую, социальную и духовную сферу общественной жизни».¹⁵ Следует признать, что в своё время и автор настоящей монографии склонен был придерживаться такой же точки зрения¹⁶, в правильности которой сейчас вынужден усомниться.

В самом деле. Ведь государство, призванное представлять общественные интересы, с необходимостью должно заниматься не только политической сферой, но и другими сферами жизнедеятельности общества – экономической, социальной и духовной. С другой стороны, гражданское общество, представленное негосударственными формированиями, не может оставаться бездеятельным в политической сфере. И не остаётся. Наглядными примерами активности её структурообразующих элементов в этой сфере служат те же Английская буржуазная революция середины XVIIст., Великая Французская революция конца XVIIIст., Октябрьская социалистическая революция в России, в результате которых была уничтожено старое государство. Да и события конца 80-х – начала 90-х годов минувшего XX столетия, которые завершились развалом Советского Союза и образованием на его бывшей территории независимых государств, включая и Украину, свидетельствуют о том же.

Структура гражданского общества на различных этапах исторического развития, конечно же, имеет отличия, в том числе и существенные, однако она неизменно сложная. Каждый из структурообразующих элементов, входящих в систему гражданского общества, многочисленных общественных, профсоюзных, спортивных, профессиональных организаций, объединений, клубов и т.д. – не может проявить себя иначе, как посредством деятельности. Она с необходимостью присуща всем им и каждому, и осуществляя её, каждый из них опирается на определённые формы, способы, приёмы, методы, которые, повторяясь, закрепляясь, обретая устойчивость, могут превращаться и превращаться в традиции. Вполне понятно, что не все из огромного многообразия этих традиций являются традициями, формирующимися в результате определённой деятельности, содержанием которой является отношение субъекта к существующей системе

государственного устройства, государственной власти, её направленности в той или иной сфере жизнедеятельности общества, проявляющейся, опять-таки, в различных формах и способствующей сохранению или изменению существующего государственного устройства.

К числу *традиций, связанных с деятельностью политических субъектов, входящих в структуру гражданского общества*, относятся прежде всего *традиции*, которые складываются в результате деятельности *политических партий*. В том числе повторяющиеся, устойчивые формы, способы, приёмы, методы:

- деятельности по выявлению, формированию и обоснованию интересов классов, наций, других социальных групп, определению целей и задач, принципов, средств их достижения, отражаемых в положениях политических теорий и политических программах;

- деятельности по формированию общественного мнения, влияния на него с целью привлечения на свою сторону максимального числа сторонников;

- борьбы за государственную власть на всех уровнях, включая участие в президентских, парламентских, муниципальных выборах, а также различного рода протестные формы деятельности вплоть до силового захвата власти, а также борьбы за возможность влияния на принятие ею политических решений и т.д.;

- деятельности, связанной с участием во всех формах государственной власти, в разработке и осуществлении внутреннего и внешнего политического курса;

- деятельности, направленной на политическое воспитание классов, наций, других социальных групп или всего общества;

- деятельности, направленной на подготовку и выдвижение кадров для государственного, партийного, профсоюзного аппарата, общественных организаций.

Кроме партий, в качестве субъектов политической деятельности, входящих в структуру гражданского общества, порой могут выступать *профсоюзные, молодёжные и другие общественные организации* при условии осознания их членами собственных интересов, поддержания политических требований выдвигаемых партиями. В результате этой деятельности также формируется *особая группа традиций политической деятельности непартийных образований*. Таковыми, в частности, являются такие устойчивые, повторяющиеся формы, способы, приёмы протестной деятельности молодежных организаций в периоды обострения политической обстановки в той или иной стране, как митинги с выдвижением политических требований, голодовки, установление палаточных городков и т.д.

Являясь проявлением развития одной из сторон общественного организма, противоположной и противостоящей государству, традиции, сформировавшиеся в результате политической деятельности субъектов, входящих в структуру гражданского общества, как и ранее рассмотренная подсистема традиций, также не однородны по своему составу. Будучи

вплетены в ткань политической культуры, одни из них, выступая в качестве прогрессивных, способствуют поступательному развитию политического процесса и политической культуры как его конкретного результата, другие же, уже устаревшие, консервативные, наоборот, тормозят, сдерживают это развитие. Это обуславливает объективную необходимость новаторских усилий со стороны субъектов политической деятельности, представляющих силы прогресса. При этом нужно иметь ввиду, что новаторство не есть простая замена каких-либо одних форм, способов, приёмов, методов политической деятельности другими. Новаторство, в данном случае, предстаёт как особая политическая деятельность, направленная на создание, поддержку, развитие передовых, прогрессивных традиций и устранение старых, отживших, такая деятельность, которая содействует оптимизации развития политического процесса, и которая находит своё отражение в поступательном развитии политического сознания.

Развитие политического сознания является важным фактором развития политической культуры. В свою очередь, это последнее обуславливает развитие политического сознания, его прогресс. Заметив это, попробуем выявить объективный показатель, свидетельствующий о том, что политическое сознание действительно развивается поступательно, то есть критерий его прогресса.

3. Повышение уровня политической культуры как общий критерий поступательного развития политического сознания

Выявление объективных показателей, которые бы свидетельствовали о поступательных изменениях в общественном сознании, прогрессе в его развитии, задача неизменно сложная. Это обуславливается, во-первых, спецификой самого общественного сознания, призванного служить отражением общественного бытия социальными субъектами и, в силу этого, содержащего в каждом из своих структурообразующих элементов определённую долю субъективности. Сложность выявления критериев прогресса в развитии общественного сознания, во-вторых, обуславливается многообразием социальных субъектов, с одной стороны, воздействующих на социальную реальность, изменяющих её, а с другой стороны, познающих её и отражающих в своём сознании; а в-третьих, - огромным многообразием видов их деятельности.

Сказанное полной мерой относится к политическому сознанию как одному из основных форм общественного сознания. Сложность поиска критерия его поступательного развития в условиях классового общества усугубляется не только практически неизменным наличием многообразия различных по своему содержанию и формам политических действий, но и их разнонаправленностью, обусловленной интересами классов и социальных групп, входящих в структуру общественного организма. Различие этих интересов, а порой и их диаметрально противоположность создают

достаточно серьезную преграду на пути поиска надежной основы, которая позволила бы найти объективный, независимый от воли и сознания людей признак, дающий возможность получить истинную оценку характера развития политического сознания, его поступательности, то есть критерий прогресса этого развития. И всё же такая основа, думается, существует. Искать же её следует в реальной общественной жизни, в социальной практике. Ею, по нашему мнению, может и должна служить политическая культура – один из составляющих элементов культуры общества.

Данный признак базируется на независимой от воли и сознания людей объективной основе, в качестве которой выступает политическая культура. Здесь следует заметить, что сама по себе политическая культура, её наличие ещё не может рассматриваться в качестве общего критерия поступательного развития политического сознания. Фиксируя наявность последнего, факт признания существования политической культуры ещё ничего не говорит как о развитии политического сознания, так и о направленности этого развития. *Критерием прогресса в развитии политического сознания* может служить повышение уровня политической культуры людей, образующих тот или иной социальный организм – человеческое сообщество, конкретное общество, класс, нацию, другую, более мелкую социальную группу.

Являясь объективным проявлением поступательности в развитии политического процесса, повышение уровня политической культуры выступает в качестве искомого признака, создающего возможность удостовериться в действительном наличии прогрессивных изменений в развитии и политического сознания. Эта возможность реализуется в действительность в виде конкретных показателей, которые могут быть сведены к следующим основным группам:

I-ю группу образуют *показатели роста политической грамотности*, владения различными категориями граждан необходимым минимумом политических знаний, который включает знание ими существующего государственного устройства, государственной власти, сущности и особенностей внутренней и внешней политики государства, основных законов и других законодательных актов, регламентирующих политическую жизнь страны, основных политических партий, движений и других общественных организаций, взаимоотношения государства и церкви, направленность развития государства, его перспективы и др.

Являясь безусловно важной для характеристики роста уровня политического сознания, эта группа в то же время фиксирует только внешнюю сторону происходящих в нём изменений, их поверхностное проявление. А оно, как свидетельствует практика, может быть весьма обманчиво. Ведь само по себе повышение политических знаний не означает, что они автоматически превращаются в убеждения. Ну, а коль этого не происходит, то политические знания, не превратившиеся в убеждения, не затронут политических ценностей и ориентаций людей и не скажутся на их политической деятельности.

II-я группа показателей связана с *повышением степени политической образованности* граждан. Она включает степень их убеждённости в правильности, научной обоснованности внутренней и внешней политики государства, той или иной политической партии, поддерживающей государственную власть либо пребывающей в оппозиции, вырабатываемой ими политической теории, на базе которой формируется практическое политическое сознание, то есть политическая идеология, характер мотивов, ценностей, уровень умения опираться на полученные политические знания, ориентироваться в политической обстановке, правильно определить своё место в ней.

Повышение уровня политической образованности масс, степени их убеждённости в правильности политики, проводимой государством, государственной властью, политической партией в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и убедительно научное обоснование этой политики, от уровня развития политической теории.

III-ю группу показателей как раз и составляют показатели, свидетельствующие о *повышении уровня теоретического обоснования как существующей политической реальности, так и перспектив её дальнейшего развития*, повышении уровня эффективности политической теории. Эффективными же, как считает А.И. Яковлев, и мы разделяем его точку зрения, «могут быть признаны только идеи, теоретические положения и выводы, которые истинны. Ложные выводы, естественно, ведут в тупик. А истинность теории, как известно, проверяется в практической деятельности. Практика, таким образом, есть и критерий истинности и критерий эффективности теорий, всей теоретической деятельности...»¹⁷.

Здесь хотелось бы заметить, что, если бессмысленно говорить об эффективности применительно к ложной политической теории, то построенная на лжи политическая пропаганда порой добивается значительных успехов. На этой основе как раз и строится манипулирование общественным сознанием, в том числе и политическим – явление, которое не только коснулось, но уже буйно расцветает и в нашем украинском обществе и которое, к великому сожалению, крайне слабо изучено обществоведами. Между тем, автору этих строк известны случаи, когда некоторые исследователи пытаются политическое мифотворчество и подобные ему построения, не имеющие никакого отношения к подлинной науке, выдавать чуть ли не за благо, которое якобы должно служить прогрессу политического сознания.

IV-ю группу показателей, свидетельствующих о поступательном развитии политического сознания, составляют *показатели, характеризующие формирование политической идеологии*. Речь идёт прежде всего о повышении степени активности граждан в реализации государственной политики, направленной на поступательное развитие общества, его экономики, социальной и духовной сфер, политики партий, представляющих силы прогресса и др.

Существующие в том или ином обществе властные структуры, политические институты и партии, выступая в качестве элементов материальной компоненты политической культуры, с одной стороны, обуславливают тип последней, а с другой стороны, служат факторами, детерминирующими её развитие. Они, в частности, могут играть роль фактора развития политической культуры, способствуя повышению уровня её. Однако при этом следует иметь в виду, что названная функция присуща не всякой власти и не всякой партии. Для того, чтобы эта функция реализовалась, как властные структуры, так и та или иная из партий, претендующая на то, чтобы быть субъектом власти, должны с необходимостью отвечать одному из важнейших требований – отражать и защищать интересы тех классов, социальных слоёв и групп, чьи коренные потребности совпадают с потребностями поступательного развития данного общества.

В самом деле. Ведь вряд ли у кого из обществоведов, заинтересованных в достижении истины, возникнут сомнения в том, что власть либо какая-либо из провластных партий, отражающие интересы консервативных кланов и групп, поддерживаемые ими, будут объективно заинтересованы в повышении политической культуры трудящихся масс. Скорее наоборот: в их интересах будет держать эти массы в неведении, скрывая характер политического процесса, который происходит в обществе либо представляя его в искажённом, закамуфлированном виде и, таким образом, манипулируя общественным сознанием. Власть же, партии, действительно отражающие интересы социальных групп и слоёв, чьи потребности совпадают с потребностями поступательного развития общества, будут объективно заинтересованы в том, чтобы раскрыть этим слоям истинную картину политической жизни страны, вооружить их видением социальной перспективы, указать формы, методы, пути и средства новаторского решения возникающих в обществе политических проблем.

Заметив это, попробуем выяснить характер политической культуры современной Украины, трансформирующейся в условиях провозглашённой независимости, а также возможности государственной власти и партий выполнять указанную функцию, способствуя оптимизации развития политического процесса, а с ней и повышению уровня политической культуры, прогрессу политического сознания общества.

РАЗДЕЛ VI. СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА И ДЕТЕРМИНАНТЫ ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Дифференциационные процессы, которые характеризуют сегодняшнее состояние развитие мирового сообщества, рост национального самосознания сопровождаются глобализацией, проникающей во все сферы общественной жизни. Политическая сфера в этом отношении не является исключением. Отсюда следует, что осмыслить состояние политической культуры современного украинского общества, обнаружить тенденции её развития можно лишь в контексте с глобальным политическим процессом.

1. Политическая культура украинского общества в контексте мирового политического процесса

Механизм невидимых часов Истории бесстрастно двигает их волшебные стрелки, оставляя позади дни, месяцы, года и столетия. Сколько их накопилось в бездонной кладовой отшумевшего прошлого? Об этом ведаёт лишь его величество Время, которое ведёт за собой сменяющие друг друга на Земле поколение людей.

Время спешит, торопится. Стараясь образно представить его ускоряющийся бег за 600 тысяч лет существования человека, швейцарский инженер и философ Г. Эйхельберг использовал довольно красноречивое сравнение.

Пусть история человечества – это марафонский забег на дистанцию 60 километров. Большая часть этой дистанции проходит через глухую темную чашу и только на 58-59-ом километре мы встречаем вместе с примитивными орудиями труда рисунки пещерных людей как первые признаки культуры, на последнем километре появляется замедление. За 200 метров до финиша дорога становится покрытой каменными плитами, на обочинах – древнейшие укрепления. За 100 метров встречаются средневековые города. За 50 метров начинается эпоха Возрождения. Те 10 метров, которые остались, наш воображаемый бегун преодолевает в основном при факелах, и лишь на последних пяти метрах электрический свет начинает заливать дорогу, слышится шум машин, которые появляются вокруг человека и на земле, и в воздухе.¹

Далеко, ох как далеко ушло человечество за 60 тысяч лет своего существования, своей истории. Много изменилось и в бытии современных поколений, и в их сознании по сравнению с их предшественниками. Но неизменными остаются вопросы, которыми задаётся каждое вступающее в жизнь поколение: зачем оно пришло в этот мир? Куда ведут тропы истории? Какую из них следует избрать? И в поиске ответов на эти вопросы поколение непременно оглядывается назад, пытаясь окинуть взглядом путь, пройденный его предшественниками. Ведь, стоя на их плечах, можно

увидеть многое. И при этом всегда есть чему изумиться. А как же! Так и должно быть. Поскольку сошедшие со сцены поколения не сидели сложа руки, прогресс, как говорится, налицо.

С каждым новым столетием ускоряются темпы общественного развития, меняется характер жизнедеятельности мирового сообщества, в том числе и характер его политической жизни, политический процесс. Взять, к примеру, те изменения, которые произошли в мире за 50 лет после создания ООН. В документе, представленном Ассамблее миллениума в 2000 году генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном, говорится: «Мы знаем, как глубоко изменилось положение... Мировой экспорт с 1950 года вырос десятикратно, даже с учётом инфляции, причём рост его опережал рост мирового ВВП. Иностранные капиталовложения росли ещё быстрее; продажи мультинациональных фирм всё более обгоняли рост мирового экспорта, а сделки между филиалами одной корпорации представляют быстро расширяющийся сегмент мировой торговли. Поток обмена валют взлетел до полутора триллионов долларов США в день по сравнению с 15 миллиардами в 1993 году, когда рухнул режим фиксированного курса валют. Недавнее объединение транснациональных кампаний создало фирму, чья рыночная стоимость превосходит ВВП почти половины членов ООН хотя по стоимости она занимает среди других кампаний лишь четвёртое место в мире. Сегодня делегаты генеральной ассамблеи (Главы государств и правительств) могут пересекать Атлантику меньше чем за четыре часа, а если захотят, могут заниматься государственными делами по телефону или через Интернет хоть весь день. Это мир глобализации – новый контекст для экономических агентов и деятельности и новая связь между ними во всём мире»². Глобализация, добавим от себя, новый контекст не только для экополитических агентов, но и для политических актёров.

Перемены в самом деле разительные. Прямо дух захватывает. И имеются они не только у человечества в целом, но и в каждом отдельно взятом обществе, в том числе и нашем украинском. О них сообщает официальная статистика, о них охотно говорят руководители государства. Такова особенность человеческого сознания. Мы привыкли, свысока, небрежно окинув взглядом прошлое и слегка критически оценив настоящее, день сегодняшний, устремлять его в будущее, которое, как правило, связывается с новыми, невиданными ранее благами, большей комфортностью во всех основных сферах жизни. В результате общественное развитие, исторический процесс, и его политическая составляющая в том числе, в нашем сознании нередко предстают в виде некоего движения то ли человечества в целом, то ли отдельных народов по прямой линии, соединяющей прошлое, настоящее и будущее к тому же устремлённой вверх. Даже диалектики-ортодоксы, убеждённые в том, что общественное развитие совершается по спирали с неизменными возвратами к прошлому, откатами назад, всё же концентрируют внимание на восхождении от низшего уровня к высшему, отдавая таким образом дань устоявшейся традиции линейности. О витках диалектической спирали, конечно, также не забывают, но они, как

правило пребывают если не на задворках сознания исследователя, то и не в центре его.

Восхождение, поступательность в общественном развитии безусловно имеет место. Они проявляются прежде всего в росте производительных сил, достижений науки – главных структурообразующих элементов, формирующих культуру как основание для последующего развития общества. Однако наряду с этим у общества складывается и определённый механизм сдерживания, механизм торможения, элементы, так сказать, детали которого формируются в тех самых разоминутных кругах спирали общественного развития. Именно там пребывает основная часть живущего в настоящем прошлого.

К примеру, практически во всех типах общества, независимо от того, каков уровень их развития, к какой бы общественно-экономической формации они не принадлежали, сохраняются, хотя и в различной мере, элементы натурального хозяйства, сложившиеся, как известно, ещё в условиях первобытно-общинного строя. Похоронившая последний частная собственность сохраняется не только в рамках сменившего «первобытный коммунизм» рабства, но и при феодальном строе, и в условиях капитализма. Возможность покончить с её безраздельным господством, формирования иных, альтернативных ей форм собственности на $\frac{1}{6}$ части суши была утоплена в начале в словесном поносе теоретиков «перестройки», убеждавших доверчивые массы, что частная собственность есть просто часть собственности, часть общего большого пирога, которая достанется каждому при его разделе, а затем смыта мутными потоками приватизации, обрушившейся на граждан совсем юных государств, возникших на территории бывшего СССР после его развала.

Между тем, всё обстоит далеко не так просто, как это представляли внемлющим массам «соловьи» из хора Горбачёва и Яковлева, на поверку оказавшиеся черными воронами. За понятием «частная собственность», которым жонглировали они, скрывалась не обыкновенная, простая часть собственности, а собственность на орудия и средства производства, владелец которой имеет возможность нанимать рабочую силу и присваивать себе создаваемую наёмными работниками прибавочную стоимость, то есть эксплуатирова последних.

Ни чем иным, как ослаблением альтернативных форм собственности, общественных, прежде всего социалистической, и усилением позиций частной собственности можно объяснить те, прямо скажем, разительные перемены, которые происходили в экономической сфере в мире в последние десятилетия ставшего историей XX века. К исходу его, как констатируют исследователи, доля мирового дохода, получаемая беднейшими слоями населения, сократилась до 1,4%. Соотношение же уровней доходов богатых и бедных увеличилось с 13:1 в 1960 году до 60:1 к концу минувшего столетия. Пятая часть населения земного шара использовала 85% планетарных благ и ресурсов, в то время, как 1,3 млрд. человек жили в условиях абсолютной нищеты. Более 120 млн. человек в мире были безработными, около 700 млн.

лишь частично занятыми, 1 млрд. – неграмотными. Почти каждый третий житель Земли всё ещё не пользовался электричеством. Около 1,5 миллиарда людей не имели доступа к безопасным источникам питьевой воды, 2 млрд. прозябали в антисанитарных условиях, 840 млн., в том числе 200 млн. детей голодали или страдали от недоедания. В бедных странах ежегодно умирали 14 млн. детей от неизлечимых болезней и 500 тысяч женщин от родов. 43% населения Африки к югу от Сахары страдали от хронического недоедания. Число политических эмигрантов и жертв межэтнических конфликтов увеличилась с 8 млн. человек в конце 70-х годов до 23 млн. к середине 90-х годов конца прошлого столетия. Свыше 26 млн. человек являлись временными переселенцами и число их продолжало расти.³

Резко усиливается в последнее десятилетие поляриность между богатством и бедностью, сказочной роскошью и ужасающей нищетой очень напоминает ту, которая имела место разве что в условиях далёкого от нас периода рабства. Эта отличительная черта, характеризующая экономическую сферу жизнедеятельности мирового сообщества, обуславливает и специфику развития политической сферы, особенности как политического процесса, так и его конкретного результата, то есть политической культуры. В характеристике её всё зримее проступают черты, отличавшие в своё время политическую культуру мирового сообщества эпохи далёкого рабства.

Важнейшей из этих черт является крайне высокий процент граждан, не имеющих своего отечества. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что большинство современных справочных изданий склонны отождествлять понятия «родина» и «отечество», «любовь к отечеству» и «любовь к родине».⁴ Однако, думается, что это не совсем правильно, поскольку *родина* – это страна, в которой человек родился, провёл значительную часть своей жизни, в которой проживает его народ, отличающийся особенностями культуры, духовных ценностей, языка, быта, нравов и обычаев, страна, с которой он ощущает прочную эмоциональную связь, даже находясь от неё вдали. *Отечество* же, помимо родины, охватывает ещё и государственный строй со сложившейся системой государственной власти. Иначе говоря, понятие «отечество» шире понятия «родина». У каждого человека есть родина, которую он, будучи нормальным человеком, а не идиотом, не может не любить. Эта любовь, которая обозначается понятием «патриотизм», имманентно присуща людям. Ведь известно, что даже совершивший предательство, по той или иной причине покинувший свою родину тоскует по ней и эта тоска, обозначаемая понятием «ностальгия» сродни тяжёлой болезни. Что же касается отечества, то здесь дело обстоит иначе.

Существующий государственный строй, сформированный политическими субъектами, чьи интересы совпадают с потребностями определённых классов, наций и других социальных групп, способствуя удовлетворению этих потребностей, тем самым обуславливает формирование для них и отечества. Видимо, не случайно в «Толковом словаре живого Великорусского языка» В.И. Даля понятие «отечество» означает «состояние отца, бытность отцом, родительство»⁵, то есть предполагает, кроме участия в

рождении, появлении на свет ребёнка, определённую заботу о нём. Если же этого нет, то и об отечестве, следовательно, нечего говорить также, оно попросту отсутствует. А коль так, то и о любви к нему говорить не стоит. При этом отсутствие её не означает одновременно и отсутствие любви к родине, то есть патриотизма. Человек может оставаться патриотом и при условии, что он не имеет отечества. Только при этом его отношений к существующей системе государственного устройства, системе государственной власти, его политическое сознание, политический настрой будут негативными. Данное обстоятельство находит своё проявление в протестных действиях по отношению к указанным системам в классовых обществах прежде всего со стороны трудящихся масс, где более всего людей с низким уровнем благосостояния, а то и пребывающих в нищете, обездоленных.

Что же касается характера политической деятельности субъектов, входящих в систему государственной власти этих обществ, то он, как и в период рабства, формируется под влиянием двух основных факторов: 1) потребности защитить существующий государственный строй; 2) потребности масс, которые выражаются словами, донесёнными до нас ветрами истории – «хлеба и зрелища».

Поскольку защита существующего государственного строя в том или ином классовом обществе означает одновременно и защиту субъектов политической деятельности, пребывающих в системе государственной власти, а также выдвинувших их туда классов собственников, владеющих средствами производства, основным богатством общества, то они решают эту задачу, используя любые средства, вплоть до силового, военного подавления политического протеста масс. Примерами этого служат многочисленные факты жестокого подавления революционных выступлений трудящихся во Франции, Германии, Венгрии, расправы с участниками национально-освободительных движений в Северной Ирландии, Индии, странах Африки и т.д.

Что же касается «хлеба и зрелища», то сложности, которые возникают у властных структур в удовлетворении потребностей в хлебе, продуктах питания, они сегодня активно пытаются подменить избытком всякого рода зрелищ. Не случайно отличительной чертой государственной политики в области культуры в подавляющем большинстве классовых обществ является поддержка «массовой культуры», которая отличается такими специфическими признаками, как примитивность характеристики отношений между людьми, низведение политических, социально-классовых конфликтов к сюжетно занимательным столкновениям «хороших» и «плохих» людей, чья цель – достижение личного счастья любой ценой: развлекательность, забавность, сентиментальность комиксов, ходовых книжно-журнальных публикаций, коммерческого кино с натуралистическим смакованием насилия и секса; ориентированность на подсознание, инстинкты – жажда обладания, чувство собственности, национальные и расовые предрассудки, культ успеха, культ сильной личности и вместе с тем культ посредственности, условность,

примитивная символика⁶. Через бурно развивающуюся систему массовой коммуникации «массовая культура» охватывает большинство населения, способствуя интеграции индивида в социальные и политические институты индустриального общества, превращению в конформиста, «одновременного человека».

В том же ключе развивается и государственная политика классовых обществ в области физической культуры и спорта. Следствием этого является культивирование грубой физической силы, процветающее практически во всех странах мира, в том числе и наиболее развитых, относящих себя к информационной цивилизации. Физическая культура, призванная служить гармоничному развитию человека, вытесняется спортивными клубами и секциями, нацеленными прежде всего на непомерное развитие мышечной массы, отдельных физических способностей человека. В такие грубые виды спорта, как бокс, борьба, тяжёлая атлетика, футбол, требующие огромного напряжения физических сил и нередко связанные с высоким травматизмом, а то и угрозой жизни, которые сравнительно недавно считались сугубо мужскими, всё больше вовлекаются представительницы женского пола. Состязания по этим видам спорта у мужчин по своей жестокости нередко, очень напоминают бои гладиаторов. Когда же доводится видеть перекошенные злобой лица представительниц прекрасного пола, участвующих в боксёрских или борцовских схватках, соревнованиях по поднятию тяжестей, невольно возникают вопросы: в каком веке мы живём? не возвращается ли часом человечество к рабовладельческой формации?

К этому, к слову, подталкивает получившая широкое распространение во многих странах торговля людьми. Правда, сегодняшние мерзавцы, которые занимаются этим леденящим душу каждого нормального человека ремеслом, и обликом своим, и одеждой, и приёмами отличаются от работоторговцев далекого прошлого. Но ведь сущность их от этого не меняется. Недалеко уходят от них и предприниматели, которые норовят нанять работников без соблюдения существующего трудового законодательства, а значит – без гарантии прав наёмных работников.

Немало черт, сходных с периодом рабовладения, можно обнаружить и в современной межгосударственной политике. В самом деле. Разве Соединенные Штаты Америки, считающие себя образцом, вершиной достижений демократии, с их претензией на мировое господство не напоминает рабовладельческую Римскую империю? Напоминают. И даже очень. Конечно, давно канули в лету римские легионы, чья «железная» поступь некогда наводила ужас на покоряемые ими страны и народы. Отошли в прошлое кажущиеся теперь архаичными боевые топоры и мечи с копьями. Но на смену им пришли громады авианосцев, несущих на себе армады современных самолётов и вертолётот, оснащённых ракетами и другой смертоносной военной техникой, готовые по команде из Белого дома немедленно обрушить на головы проявивших непокорность свой страшный груз, включая ядерный. Свидетельством тому является безжалостный

расстрел американской военщиной маленькой Сербии, вторжение США в Афганистан и Ирак, открытые угрозы в адрес Ирана и Сирии.

Разрабатывая после печально известных террористических актов 11 сентября свою внешнеполитическую доктрину, правительство США по сути старается создать концепцию нового политического устройства мира, в котором ведущая, руководящая роль будет принадлежать его стране. Президент Буш старается дистанцировать США от международных организаций, в которых они традиционно участвовали, включая НАТО и ООН, считая при этом, что международное сообщество не должно влиять на внешнюю политику страны. Основной упор делается на усиление военной мощи, которая и сегодня уже превосходит все страны Западной Европы вместе взятые, что даёт возможность американцам вести военные действия практически в одиночку, независимо от наличия союзников.

Для характеристики мирового политического процесса недостаточно увидеть особенности, которые присущи противоречивому политическому бытию: необходимо выявить и специфику политического сознания мирового сообщества. Сразу же заметим, что оно не менее противоречиво, нежели мировое политическое бытие. Это находит своё проявление в причудливом переплетении в политическом сознании теоретических положений, обосновывающих закономерный характер развития государства, государственной системы, системы власти, демократизации её, с одной стороны, а с другой – постулатов и догм, провозглашающих государство творением потусторонних сил, превозносящих право сильного, в том числе и тогда, когда он попирает ту же демократию, обосновывающих политическое равенство всех граждан и действия государственной власти, попирающей это равенство и т.д.

Есть в современном политическом сознании немало элементов, которые с полным правом могут быть отнесены к пережиткам прошлого. До поры до времени они, так сказать, «ведут себя смирно». Однако это не означает, что они совсем не влияют на политический процесс. Влияют. И не только на настоящее его, но и на будущее. А при определённых, благоприятных для них обстоятельствах это негативное влияние может возрасть.

Занятая большинством государств мира политика нейтралитета к активно пропагандируемой кино и телевидением безудержной жажде денег, стремлению добывать их немедленно и любым путём, культу грубой силы, насилия, которые до предела насыщены программы практически всех телевизионных каналов, с многочисленными драками, боями, а то и настоящими сражениями враждующих мафиозных групп с применением самого современного оружия, сопровождаемые реками льющейся крови и фантастической живучестью героев-суперменов, взламывают оказавшиеся до обидного хрупкими веками возводимые человечеством нормы морали, соблюдение которых делает нас людьми.

Вековые запреты – не убий, не укради, не прелюбодействуй и иже с ними, — доносимые к нам из прошлого «Библией», великой книгой

всемирной истории, подменяются иными понятиями. В связи с этим венгерский учёный Д. Томаш в своей работе приводит довольно характерный разговор со студенткой:

«- Что вы хотите, профессор? Мораль кончена, мы должны глядеть в лицо реальной жизни.

-... Но что есть реальная жизнь, моя дорогая?

- Разве вы не знаете? Я полагаю, деньги, власть и секс.»⁷

Вот так. И, как это ни печально, следует признать, что подобного мнения придерживаются многие ровесники венгерской студентки в других странах. Оно проникает и в сознание следующих за ними поколений, что несомненно скажется на формировании вначале мысленных моделей будущего, которые будут нести в себе самые негативные черты, присущие прошлым общественно-экономическим формациям, а затем — и самой социальной реальности будущего, в том числе и политической.

Вряд ли о таком будущем мечтают ныне живущие поколения людей и каждый из их представителей, если конечно, он пребывает в здравом уме. Приходя в этот мир, нормальный человек стремится к достижению состояния высшей удовлетворённости своим существованием, исполнению своего самого заветного, что как раз и обозначается понятием «счастье». И счастье народа, как и составляющих его людей, не может строиться на несчастье других. Все империи, возникавшие и расширявшие свои территории в результате захватнических войн, в конце концов рушились, обрекая на страдания страны и народы, некогда демонстрировавшие свою мощь и казавшиеся несокрушимыми. Свидетельством тому служат судьбы императорского Рима, наполеоновской Франции, гитлеровской Германии, претендовавших на мировое господство.

Это следовало бы помнить руководителям тех государств, которые пытаются силой оружия держать в повиновении не желающие им покоряться народы. Не следует забывать той истины, что важнейшим условием обретения счастья того или иного народа служит наличие такой формы, такого способа общественно-политического устройства, системы государственной власти, которые создают равные правовые возможности для свободы и самореализации всех народов, социальных групп общества и каждого человека в отдельности, то есть то, что и составляет сущность демократии.

Счастье американского народа, который по праву гордится достижением демократии внутри своей страны, во многом зависит от демократизации межгосударственных отношений США. Дипломатия канонеров, а вернее — аваносцев, действия с позиции силы, несомненно, будет вызывать соответствующие противодействия. Так было всегда, начиная с восстаний доведённых до отчаяния рабов глубокой древности. Так происходит и сегодня, свидетельством чему является столько лет непрекращающаяся борьба народа Северной Ирландии за независимость, события в Иране и Афганистане, куда столь решительно вломились США, рассчитывая единым махом решить сложный клубок проблем. Так, наверняка

будет и в будущем. Причем всё возрастающая социальная мобильность, возможность быстрого перемещения людей, наличие расширяющейся сети атомных станций, складов взрывчатых веществ, высотных сооружений и другого рода объектов на территории самой могущественной в мире державы, постоянно совершенствующееся оружие с его колоссальной разрушительной мощью в будущем будут делать США всё более уязвимыми, а достижение мира, благополучия и счастья – всё более иллюзорным.

Как показывает практика, силовые методы вряд ли приведут и к желанному для российского руководства решению чеченской проблемы, что, естественно, будет препятствовать достижению счастья в будущем народом северного соседа Украины. Требуются иные методы, базирующиеся на той же демократии.

Исходя из сказанного сам собой напрашивается вывод о том, куда с необходимостью должен быть повёрнут вектор мировой политики сегодня. Он должен быть нацелен, во-первых, на то, чтобы избежать ядерной катастрофы, которую приближает продолжающаяся безудержная гонка вооружения, прежде всего ядерного, а во-вторых, (что не менее важно!) на значительное сокращение обездоленных в этом мире. Человеческое же терпение ведь не вечно. Где гарантия того, что, потеряв всякую надежду на обретение счастья, переполненные гневом современные рабы, доведённые до отчаяния, забудут о Боге, так и не услышавшем их молитву и, вооружившись не мечами, а самым грозным оружием (за деньги ведь сегодня всё можно достать!) станут исступленно крушить всё и вся, в дребезги разнося наш такой прекрасный и такой безобразный мир. Вот тогда-то конец истории, о котором в последнее время говорят и спорят учёные, а также рядящиеся в их тоги предсказатели и пророки, наверняка может наступить. Не допустить этого – долг всех здравомыслящих политиков, в том числе и наших украинских.

Эффективность их мышления и действий в значительной мере зависит от понимания состояния политической культуры.

Как справедливо замечает В.С. Лисовый, разговор о политической культуре украинцев можно вести в двух не совсем тождественных контекстах. «Первый, — пишет он, — основывается на допущении о протяжённости, континуальности того культурно-мировоззренческого процесса, который сотворил из некоего разнообразия некоторую культурную гомогенность, которая обозначается словом «нация». То есть речь идёт об определённой идентичности той культурной общности, которую мы называем украинцами в историческом контексте. И именно в этом историческом контексте можно ставить вопрос о становлении определённой политической культуры. При таком подходе речь идёт...о наличии определённых наследований и определении меры разрушения или рассеяния процесса наследования тогда, когда такое рассеяние имело место...

Кроме оценивания политической культуры как наследства важно выяснить состояние политической культуры украинцев: какие политические

идеалы они стремятся реализовать сегодня, какие способы политического поведения демонстрируют, какие политические учреждения строят».⁷

Указанные контексты безусловно следовало бы учитывать при выявлении политической культуры украинской нации как титульной. Однако в данном случае нас будет интересовать третьей, также не менее важный аспект – выявление особенностей политической культуры многонационального народа Украины – фактора, от которого в значительной мере зависит развитие политического процесса, политической жизни переживающего трансформацию общества, а также и других составляющих системы жизнедеятельности молодого социального организма.

Нельзя не согласиться с исследователями, считающими, что масштаб социальных преобразований, которые в последние десятилетие происходят в украинском обществе, «можно сравнить с нарушением своеобразных тектонических плит, поддерживающих всё сооружение общества: меняются структуры экономических отношений, формируются новые субъекты собственности и политической деятельности, трансформируются базовые ценности обустройства жизни и мотивации поведения, меняется уклад жизни и мышления, устоявшиеся традиции».⁸ Всё это не могло не сказаться на состоянии политической культуры общества. Говоря об особенностях её, представляется правомерным выделить следующие.

В качестве *первой особенности* политической культуры украинского общества, пребывающего на стадии трансформации следует, на наш взгляд, считать то, что она носит *фрагментарный, эклектический характер*. В материальной компоненте политической культуры это находит своё проявление в безудержном росте политических партий и движений, до предела дифференцированном парламенте, неустоявшейся структуре институтов государственной власти и скорострельной смене правительств, которые, демонстрируя свою неспособность выработать эффективную программу выхода из затянувшегося кризиса, мелькают метеоритами на политическом небосклоне Украины, практически не оставляя о себе сколько-нибудь заметного следа. В духовной же компоненте указанная особенность выражается в сложном переплетении элементов далёкого и недавнего прошлого, в идеологической полифонии, наличии почти полного спектра существующих в мире политических взглядов и оценок, исключая, разве что, монархических.

Второй особенностью политической культуры украинского общества является *отсутствие чётко выраженной направленности политического развития*. Большинство из наших сограждан не могут ответить на вопрос, какие же государственное устройство, государственная власть нужны и должны быть построены в Украине. Это касается не только рядовых рабочих и крестьян, но и представителей интеллигенции, нашей элиты. Более того этот вопрос порой без всякого смущения задают себе, находясь на самых высоких трибунах, весьма ответственные лица, которым, показалось бы, самим Богом велено ведать, куда они ведут свой народ, какой цели стремятся достигнуть.

Третьей особенностью политической культуры украинского общества является *противоречивость, раздвоенность политической идеологии*. Эта черта находит своё проявление в юридическом провозглашении Украины независимым, демократическим, социальным, правовым государством и осознанием фактической её зависимости, прежде всего в области экономической от ведущих государств мира, Европы, России, многочисленных фактах попрания демократии, отсутствия важнейших социальных гарантий, правового беспредела, которые встречаются на каждом шагу. Она проявляется и в падении рейтинга различного уровня властных структур, руководителей всех, даже самых высоких рангов, чьи распоряжения и публичные обещания нередко так и остаются невыполненными.

Четвёртой особенностью нашей политической культуры является *лоскутность и разновекторность идеологий* государственного строительства ведущих социальных слоёв и групп украинского общества. Как всем хорошо известно, разнятся и при том существенно оценки нашего государственного устройства современными процветающими собственниками заводов и фабрик, строительных организаций и транспорта, торговых фирм и учебных заведений, нередко приобретённых не совсем честным путем за деньги, хоть и «отмытые» как-то, но всё же сомнительной чистоты, и рядовых тружеников, высокооплачиваемых работников отдельных отраслей экономики (металлургия, морской транспорт, финансовые, банковские и страховые организации и др.) и живущих на мизерную зарплату учителей и медиков. Различается идеология государственного строительства у различных национальных групп, религиозных конфессий и направлений. Ведь не секрет, скажем, что верующие, а особенно увеличившееся многократно за последние годы духовенство тех же УПЦ Московского и Киевского патриархатов хотели бы получить от государства особые привилегии, претендуют на особую роль в обществе. И эти их претензии вряд ли разделяют евангельские христиане, баптисты или свидетели Иеговы, мусульмане, представители других конфессий.

Пятой особенностью, отличающей нашу политическую культуру является *возрастание социального пессимизма*, обусловленное несовпадением политических обещаний, которые давались представителями политических партий и движений накануне референдума и провозглашения независимости Украины, в ходе выборов Президента, парламентских выборов, и реальной социальной действительностью. Эта черта находит своё проявление в растущем неверии наших сограждан в возможность каких-либо ощутимых перемен в жизни общества, собственной беспомощности и безысходности, снижении политической активности, прежде всего у наиболее мобильной части общества – лиц среднего возраста и молодёжи.

Шестой особенностью политической культуры украинского общества на нынешнем этапе его развития является также *отсутствие чётко определённых приоритетов* как внешней политики, так и внутренней.

Заявляя на словах о нашем северном соседе как стратегическом партнере, руководство страны никак не может наладить надёжного стратегического партнёрства на деле. Стремясь к полноправному партнёрству с европейскими государствами, мы, в силу прежде всего экономической слабости, вынуждены нередко пребывать в положении бедных родственников, глотая обидные пилюли, которые преподносят нам высокомерные и сильные партнёры. Надеюсь на немедленное пополнение бюджета, органы государственного управления нередко «режут» непосильными налогами предприятия, которые ещё как-то держатся на плаву.

Отсутствие научно обоснованной концепции (не говоря уж о теории!) приватизации препятствует поиску оптимальной взаимосвязи между государственным и частным секторами экономики. Это, в свою очередь, сдерживает формирование идеологии государственного строительства, которая бы воспринималась если не всем украинским населением, то, по крайней мере социальными группами, объективно заинтересованными в поступательном развитии общества.

Седьмой особенностью политической культуры украинского общества является всё более укрепляющийся в политическое сознание *синдром чуда*, ослабляющий политическую волю, стремление что-либо изменить в политическом устройстве, политической власти к лучшему. Эта черта находит своё проявление в традиционной для нашего народа праздной мечтательности, необоснованной надежде на перемены в жизни, ожидании мессии, который вот-вот должен снизойти на нашу землю и решить все политические проблемы. Следует иметь в виду и то, что этот синдром активно стимулируется церковью, которая получила широкий доступ к средствам массовой информации, в культурно-просветительные и учебные заведения и, усилив своё воздействие на политическое сознание людей, практически не встречает противовеса со стороны науки, в том числе и политической.

Восьмой особенностью, характеризующей политическую культуру современного украинского общества, является *высокая степень потенциальной конфликтности*, распространяющаяся в том числе и на политическую культуру.

С точки зрения Г.Г. Почепцова, в современном украинском обществе существует семь форм потенциальной конфликтности:

1. Экономический потенциал (возрастание расслоения на богатых и бедных);
2. Этнический потенциал (крымско-татарское население в Крыму, русское население в Украине не могут получить необходимого уровня распространения родного языка);
3. Политический потенциал (ни парламент, ни политические партии не могут осуществлять свои выборные «драки» в корректной форме, парализуя этим свою деятельность);
4. Региональный потенциал (регионы требуют большей самостоятельности, которой не может предоставить им центральная власть);

5. Демократический потенциал (ветви власти в Украине не могут достигнуть взаимопонимания, прибегая время от времени к конфронтационной стратегии);

6. Трансформационный потенциал (общество переходного периода живёт в двух системах – отказавшись от старой, оно ещё не построило новой в связи с чем, из-за отсутствия позитивных результатов на сегодня, оно начинает ностальгически всматриваться в прошлое);

7. Возрастной потенциал (молодёжь полностью отказывается от моделей поведения «отцов»).

При этом следует заметить, что автором названы лишь основные формы потенциальной конфликтности. На деле же их было гораздо больше даже тогда, когда их анализировал автор, работая над проблемой, то есть в середине 90-х годов минувшего столетия. Сейчас же их количество не только не сократилось, а наоборот возросло. Скажем, политический потенциал конфликтности в последние годы усилился, во-первых, за счёт дальнейшей дифференциации политических партий и движений как формирующих систему государственного устройства, государственной власти, так и пребывающих к ней в оппозиции; во-вторых, за счёт возникновения связанных с этой дифференциацией новых политических лидеров, рвущихся к политической власти и усматривающих противников даже во вчерашних своих союзниках; в-третьих, за счёт искусственного противопоставления не только отдельных классов, наций, других социальных групп, но и целых регионов.

Реализуемые на практике, они не только ещё больше усиливают степень конфликтности политической культуры, препятствуя поступательному развитию политического сознания, но и ослабляют, изнуряют творческий потенциал молодого украинского общества.

Как уже отмечалось, существующие в обществе структуры государственной власти, выступая в качестве элементов, образующих систему политической культуры, обуславливают в значительной степени тип последней. Однако этим функции власти по отношению к политической культуре не исчерпываются. Она, в частности, может играть роль важного фактора развития, повышения уровня политической культуры. Но при этом следует иметь в виду, что названная функция присуща не всякой государственной власти. Для того, чтобы она реализовалась, власть, в свою очередь, должна с необходимостью отвечать одному из важнейших требований – она должна основываться на таком экономическом фундаменте, который способствует формированию отечества для тех классов, социальных слоёв и групп, которые объективно призваны служить потенциальной базой сил прогресса данного общества.

В следующем подразделе мы попытаемся выяснить соответствует ли этому требованию государственная власть в современной Украине и, если нет, то каковы детерминанты, которые смогли бы обеспечить это соответствие.

2. Отечество для народа Украины

Статья 5 Конституции Украины провозглашает: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине есть народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы местного самоуправления.

Право определять и изменять конституционный строй в Украине принадлежит исключительно народу и не может быть узурпировано государством, его органами или должностными лицами.

Никто не может узурпировать государственную власть.»¹⁰

— Мой народ! Народ Украины! — неоднократно повторяет наш Президент.

Да и среди множества политических партий, действующих в нашей стране, не найти хотя бы одной, которая бы не обращалась, опять-таки, к народу, клянясь ему в любви и верности, провозглашая заботу о народе своей важнейшей задачей.

И всё же, как это ни странно может показаться на первый взгляд, настойчиво напрашиваются вопросы: что же такое народ? какого содержания данного понятия? кто может идентифицировать себя с феноменом, обозначаемым понятием «народ»? Дело в том, что это понятие неоднозначно.

Им, во-первых, обозначаются различные формы таких этнических или этносоциальных общностей, как племя, народность, нация. Правда, при этом не всегда указанные понятия рассматриваются в качестве синонимов понятия «народ».

В частности, последнее, как замечает Э.Д. Смит, в этнических концепциях нации, широко представленных в западных моделях, несколько отличается от понятия «нация». Авторы этих концепций трактуют народ «как политическую общность, которая подчиняется одним законам и институтам. В этнической модели народ, даже тогда, когда его на самом деле и не мобилизовали для политических действий, всё-таки составляет объект националистических надежд и риторический суд последней инстанции. Предводители могут оправдать свои действия и объединить отдельные группы и классы, только ссылаясь на «волю народа», и вследствие этого этническая концепция... становится более «межклассовой» и «популистской» по тону, даже когда интеллигенция не имеет большего намерения выводить массы на политическую арену. Таким образом, в этнической концепции мобилизация народа играет важную, если не реальную, то моральную и риторическую роль».¹¹ Как видим, в данном случае понятие «народ» обозначает лишь политическую общность, нередко иллюзорную, формируемую посредством пропагандистского воздействия на сознание людей, манипулирования общественным сознанием, разрушения складывающихся в нём образов реально существующих в структуре социального организма таких элементов как классы и другие социальные группы с их объективно существующими потребностями и интересами.

Помимо употребления в узком этносоциальном смысле, понятие «народ» употребляется и в более широком смысле, когда им обозначается всё население какой-либо страны – украинский, русский, американский, польский, французский, итальянский народ.

Как первое, так и второе значение понятия «народ» характеризуют социальный организм со стороны явления, фиксируя, что в рамках его сложилась определённая социальная, политическая общность. При этом остаются в тени сущностная сторона социального организма, тот внутренний механизм, который обеспечивает его саморазвитие. Эта сторона находит своё отражение в третьем значении понятия «народ», которое обозначает социальную общность, включающую на разных этапах истории те классы, социальные слои и группы, чьи интересы совпадают с потребностями поступательного развития социального организма.

И, по логике вещей, именно они эти классы, социальные слои и группы, в первую очередь формируют собой носителя суверенитета и призваны служить источником власти общества, в том числе и украинского. С другой стороны, именно их интересы в первую очередь должна представлять и защищать государственная власть, обеспечивая таким образом формирование для них отечества.

Кто же, исходя из сказанного, имеет право идентифицировать себя с народом в этом последнем значении данного понятия? Прежде всего это промышленные и сельскохозяйственные рабочие, работники, занятые в сфере экономики, для которых заработная плата – основной, а то и единственный доход. Именно они, в первую очередь, заинтересованы в быстром обновлении и развитии материального производства нашей страны, совершенствовании производительных и иных общественных отношений, поскольку именно с такого рода переменами связан рост благосостояния их самих, членов их семей, близких. Сюда же относится готовая вступить в самостоятельную жизнь молодёжь. От развития экономики зависит размер бюджетных средств, которые государство сможет выделить на образование молодёжи, спорт, культуру, а также дополнительные рабочие места, которые потребуются для трудоустройства юношей и девушек, оканчивающих школы, вузы, профтехучилища. К ним примыкают пенсионеры, благосостояние, медицинское обслуживание которых также напрямую связано с поступательными переменами в жизни общества, дальнейшим развитием его экономики, социальной сферы. К ним тяготеют предприниматели, бизнесмены, чей бизнес основывается на производстве материальных благ, способствует росту внутреннего валового продукта (ВВП), те, кто стремится жить честным трудом, соблюдая законы государства.

Очевидно, что указанные социальные группы составляют подавляющее большинство сограждан Украины, образуя таким образом социальную общность, обозначаемую понятием «народ». Теперь попробуем выяснить, действительно ли эти социальные группы, а следовательно и народ служат источником государственной власти. Сознвая, что данная задача далеко не

простая, мы возьмём на себя смелость утверждать, что она всё же разрешима, поскольку существуют объективные показатели, критерии, наличие которых поможет нам установить либо наличие данного обстоятельства, обязательность которого декларируется той же статьёй 5 Основного закона нашего государства, либо его отсутствие. Такими критериями, как нам представляется, могут служить, во-первых, наличие пропорционального представительства вышеназванных социальных групп в соответствующих структурах как законодательной, так и исполнительной власти, а во-вторых, такая работа этих структур, которая получала бы одобрение тех же социальных групп, свидетельствуя тем самым о том, что у них есть не только Родина, но и отечество.

Что касается первого критерия, то факты красноречиво свидетельствуют о том, что он практически отсутствует. Ведь как в Верховной Раде, так и в правительстве Украины отсутствуют и промышленные, и сельскохозяйственные рабочие, нет там пропорционального представительства и других социальных групп, формирующих наш народ. Та же картина наблюдается на областном, городском и районном уровнях. Думается, что именно поэтому в последние годы у нас не принято анализировать качественный состав депутатов, лишая таким образом народ Украины возможности контролировать соблюдение 5 статьи Конституции.

Возможно, теперь, когда выборы в Верховную Раду и местные советы будут проводиться по партийным спискам положение дел как-то изменится и представители народа, то есть социальные группы и слои, образующие большинство наших сограждан, будут лучше представлены в органах государственной власти? Однако изучение положения дел говорит о том, что надеяться на это оснований нет.

В самом деле. По данным социологических исследований политической культуры граждан Украины, которые провела группа отечественных исследователей в конце 2004 года, лишь 17,5% опрошенных интересовались политикой, считали необходимым её понимать и анализировать. Среди взрослого населения этот показатель был ещё ниже – 16,2%, среди молодёжи – 20,4%. Лишь 20,4% респондентов были склонны включаться в работу тех или иных политических объединений, общественных или молодёжных организаций, в том числе взрослых – 19,1% и молодёжи 23,3%. В то же время подавляющее большинство опрошенных – 76,9% либо не желали участвовать в этой работе, либо сомневались в необходимости этого, в том числе у взрослых респондентов этот процент был значительно выше и составил 80,9%, а у молодёжи – 76,7%.¹²

Аналогичное положение, свидетельствующее о низкой политической активности и организованности большинства наших сограждан, а следовательно и большинства народа, наблюдается и в регионах. К примеру, на начало избирательной кампании по выборам народных депутатов, депутатов местных советов в 2005 году только 7% электората Запорожской области имели партийную принадлежность, а с ней и какую-то возможность быть выдвинутыми кандидатами в депутаты того или иного уровня.

Теперь обратимся ко второму критерию. Как свидетельствуют данные тех же социологических исследований, только 19,6% респондентов считают, что обычному человеку (то есть абсолютному большинству нашего народа) можно надеяться на помощь со стороны представителей власти в решении каких-либо проблем. Среди взрослых так считали лишь 17,8%, а среди молодёжи – 23,7%. В то же время 70,4% опрошенных в своих ответах заявили о том, что обычному человеку либо не стоит надеяться на помощь со стороны представителей власти в решении каких-либо проблем, либо сомневались в этом. Среди взрослых этот показатель составил 82,2%, а среди молодёжи – 76,3%. ^{3/4} опрошенных считают, что все, кто приходит во власть, заботятся лишь о том, чтобы набить собственные карманы. Такое мнение высказали 85,1% взрослых и 79,7% молодёжи.¹³ Такие негативные оценки государственной власти дают основание сделать вывод о том, что большинство народа Украины сегодня не имеют своего отечества. Думается, что причиной этого служит практически безраздельное господство частной собственности, всё более набирающей силу после развала СССР и провозглашения независимости Украины. Как это ни печально, но неоспоримым фактом является то, что начало нового тысячелетия наша молодая страна встретила невиданным ростом безработицы, которая к 2003 году с учетом скрытой безработицы достигла 40%. Миллионы наших сограждан скитаются по миру в поисках хоть какого-нибудь заработка. 80% населения страны (опять-таки большинство народа!) проживало за чертой бедности.¹⁴

Конечно, не все могут разделить сделанный нами вывод относительно отечества для украинского народа. В соответствии с данными социологических исследований конца 2004 года, на которые мы уже ссылались, 19,6% опрошенных всё же выразили несогласие с тем, что обычному человеку в нашей стране не следует надеяться на помощь со стороны представителей власти в решении каких-либо проблем. Среди взрослого населения этот процент, правда, составил 17,8%, а среди молодёжи 23,7%. 16,3% респондентов не согласились с тем, что все, кто приходит к власти, заботятся о том, чтобы набить собственные карманы, в том числе 14,5% взрослых и 20,3% молодёжи.¹⁵ Эти респонденты представляют тех из наших сограждан, которым государственная власть наверняка создана комфортные условия, которые чувствуют себя благополучно, достаточно обеспечены, а посему испытывают благодарность к власти. Они имеют не только Родину, но и отечество.

Они, так сказать, «стопроцентные патриоты», поскольку объективно готовы защищать не только родину, но и существующий государственный строй, своё отечество. Такого рода «стопроцентные патриоты» и примерно в таком же малом количестве есть сегодня и в других странах, которые образовались на территории бывших Советского Союза после его развала. Естественно, есть там и сограждане этих стран, так сказать, с «урезанным патриотизмом». Родина у них есть и они её готовы защищать, а вот что

касается отечества, то здесь та же проблема: как защищать то, чего у людей нет?

Думая над этой, прямо скажем, сложнейшей проблемой, обществоведы предлагают различные варианты её решения. Свои варианты, в частности, предлагает В.В. Полюгаев доктор исторических наук из Тамбовского университета нашего северо-восточного соседа – России, который в своей статье пишет:

«Таким образом, альтернатива проста. Вариант первый: по-прежнему, идти на поводу у «электората» — части общества, с низкой конкурентоспособностью, не способной самостоятельно удовлетворять свои потребности, ориентированной жить на подачки государства, которое взамен требует лояльности по схеме советского патриотизма. Прежние методы приведут к прежним результатам: равенству в нищете под лозунгом социальной справедливости, унижительной зависимости от чиновников — и очередной возможности убедиться, какова цена вынужденной лояльности. Второй вариант: переориентироваться на людей успешных, обладающих высокой социальной конкурентоспособностью. Их меньшинство, но именно они развивают науку, культуру, экономику, потребляют современные товары, услуги, создают новые рабочие места. Они определяют уровень цивилизованности общества. Таких граждан не нужно учить патриотизму, это «естественные патриоты» государственной системы, которая помогает, или хотя бы не мешает, самореализоваться, чувствовать себя людьми, жить как люди. В других странах ориентация на активную часть населения дала результаты — в виде «экономического чуда», «благополучия для всех»...»¹⁶

Читая эти строки, невольно вспоминается народная мудрость: «Сытый голодному не товарищ». Выходит, автор цитируемой статьи предлагает, чтобы государство молилось на сытых, тех, кому удалось схватить за хвост птицу счастья, восторгаясь их «естественным патриотизмом»? Их в современной Украине менее 20%. А как же быть с остальными 80%, то есть подавляющим большинством нашего народа? Ведь государство призвано выражать интересы всего общества, значит и их. Где гарантия того, что, почувствовав невмешательство государства к своей набирающей силу активности, расковавшись, «естественные патриоты» не попытаются превратить своих сограждан с «урезанным патриотизмом» в зависимых от них крепостных или тех же рабов? Тем более, что и в законодательной, и в исполнительной, и в судебных ветвях власти те 80%, если и представлены, то лишь символически. К примеру, среди народных депутатов, избранных в парламент Украины в 2002 году не было ни одного рядового рабочего, учащегося либо студента и лишь 2 пенсионера.¹⁷ Осталось сделать совсем немного, чтобы «естественные патриоты» могли с полным основанием сказать: «Государство — это мы». Но ведь это уже было в истории человечества, которое осознало необходимость искать новые, более прогрессивные формы государственного устройства, встав на путь демократии.

Говоря о западной демократии в советский период нашей истории, обществоведы, как правило, связывали её с капитализмом, с частной собственностью. И это была правда. Частная собственность, безусловно, занимает главствующие позиции во всех развитых странах Запада. Однако, кроме неё, для экономики их характерно наличие солидной доли государственной, коммунальной, коллективной форм собственности. Обеспечение оптимального сочетания их, гармонизации их посредством разумно проводимой экономической политики пребывающего в развитии государства как раз и послужило важнейшим фактором, способствовавшим «экономическому чуду» в тех странах, на которые ссылается В.В. Полюгаев. Именно это способствовало тому, что их сограждане, не являющиеся владельцами частной собственности, из классов, социальных слоёв и групп, чьи интересы совпадают с потребностями поступательного развития общества, то есть большинство народа, обретают и отечество, становясь не меньшими патриотами, нежели те же «естественные патриоты» из числа собственников на орудия и средства производства.

Возникает вопрос: возможно ли повторение этого в условиях переживающей трансформацию Украины? Думается, да. Но для этого необходимы новаторские шаги в развитии сложившегося у нас государственного устройства, государственной власти. Начинать же их, как нам представляется, следует с оптимизации развития политического сознания общества. Завершая наше исследование, мы и попробуем обозначить основные детерминанты, которые могут обусловить решение этой задачи.

3. Детерминанты оптимизации развития политического сознания украинского общества

Ранее нам уже доводилось затрагивать эту проблему.¹⁸ Однако публикации, связанные с ней, как правило, касались отдельных аспектов, что обуславливало фрагментарность изложения некоторых важных вопросов. Эти недостатки автор попытается устранить, по мере сил и возможности, в настоящей работе.

Думается, читателю хорошо знакома расхожая фраза, которую не раз повторяли политики: «Ввяжемся в драку, а там посмотрим». При этом на кого только не ссылаются: тут тебе и император Франции Наполеон, и вождь большевиков В.И. Ленин, которые так говорили, и так, якобы, поступали. Не будем спорить относительно того говорили или нет так великие люди. Фраза и в самом деле хороша и смысл в ней заложен глубокий. Ведь нельзя научиться плавать, не входя в воду, нельзя добиться победы в военном сражении, не принимая в той или иной форме участия в нём, нельзя что-либо построить, создать, не включаясь в процесс строительства, созидание. Однако, прежде чем человек добивается чего-то, получает какой-то желанный результат своей деятельности, он моделирует, проектирует их в своём сознании, ставит перед собой конкретную цель реализации,

материализации своей мысленной модели, определяет пути и средства достижения поставленной цели. По крайней мере, так должен поступить всякий здравомыслящий человек, а тем более великие политические деятели уровня Наполеона и Ленина.

Данное обстоятельство, между прочим, вынуждены были признавать их политические противники. Говоря, к примеру, о причинах победы большевиков, возглавляемых В.И. Лениным, «епископ армии и флота» Вениамин, член совета министров в последнем из белых правительств барона Врангеля, писал: «Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе) могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, которые каким-то чудом всё разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главных причин всего белого движения – в его безыдейности! В нашей бездумности».¹⁹

Знакомясь с таким откровенным признанием, невольно задаёшься вопросом: а каково идейное обеспечение построения независимого украинского государства? И, если быть честными, по крайней мере, перед самими собой, то нужно признать, что оно у нас, мягко говоря, тоже крайне бедно. Ведь, кроме признания, провозглашения необходимости существования свободной, независимой Украины, безусловно привлекательных самих по себе призывов бороться за осуществление этой цели, не щадя здоровья, сил и даже самой жизни, по настоящему серьезных, глубоких, научно обоснованных проработок того, а как это делать, что делать с независимостью в случае её завоевания, куда и какими путями идти, у нас то как раз и нет. Вот и получается, что сегодня наши политики, как те, которые пребывают у власти, так и их оппоненты, ставят перед собой и обществом одну за другой цели (нередко самые что ни на есть красивые и благородные!), совершенно не представляя, как их достигнуть и что из этого получится, но тут же берясь за дело, то есть «ввязываясь в драку».

Таким своим поведением наши политические субъекты становятся больше похожими не на великих людей, а на незадачливого цыгана из народной притчи, которому очень нужны были деньги. Помните? Нанял хозяин его выковать борону и спрашивает:

— Сможешь?

— Спрашиваешь! – отвечает цыган – Каждый из нас от рождения кузнец.

— Ну что ж. Давай.

Ударили по рукам и взялся цыган за дело, о котором никакого представления не имел. Мучился, мучился бедолага, но всё же вынужден был признаться:

— Не будет тебе, хозяин, бороны. Железо твоё никудышное.

— Вот тебе на! — почесал затылок мужик — Значит, ничего нельзя сделать?

— Та чего там нельзя! — хитрит цыган, не желая упустить свой заработок — Давай я тебе, Иван, топор сделаю.

— Делай! — соглашается мужик. Попроще бороны, конечно, топор. Но и его нужно уметь делать! А этого умения, как оказывается, у цыгана тоже нет.

— И где ты такое паскудное железо взял, Иван?! — сопит цыган — От связался я с тобой на свою бедную голову! В таборе жинка, дети голодные ждут. Дел у меня по самые кучери, а тут — мучайся.

— Так брось уже и иди себе.

— А гроши? — гнёт своё цыган.

— Но ты ж ничего не сделал, — разводит руками мужик.

— Зато потел как! — бросается в последнюю атаку цыган. — Давай я тебе шило зроблю.

— Давай! — махнул рукой мужик, поняв, что ему от горе-работника не отцепиться.

Вновь потеет цыган. Греет металл, стучит молотом по наковальне, но...

— А бодай тебе пусто, хозяин! — злится бедолага, вытирая ручьями текущий пот, но тут его новая «идея» осеняет. — Слухай, а може я тебе сделаю пшик?

— Че-е-е-го?! — изумляется хозяин.

— О-о-о! — загадочно подводит глаза под лоб цыган. — То такая штука! Только гроши наперед давай. Бо сколько ж я за бесплатно работать могу?

Делать нечего. Отдал Иван деньги цыгану. Тот — за дело. Раскалил измученный металл до красна. Подхватил щипцами и в бочку с водой сунул.

— Пшик! — послышалось из бочки.

— От бачишь! — победно глянул на мужика цыган. — Я ж говорил тебе, шо каждый из нас от рождения кузнец.

— Та говорил...

— Теперь и ты так сумеешь, Иван. Будь здоров.

Такая вот история. Смешная? Да. Но больше грустная, поскольку она очень уж напоминает то, что происходит в нашем украинском обществе. Один за другим меняются премьер-министры, министры, главы областных администраций, а с ними и «команды» их, порой даже не успев прочувствовать, как действует этот самый руль державного корабля, как работает механизм управления. У каждого своё видение проблем, свои подходы к их решению, а в результате наша «экономическая кузница» выдаёт один «пшик» за другим, во всю разбалтывая рывками работающий социальный организм. Расплачиваться за это приходится народу. Он пока платит. Но когда-то же и спросить может.

Пятнадцать лет тому назад волею того же, тогда ещё 52 миллионного народа была провозглашена независимость Украины. Ежегодно, отмечая этот день, руководство страны рапортует о сделанном. Называются, конечно, и проблемы. Но замалчивается главная — действительно ли Украина обрела

независимость? Каково главное направление её развития? Каков наш социально-политический идеал, к которому мы должны стремиться?

Даже беглая социальная реконгносцировка указывает на то, что провозгласив юридически независимость страны, мы ещё очень далеки от достижения фактической её независимости. Речь идёт прежде всего о зависимости украинской экономики от энергоресурсов, поставляемых в основном из России. В этом отношении характерно признание Л.Д. Кучмы в конце его пребывания на посту Президента. «Получив независимость, — отмечал он, — Украина с радостью обнаружила, что владеет достаточно значительной частью промышленного потенциала бывшего СССР. Но радость была недолгой. Все значительные народнохозяйственные объекты, которые были возведены волей Госплана на украинской земле, оказались как один энергоёмкими, чтобы не сказать энергопожирающими: металлургические комбинаты и заводы, машиностроительные и нефтехимические предприятия, судостроительные верфи, весь военно-промышленный комплекс. Энергоёмкими были порты, магистральные трубопроводы, электрифицированные железные дороги, система водоснабжения в Крым. Не привыкли ограничивать себя в энергоснабжении города и посёлки, и даже сельская местность. А между тем, некоторую часть энергии (особенно после черновыльської катастрофи) и основную часть энергоносителей Украина получала из РСФСР. После распада Советского Союза цены на энергоносители сразу пошли вверх, и экономика Украины забуксовала. «Искусственная» энергия ещё не изобретена, в связи с чем общий объём производства в нашей стране упал за эти годы более, чем наполовину. Я удивляюсь тому, что он не упал намного ниже».²⁰

А он по ряду важных показателей он таки упал намного ниже. За десять лет, начиная с 1991года, производство стали в стране сократилось вдвое, металлорежущих же станков — в 26 раз, экскаваторов — в 55 раз, тракторов — в 20 раз, бумаги — в четыре, холодильников в 2,2 раза, стиральных машин — в 6,5 раза, радиоприёмных устройств — в 28, хлопчатобумажных тканей — в 21, тканей из шерсти — 1,5, обуви — почти в 20, легковых автомобилей — в 6 раз.²¹

Вряд ли можно считать, что Украина в дальнейшем смогла обеспечить себе независимость как во внешней, так и во внутренней политике, поскольку руководству страны, принимая то или иное серьёзное политическое решение, постоянно приходится лавировать между США, Европейским союзом и Россией. Да и в военном отношении о какой-либо независимости не приходится говорить. А разве нам удалось обрести духовную независимость? Меры, которые предпринимаются соответственными государственными структурами с целью внедрения в жизнь украинского языка, поддержки украинской литературы и культуры в целом, нередко строятся преимущественно на поиске путей ограничения проникновения в страну книг на русском языке, вещания российского телевидения и радио, российских кинофильмов. При этом инициаторы такого рода мер забывают, что запретный плод всегда сладок. Что же касается по-настоящему действенных мер, которые могли бы стимулировать

дальнейшее развитие украинской культуры, в том числе и в её языковой части, литературе и искусстве, телевидении и радио, непосредственно влияющих на духовную сферу, её независимость или, по крайней мере, меньшую зависимость от воздействия внешних факторов, то разработка и реализация их сдерживается, опять-таки, причинами экономического характера, отсутствием необходимых средств.

Сказанное выше позволяет нам серьезно усомниться в правомерности вывода В.В. Медведчука о том, что «сейчас Украина действительно стала свободным и независимым государством».²² Для того, чтобы это произошло, наша страна должна пройти путь от де-юре до де-факто – путь, безусловно, чрезвычайно трудный и долгий, преодолевая сложные проблемы во всех областях общественной жизни – экономической, политической, социальной и духовной.

Нельзя сказать, что нашими отечественными обществоведами совсем не ведётся теоретическая прокладка этого пути. Среди авторов, которые взялись за решение этой многотрудной задачи, кроме уже упомянутого В.В. Медведчука, хотелось бы назвать В.Г. Кременя, Д.В. Табачника, В.М. Ткаченко, А.В. Кудина, и др.²³ Однако говорить о наличии развёрнутой теории государственного строительства в Украине пока не приходится.

В самом деле. Ведь по-прежнему отсутствует чётко сформулированная украинская идея – форма мысленного постижения сегодняшней объективной реальности, которая определяла бы направление движения нашего общества и привлекательный социально-политический идеал – такая система государственного устройства и государственной власти, к установлению которой во-первых, будут устремлены помыслы, чувства и деяния наших сограждан сегодня, и которые, во-вторых, после установления обеспечат формирование отечества для народа Украины в будущем.

Что касается направления движения украинского общества, то поиск его нередко подменяется стремлением определить, с кем идти, вернее к какому партнёру прислониться – то ли к Странам Европейского содружества, то ли к России. Такая патерналистская постановка проблемы ставит под угрозу дальнейшее развитие идеи независимости Украины, ограничивает формирование оптимистической перспективы развития социального организма в качестве независимого. Возможность же формировать такую перспективу может дать признание в качестве необходимого и единственно возможного направления движения общества *от де-юре к её де-факто, от юридического провозглашения её к фактическому обеспечению независимости.*

Речь не идёт о том, что когда-либо в будущем Украина станет, так сказать, на все сто процентов независимой. Это нонсенс, поскольку в мире всё взаимосвязано. Однако вектор движения общества должен быть постоянно нацелен на независимость, указывая стратегическое направление его развития. Это, как свидетельствуют данные ранее упомянутых социологических исследований, отвечает интересам большинства нашего народа. Ведь 74,8% опрошенных высказались за то, что Украина должна

быть независимой и только 15,6% заявили о своём несогласии с ними. Среди молодых респондентов эти показатели составили соответственно 79,8% и 13,1%.

Что же касается социально-политического идеала, то поиск его теоретиками политических партий и движений, которые растут как грибы после дождя, либо концентрируется на стремлении возродить, реанимировать прошлое, отдалённое от настоящего в большей или меньшей степени, либо совсем выносится за пределы процесса исторического развития Украины, идеал, так сказать, ищется где-то на стороне. Можно с уверенностью сказать, что оба эти пути являются и малопривлекательными и бесперспективными.

Перспективным, как нам представляется, может быть научный поиск, который опирается на глубокий объективный анализ исторического развития украинского общества, который, учитывая прошлый опыт, исходит из нынешнего положения страны и нацелен на достижение лучшего будущего. Говоря иными словами, *поиск привлекательного общественно-политического идеала Украины следует вести на путях её социального прогресса*, под которым мы понимаем всестороннее и гармоничное развитие общества, его экономики и культуры, подъём материального благосостояния народа и расцвет его духовной жизни, возрастание степени свободы личности каждого гражданина в развитии своих социально значимых, то есть ценных и нужных обществу способностей.

Следующим шагом на пути к оптимизации развития общественного сознания и одной из его важнейших детерминант является *разработка развёрнутой теории поступательного развития украинского общества*. Поскольку это развитие нашего общества совпадает с движением его от юридически провозглашенной независимости Украины к фактической, выступающей, таким образом, генеральной, стратегической целью, то теория поступательного развития украинского общества, его прогресса должна предстать в виде системы достоверных, глубоких и конкретных знаний о формах, способах, приёмах, методах и средствах достижения указанной цели, то есть фактической независимости, опирающихся на закономерности, которым подчиняется в своём функционировании и развитии само это общество.

Исходя из сказанного, прежде чем приступать к обоснованию форм, способов, приёмов, методов и средств достижения поставленной цели, необходимо *выявить закономерности функционирования и развития нашего общества*.

К сожалению, увлёкшись законотворчеством, которое, прямо скажем, поставлено на поток в нашем парламенте, пакетами, пачками штампующем один за другим законы, законодатели мало обращают внимание на закономерности функционирования и развития общества. А зря, поскольку любой закон в юридическом значении этого понятия лишь тогда будет эффективно работать, когда он будет соответствовать существенным, устойчивым, повторяющимся, внутренним, объективным и необходимым связям, которые сложились в социальном организме, то есть не зависящем

от сознания и воли людей законам и их конкретным проявлениям в определённых условиях, то есть закономерностям. Давно известно, что социальная практика, многовековой опыт человеческой деятельности уже выработал оптимальный путь формирования эффективных законов, принимаемых людьми. На него указывал ещё К.Маркс, подчеркивая: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон».²⁴

Обычаи и традиции в качестве устойчивых, повторяющихся форм, способов, приёмов, методов деятельности, которые обрели несанкционированную нормативность, ещё не получив логического обоснования (как обычай), либо уже получив его (как традиция), служат своеобразными социальными тестерами. Они сигнализируют действующему субъекту о том, что объективные законы и закономерности, которым подчиняется в своём функционировании и развитии социальный организм, не нарушаются, а значит те формы, способы, приёмы, методы, которые лежат в их основе, следует использовать и в дальнейшем, санкционируя в качестве положительного закона, указа, приказа и т.д. В то же время опыт свидетельствует и о другом: чаще всего принимаемые законодателем законы «не срабатывают», «дают сбои», когда они рождаются в кабинетной тиши, в сессионных залах, не пройдя апробацию в практической деятельности через обычай и традицию.

Хотим мы того или нет, но функционирование и развитие современного украинского общества подчинено, во-первых, действию всех трёх всеобщих законов, законов диалектики – законов единства и борьбы противоположностей, формирующих противоречия как источник всякого развития, в том числе, как мы это ранее показали, и политического процесса; взаимного перехода количественных и качественных изменений, на котором основывается внутренний механизм перехода к новому качеству во всех сферах жизни нашего общества – экономической, политической, социальной и духовной; отрицание отрицания, обуславливающего объективную связь различных этапов истории нашего общества и историческую преемственность в развитии.

Функционирование и развитие украинского общества, во-вторых, подчинено действиям общих социологических законов, которые определяют характер, общую направленность, основную тенденцию исторического развития каждого общества, отражают естественноисторическую необходимость, пробивающую себе дорогу сквозь бесконечность случайностей – огромное количество конкретных единичных явлений, событий и фактов. К числу этих, общесоциологических законов принадлежат закон неизбежной смены поколений людей, воспроизводимых обществом и осуществляющих в рамках его свою жизнедеятельность и их взаимосвязи; закон определяющей роли экономического базиса относительно надстройки; закон обусловленности общественного сознания, в том числе и политической его компоненты, общественным бытием, социальной реальностью; закон

соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил; закон опережающего роста потребностей по отношению к росту возможностей их удовлетворения и др.

Функционирование и развитие украинского общества, в-третьих, подчинено действию специфических законов, обусловленных нынешнем этапом исторического развития социального организма. Речь идёт прежде всего о законе конкуренции, который начал действовать в нашем обществе практически сразу же после провозглашения независимости Украины и начала приватизации, а также о законах, которые формируются в процессе трансформации и которые, к сожалению, практически никем ещё не отслеживаются.

Не уделяется нашими обществоведами должное внимание также изучению действия и ранее названных всеобщих и общих социологических законов, которые в условиях нашего общества проявляются не в чистом, так сказать, виде, а также специфически, то есть как закономерности.

Скажем, закон единства и борьбы противоположностей в современном украинском обществе находит своё проявление в противоречивых отношениях между классом собственников на орудия и средства производства, капиталистами и эксплуатируемыми ими наёмными работниками, что свидетельствует о пробивающей себе дорогу закономерности классовой борьбы, действующей в условиях классово-антогонического общества. Пока она ограничивается экономическими требованиями, однако нельзя исключать возможность и требований политических перемен, которые могут быть со временем выдвинуты трудящимися по мере превращения их классов из «классов в себе» в «классы для себя».

Наличие частной собственности и её практически безраздельное господство в современном украинском обществе существенно отразилось на общесоциологическом законе неизбежной смены поколений и их взаимосвязи, который уже начинает проявляться в качестве пробивающей себе дорогу закономерности конфликта поколений, ранее присущей опять-таки классово-антогоническому обществу.

Усиление господства частной собственности в украинском обществе обуславливает снижение уровня молодой, ещё не окрепшей демократии, формирование такой закономерности как усиление авторитарности политического режима в стране. Разве не сдачей позиций демократии явилось имевшее место у нас в совсем недавнем прошлом непомерное усиление полномочий Президента Украины, власти центра при безжалостном её урезании в областях? Ведь главы администраций в регионах, волюнтаристски назначаемые и снимаемые по настроению власть предержащих в столице, по сути дела превратились в послушных марионеток, способных в лучшем случае выпрашивать права для населения своих территорий. Несомненно, столица есть столица и развивать её, делать краше — наша задача общая. Но вряд ли можно считать демократичным, когда туда вкладываются огромные средства будь-то на, мягко скажем, не

очень удачную реконструкцию центральной площади, будь-то на строительство новых дворцов культуры, грандиозных вокзалов и дополнительных мостов, когда отдельным регионам центр отказывает в жизненно необходимом или выделяет какие-то крохи.

Взять, к примеру, Запорожскую область, один из главных центров развития экономического потенциала Украины. Находясь на девятом месте в стране по численности населения, регион прочно лидирует по объёму промышленного производства в расчёте на душу населения. Однако значительно уступает многим областям по развитию общественного городского транспорта, аэро – и автовокзалов, дорог и других жизненноважных объектов, средства на сооружение которых его трудящимися, казалось бы, уже давно заработаны.

Разве это не свидетельствует о нарушении такой закономерности как необходимость всестороннего и гармоничного развития общества, его экономики и культуры, ведь без безусловного соблюдения её поступательное развитие нашего социального организма, его прогресс становится просто невозможным. Эта закономерность обуславливает необходимость совершенствования структуры собственности на орудия и средства производства, развития других, кроме частной, форм, гармонизации их взаимоотношений, совершенствования форм распределения благ, приведения их в соответствие с результатами производства и реализации.

Ведь, по логике вещей, каждый регион должен отчислять в государственный бюджет одинаковый процент от заработанной его трудящимися суммы, скажем, 40 процентов, а остальную тратить так, как сочтут необходимым его органы самоуправления. Тогда, естественно, более эффективно работающие, более сильные будут лучше жить. Более слабым, в случае необходимости, государство сможет помочь за счёт сумм больших поступлений от экономически сильных, а не путём их безнаказанного обдирания. Так было бы и демократично, и справедливо.

Мы коснулись лишь некоторых объективно действующих в современном украинском обществе законов и закономерностей, нарушение которых, будь-то осознанное или бессознательное, по незнанию, одинаково чревато негативными последствиями. Помимо их, существует немало других закономерностей, которые действуют при определённых условиях и о которых также следует знать.

Скажем, мировой наукой и практикой доказано, что падение уровня производства более, чем на 30-40% ведёт к разрушению промышленного потенциала, превышение доли импортных продуктов питания 30% ведёт к стратегической зависимости жизнедеятельности страны от импорта, падение доли в экспорте продукции обрабатывающей промышленности ниже 45% ведёт к формированию колониально-сырьевой структуры экономики, доля в экспорте высокотехнологической продукции ниже 10-15% — к технологическому отставанию экономики, а доли ВВП от государственных ассигнований в науку ниже 2% — к разрушению научно-технического потенциала. Это — закономерности, которые, при соответствующих условиях

начав действовать, могут нанести вред *экономической сфере* общества, препятствовать её поступательному развитию.

Столь же опасные закономерности могут проявить себя и в других сферах:

в социальной – превышение соотношения доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных 10:1 обуславливает антагонизацию социальной структуры; превышение доли населения, живущей за чертой бедности 10% ведёт к люмпенизации населения; превышение уровня безработицы 8-10% обуславливает рост социально обездоленных категорий населения; увеличение разрыва в соотношении минимальной и средней заработной платы после показателя 1:3 ведёт к деквалификации и пауперизации рабочей силы; падение суммарного коэффициента рождаемости (среднее число детей) ниже 2,14-2,15 угрожает отсутствием простого замещения поколений; превышение доли лиц старше 65 лет в общей численности населения 7% обуславливает действие такой закономерности, как старение населения;

в духовной – падение затрат на культуру в государственных расходах ниже 2,5% обуславливает действие такой негативной закономерности, как потеря культурного наследия;

в политической – достижение доли граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы 40% открывает возможность для действия такой закономерности, как делигитимация власти, а падение уровня доверия населения к центральным органам власти – такой закономерности, как отторжение власти народом.²⁵

Лишь выявив основные законы и закономерности, которые определяют функционирование и развитие социального организма Украины, опираясь на них, можно надеяться на разработку строго научной теории поступательного развития, прогресса украинского общества, составной частью которой является теория государственного строительства. Сегодня, к сожалению, ни общей теории прогресса общества, ни теории государственного строительства у нас нет. Ведь нельзя же считать отвечающим потребностям развития нашего общества теоретические наработки, пусть даже весьма интересные, которые предлагаются отдельными партиями. Нельзя, поскольку они нередко грешат узкоклассовым, узкогрупповым подходом, гиперболизируя роль и значение того или иного класса или другой социальной группы, призывают к невозможному возврату к старым, уже отжившим социальным, политическим формам, либо пытаются продвинуть идеи, которые отторгаются практикой как неприемлемые, не воспринимаемые народными массами.

Необходима же, повторяем, строго научно выверенная, развёрнутая теория, мысленная модель поступательного движения общества, прогрессивных изменений во всех основных сферах его жизнедеятельности – экономической, политической, социальной, духовной, разработка которой, во-первых, основывалась бы на знании законов развития общества; во-вторых, - на тщательной социальной рекогносцировке, чётком определении места нашего общества в мире, учёте всех внутриобщественных реалий. Не

только теоретики, но и народ должны знать, каково внешнее окружение нашего государства, кто из соседей готов прийти ему на помощь в случае необходимости, а кто постарается воспользоваться неудачами, чтобы за счёт попавшего в беду соседа решать какие-то свои проблемы, какие социальные группы общества готовы поддержать грядущие перемены, а какие будут препятствовать этапу, кто выиграет в результате их, а кто окажется в проигрыше и т.д. Необходима, в-третьих, теория, которая бы поднималась до уровня новаторства. Одним из основных условий этого является конструктивность, умение диалектически подходить к обновлению, видеть в нём не только разрушение старых, отживших, тормозящих продвижение вперёд традиций, но и рождение нового, так сказать, созидательную сторону. Массы должны чётко знать, что конкретно, какие традиционные формы устарели, превратились в тормоз дальнейшего развития производства, экономической, политической, социальной и духовной сфер, против чего они призваны бороться, и в то же время – за что, какие новые формы при этом следует утверждать и закреплять.

К слову, это касается и ранее сложившегося подхода к независимости и её мысленной модели, которая сформировалась в традицию и в качестве таковой существует в общественном сознании. Ведь, говоря о независимости Украины, мы чаще всего акцент делаем на дифференциальные процессы – на сокращении, а то и полном устранении зависимости её от внешних факторов, от других государств, в первую очередь, от России, что якобы и должно обеспечивать наиболее благоприятные условия развития страны. Мировая же практика говорит о другом.

Она свидетельствует, в частности, о том, что страны, которые движутся в направлении международной экономической интеграции, имели в конце XX века существенный прирост эффекта, даже в расчёте на душу населения дополнительных инвестиций, а страны, которые дезинтегрируются, несут огромные потери, влияя соответственно на темпы общемирового экономического развития. Так, по данным НБУ, в конце 1998 года Украина имела самый низкий среди постсоциалистических стран показатель инвестиций – около 56 американских долларов в расчёте на душу населения (для сравнения: в конце 1997 года в Венгрии эта сумма составляла 1550 долларов, в Чехии – 840, Эстонии – 760, Польше – 220 долларов США), всего 6,2% от общего объёма инвестиций в украинскую экономику составляли вложения из стран СНГ и Балтии. Значительнее был вклад нерезидентов из других стран мира – 93,8% (697 млн.дол. США). В общем же объёмы инвестиций за тот год возросли в 1,4 раза и достигли к концу его 2,8 млрд. долларов, то есть 6,4% от ВВП. В то же время этот показатель в странах Восточной Европы с переходной экономикой был значительно выше. Так, в 1997 году объём инвестиций в Венгрии составил 36%, в Чехии – 28% от ВВП.²⁵

Исходя из этого, независимость Украины следует рассматривать не как некую изолированность её, отстранённость от других государств, а как форму самодостаточного обеспечения жизнедеятельности общества

посредством как использования внутренних ресурсов – экономического, политического, социального и духовного потенциала страны, так и путём свободного выбора партнёров для сотрудничества из числа государств мирового сообщества.

Отсутствие ясности в данном вопросе, определённости и конкретности – фактор, способствующий снижению уровня обновленческой созидательной деятельности, сводящий её к пустопорожним разговорам. Кроме того, данное обстоятельство таит в себе опасность давать рецидивы готового сокрушать всё и вся анархизма, либо донкихотства – войны с ветряными мельницами – трудной, изнуряющей, изматывающей силы, но бесполезной и бесплодной.

В работе над теорией поступательного развития Украины важно опереться как на лучшие достижения мировой политической культуры, так и на собственный опыт, поскольку бездумное перенесение чужого опыта на украинскую почву не только не приведёт к желаемому обновлению, но может принести серьезный вред, последствия которого затем долго будут сказываться.

Как известно, все прежние теории сколько-нибудь серьезных преобразований общественной жизни разрабатывались сравнительно узким кругом идеологов-теоретиков. Причиной тому был низкий образовательный уровень трудящихся, уровень их политической культуры, а также вождистские устремления политических лидеров. Сегодня положение дел изменилось: формируется как необходимость, так и возможность *привлечь к созданию научно обоснованной теории поступательного развития общества не только отдельных теоретиков, не только лучшие силы наиболее массовых партий, но и самые широкие слои трудящихся, народные массы.* Слов нет, задача эта далеко непростая. Однако решение её, явившись также важным шагом на пути оптимизации развития политического сознания, может стать фундаментом общественного согласия, которое столь необходимо нашей Украине. Ведь к поиску решения проблем, имеющих судьбоносное значение для страны, народа, таким образом будет подключен практически весь интеллектуальный потенциал всех регионов, всех социальных групп, всего общества. Кроме того, сам процесс разработки теории поступательного развития общества одновременно будет в значительной степени выполнять и агитационно-пропагандистскую функцию. Не только члены партий, но и значительная часть беспартийных, участвуя в обсуждении выдвигаемых идей и взглядов, будут иметь возможность быстрее и лучше разобраться в том, какие из них правильные и нужные. Это, в свою очередь явится важным фактором материализации теории, формирования новой идеологии обновления общественной жизни, в том числе и идеологии государственного строительства.

Оптимизация развития политического сознания, хотя и зависит в значительной степени от наличия теории поступательного развития общества и теории государственного строительства как её структурного элемента, не может быть обеспечена лишь её разработкой. Известно, что теория становится силой лишь овладевая массами, когда она превращается в

практическое сознание, то есть в идеологию. Для этого необходима *разработка комплексной системы политической учёбы масс* с использованием всех форм – учебных заведений (обязательный государственный компонент в курсах политологии и других обществоведческих дисциплин), соответствующих средств массовой информации, лекционные, агитационно-пропагандистские выступления и др.

При этом не следует забывать, что с помощью указанных средств можно решить задачу политической грамотности, но не политической сознательности масс. Последняя же, напомним, предполагает сочетание политической грамотности с умением разобраться в политической жизни, определить своё место в ней. Само же это умение может вырабатываться лишь посредством *вовлечения людей в социальное творчество*.

Важным фактором, способствующим решению этой задачи, а также и фактором повышения политического сознания, формирования обновлённой идеологии государственного строительства может и должна служить *комплексная программа обеспечения фактической независимости Украины*, каждый элемент которой служил бы своеобразным символом прогресса общества. К ним, по нашему убеждению, следует прежде всего отнести строительство Одесского нефтяного терминала, другие меры энергетической независимости страны, программы ракетостроения и космической техники, самолётостроения, развития дорожного и транспортного строительства, развития политической, социальной и духовной сфер общества, его науки и культуры. Такие программы – символы должны быть определены в каждом регионе. Осуществление их будет на практике означать, что Украина действительно движется от провозглашенной, юридически закреплённой независимости к независимости фактической, будет способствовать вовлечению наших сограждан в хозяйственную и политическую деятельность, а в конечном счёте – в создание отечества не только для богатых, избранных, а для всего народа.

Реализация этой качественно новой, архисложной задачи требует и формирования качественно нового политического субъекта. Им может и должен стать, по нашему убеждению блок партий социального прогресса²⁶, необходимость формирования которого обуславливается объективными потребностями поступательного развития нашего украинского общества, пребывающего на стадии своей трансформации.

Цитируемая литература

Раздел I. Методологический аспект исследования политического сознания

1. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М., 1998. – С.352.
2. Юридична енциклопедія. В 6 т. / Ред. кол. Ю.С. Шемшученко (голова) та ін. – К.: Укр. енцикл., 1998. – С.629.
3. См.: Новий тлумачний словник української мови. У трьох томах. Т.2. – К.: “Ахоніт”, 2001. – С.776-777.
4. Бебек В.М. Політичний маркетинг і менеджмент: Монографія. – К.: МАУП, 1996. – С.3.
5. Панарин А.С. Политология. Учебник. – М.: «Проспект», 1997. – С.3.
6. Там же, С.26.
7. Ленин В.И. План статьи «К вопросу о роли государства». Полн. собр. соч., Т.33. – С.340.
8. См.: Словник іноземних слів: 23000 слів та слововживань / Уклад. Л.О. Пустовіт та ін. – К.: Довіра, 2000. – С.750.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – С.286.
10. См.: Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – С.1044; Політичний словник. Видання третє. За ред. В.К. Врублевського, А.В. Кудрицького, В.М. Мазура, А.В. Мяловицького. – К.: Голов. ред. УРЕ, 1982. – С.450; Краткий политический словарь / Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др.: Сост. и общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. – 4-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1987. – С. 343.
11. Гаджиев К.С. Политическая философия / Отд-ие экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика», 1999. – С.198.
12. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1997. – С.19.
13. См.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С.228.
14. См.: Додонов А.Ф. Политология. Учебное пособие для вузов. – Запорожье: Просвіта, 2005. – С.4-5; См.: Brougman H. Political Philosophy. Vol. 1-2. L. 1842-1844.
15. См.: Brougman H. Political Philosophy. Vol. 1-2. L. 1842-1844.
16. См.: Catlin D. The story of Political Philosophers. N. Yand L., 1939; Rassel B. Power. L., 1985; Rassel B. Power L. 1985: Strauss What is Political Philosophy. Glancol, 1959; History of Political Philosophy. Chicago & London, 1987 и др.
17. См.: Власть: очерки современной политической философии Запада / В.В. Ишвенеерадзе, И.И. Кравченко, Е.В. Осипова и др. – М.: Наука, 1989.

18. См. указанную работу К.С. Гаджиева, С.345-370.
19. Гаджиев К.С. Политическая философия / Отд-ие экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». – М.: ОАО Изд-во «Экономика», 1999.
20. См.: Easton D. The Political System: an Inquiry into the State of Political System. N.Y.: Mc Graw – Hill, 1953. – P.14.
21. См.: Пенто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. – М.: Наука, 1972. – С.190.
22. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М., 1997. – С.12.
23. См. указ. работу А.Ф. Додонова, С.5.
24. Гаджиев К.С. Политическая философия, С.184.
25. Там же, С. 195-196.
26. См.: Воловик В.И. Философия педагогики. – Запорожье: «Просвіта», 2004. – С. 3-10.
27. См. его монографию, С.85, 86.

Раздел II. Генезис философии политического сознания

1. Себайн Джордж Г., Торнсон Томас Л. Історія політичної думки. / Переклад з англ. — К.: Основи, 1997. — с. 24.
2. См. Рябов С.Г. Політологічна теорія держави. 2-е вид. — К.: Тандем, 1996. — с. 45-46.
3. См. указ. работу, с. 29.
4. Гесиод. О происхождении богов. Теогония / О происхождении богов. — М.: Сов. Россия, 1990. — с. 195.
5. Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Часть 1. — М.: Мысль, 1969. — с. 279.
6. Там же, с. 280.
7. См.: Кассиди Ф.Х. Сократ. — М.: Мысль, 1975. — с. 10-50.
8. Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. — с. 130.
9. Аристотель. Политика. Соч.: В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — с. 378.
10. См.: Ранний буддизм / Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1. Ч. 1. — М.: Мысль, 1969. — с. 116-128.
11. Августин. О граде (или государстве) божьем. // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1. Ч.2. — М.: Мысль, 1969. — с. 602.
12. См.: Августин // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — с. 8.
13. См. указ. работу А.Ф. Додонова, с. 63.
14. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — с. 338.
15. См. об этом: Заиченко Г.А., Джон Локк. Гл. VIII. Учение об обществе и государстве. — М.: Мысль, 1988. — с. 153-175; История философии: конспект лекций. Учебное пособие / под общей ред. Воловика В.И. — Запорожье: ЗГУ, 1993. — с. 139-142.
16. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — с. 557.

17. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. — М., 1936. — с. 691.
18. См. об этом: Асмус В.Ф. Иммануил Кант. — М.: Наука, 1973. — с. 86-97, 163-176.
19. См. об этом: Овсянников М. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1972. — с. 123-200.
20. См. об этом: Политология: курс лекций. В 2 ч. Ч. 1. / Бугаенко П.Г. и др. — Запорожье: ЗГТУ, 1996. — с. 25-26.
21. Там же, с. 27-28.
22. См.: Ручка А.А., Тангер В.В. Очерки истории социалистической мысли.
23. См.: Додонов А.Ф. Политология. — Запорожье: Просвіта, 2005. — с. 67-68; Воловик В.И. Введение в философию. — Запорожье: Просвіта, 2002. — с. 53.
24. См.: Грушевский Михайло Сергійович / Філософський енциклопедичний словник. — К.: Абрис, 2002. — с. 133-134; Копиленко О.Л. «Українська ідея» М. Грушевського: історія і сучасність. — К., 1992.
25. Политология. Курс лекций. Ч. 1. / Бугаенко П.Г. и др. — Запорожье: ЗГТУ, 1995. — с. 35.
26. См.: Политическая организация советского общества. — М.: Изд-во «Наука», 1967.
27. См.: Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. — М., 1970; Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. — М., 1974.
28. См.: Бовин А.Е. В.И. Ленин о политике и политической деятельности. — М., 1971; Политика как общественное явление. — М., 1972.
29. См.: Сергеев А.В. Предвидение в политике. — М., 1974.
30. См.: Шахназаров Г.Х. Социалистическая демократия. — М., 1974.
31. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36. — с. 130.

Раздел III. Основные понятия философии политического сознания

1. Гаджиев К.С. Политическая философия / Отд-ие экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». — М.: ОАО Изд-во «Экономика», 1999. — С.198.
2. См., например: Бебек В.М. Політичний маркетинг і менеджмент: Монографія. — К.: МАУП, 1996. — С.4-7; Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. — Изд. 2-е. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — С.140-175; Горлач Н.И. Общество и политика. / Избранное. В 3 томах. Т.2. — Харьков: «Факт», 2003. — С.282-306.
3. См. указ. работу В.С. Барулина, С.140.
4. См.: Уледов А.К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). — М.: «Мысль», 1968. — С.90-99.
5. См.: Политическое сознание и его роль в перестройке и обновлении общественных отношений (Итоги повторного социологического исследования). — М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.

6. См., например: Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание: Проблемы формирования и развития. – К., 1991; Руденко Ю. Політична свідомість: визначення та актуальність дослідження в контексті розвитку вітчизняної політичної науки / Людина і політика. – 2001, №4. – С.107-114; Бухтеев Н.И. Гуманистический потенциал политических инноваций: [Политическое сознание] // Гуманістичний вісник Запоріж. держ. інж. академії. – 2001. – Вип.5. – С.75-83; Политическая культура. Политическое сознание. Политический процесс // Политический процесс. – М., 2001. – С.108-191; Поливаева Н. Тип общества и политическое сознание // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. – 2002. – №2. – С.3-28; та інш.
7. См., например: указанную работу А.С. Панарина. – С.11-41; Основы політичної науки: Курс лекцій. За ред. Б. Кухти. – Львів, 1998. – С.45-54; Общая прикладная политология. – М., 1997; Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. – М., 2000; и др.
8. См. указ. работу. – С.4.
9. См. об этом подробнее: Воловик В.И. Введение в философию. Учебное пособие. – Запорожье: Просвіта, 2002. – С.127-129.
10. Краткий политический словарь / Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др.: Сост. и общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. – 4-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1987. – С. 352.
11. Політологічний енциклопедичний словник. Відп. ред. Ю.С. Шемшученко, В.Д. Бабкін. – К., 1997. – С.267.
12. Основы політичної науки. Курс лекцій за ред. Б. Кухти. 4.3: Політична свідомість і культура / Б. Кухта, Л. Клеманська, А. Романюк та ін. – Львів: Кальварія, 1998. – С.46.
13. См.: Воловик В.И. Введение в философию. – Запорожье: Просвіта, 2002. – С.59; его же: Философия педагогики. – Запорожье: Просвіта, 2003. – С.49; Философия истории. – Запорожье: Просвіта, 2004. – С.43-44.
14. См. указ. работу А.К. Уледова. – С.92.
15. См. указ. работу. – С.46.
16. См.: Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТ “Перун”. – 2002. – С.490.
17. См. указ. работу. – С.194.
18. См.: Воловик В.И. Идеологическая деятельность: диалектика традиций и новаторства. – М., 1990; Основні фактори становлення ідеології державотворення // Віче, 2001, №12. – С.22-31; Философия педагогики. – Запорожье: Просвіта, 2003. – С.132-139; Философия истории. – Запорожье: Просвіта, 2004. – С.87-88.
19. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М., 1999. – С.348.
20. Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004, №2. – С.43.

21. Толстой А.К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. Собр. соч. в 4-х тт. Т.1. – М.: Худож. литература, 1963. – С.384-385.
22. Здесь хотелось бы назвать интересные и содержательные, на наш взгляд, работы: Шепелев М.А. Глобальный мир, Ordo Nuovo и новая политическая наука. – Днепропетровск: «Журфонд», 2002; Суліма Є.М. Глобальний соціальний порядок постіндустріалізму. – К.: Генеза, 2004.
23. См.: Воловик В.И. Философия педагогики. – Запорожье: Просвіта, 2003. – С.59-62; Философия истории. – Запорожье: Просвіта, 2004. – С.50-53.
24. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. – М., 1985. – с. 666.
25. Гете И.В. Избранные произведения. В 2-х тт. Т.2: Пер. с нем. / Сост. И. Сородуниной, Комм А. Аникста и Н. Вольмонта. Худ. А. Яковлев. – М.: Правда, 1985. – С. 146-147.
26. См.: Политическая организация советского общества. – М.: Наука, 1967.
27. См.: Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О. Народ и власть: Науч.-попул. очерк полит. системы социализма. – М.: Политиздат, 1986.
28. См. указ. работу.
29. См.: Себайн Джордж Г., Торсон Томас Л. Історія політичної думки. – К.: Основи, 1997.
30. См.: Штраус Лео. Введение в политическую философию. – Пер. с англ. М. Фетисова. – М.: Логос, Праксис, 2000.
31. Горлач Н.И. Общество и политика. Избранное. В 3-х тт. Т.2. – Харьков: «Факт», 2003. – С. 234.
32. См.: Краснокутський О.В. Соціально-філософський аналіз феномена влади. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук. – Запоріжжя, 2004. – С. 51.
33. См., например, указ. работу А.Ф. Додонова, С. 102.
34. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностранных словарей, 1963. – с.747.
35. См.: Додонов А.Ф. Политология. – Запорожье: Просвіта, 2005. – С.102-105.
36. См. указ. работу Н.И. Горлача, С. 239-240.

Раздел IV. Политический процесс и его специфика

1. См.: Боханов А.Н. Николай II. – М.: Мол. гвардия. – ЖЗЛ; Русское слово, 1997. – 477 [3] с ил. / Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 738.
2. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа // Под ред. Мелешкиной Е.Ю. – М.: Издательский дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь мир», 2001. – С. 5.
3. Там же. С. 7-8.
4. См.: Наука о политике. Учебник для вузов под редакцией Артура Бондаря. – К., 1991.

5. См.: Бебик В.М. Політичний маркетинг і менеджмент. Монографія. – К., 1966.
6. См. его указ. работы «Введение в политическую науку» и «Политическая философия».
7. См. указ. работу Н.И. Горлача, с. 334.
8. См.: Філософський словник (за ред. В.І. Шинкарука), 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Гол. ред. УРЕ, 1986. – с. 552.
9. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Мелешкиной Е.Ю. – М.: Издательский дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь мир», 2001. – С. 8.
10. Україна 2000: далі: геополітичні пріоритети та сценарії розвитку. – К.: НІСД, 1999. – С. 31.
11. См., например, ранее упомянутую работу “Україна 2000 і далі: геополітичні пріоритети та сценарії розвитку”, монографію О.Н. Уткіна “Соціально-політична стабільність у регіоні: етнополітичні та міжконфесійні чинники” – К.: НІСД, 1998. – 132 с и др.
12. См.: Українське суспільство 1994-2004. Моніторинг соціальних змін / за ред. д.е.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2004. – 705 с.
13. См. указ. работу. – С. 9-12.
14. См.: Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. – М., 2000. – с. 292.
15. См., например: Шутов А.Ю. Политический процесс. – М., 1994.
16. См.: Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии. – М., 1983. – с. 23.
17. См.: Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верхов. Ради України 28 червня 1996 р. – К.: Україна, 1996. – с. 21.
18. См. об этом указ. работу А.Ф. Додонова. – С. 146-147.
19. См. об этом: Воловик В.И. Введение в философию. – Запорожье: «Просвіта», 2002. – с. 125.
20. Крон А.А. Бессонница. Роман. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 334-335.
21. Очкурова О.Ю., Щербак Г.В., Ивлева Т.В. 50 гениев, которые изменили мир. – Харьков: ФОЛИО, 2005. – С. 293, 297.
22. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. – с. 416.
23. См.: Хрущев Н.С. Время. Люди. (Воспоминания в 4-х кн.) Книга вторая. – М.: Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999. – С. 7-207.
24. См.: Авторханов А. Технология власти. – М.: СП «Слово» – Центр «Новый мир», 1991.
25. См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х частях. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989.
26. См.: Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. В 2-х книгах. Книга первая. – М.: «Вагриус», 2000. – С. 5-22, 115-153.

27. Никаноров В., Бабурин А. Рожденный в муках социализм. Часть I. – Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 2004. – с. 114.
28. Цит. по: Карпов В.В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Книга вторая. О войне после войны. Мужают не только в бою. – М.: Вече, 2003. – с. 290.
29. Платон. Государство. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 254-295.
30. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – с. 332.
31. Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С. 6-7.
32. См.: Симонов К. Глазами человека моего поколения (Размышления об И.В. Сталине) // Знамя, 1988. – № 3, 4, 5.
33. Ленин В.И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Полн. собр. соч. Т. 39. – С. 75.
34. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. – с. 422.
35. См., например, Алексеева Т.А. Джон Роулс и его теория справедливости / Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 26-37; Бутченко Т.І. Еволюція договірної концепції походження держави: соціально-філософський аналіз. Дис. на здобуття наук. ступ. к-та філософ. наук. – Запоріжжя, 2004; Гонтмахер Е. Общественный договор как основа оптимальной социальной модели // Общество и экономика. – 1999. – № 10-11. – С. 33-37; Ролз Дж. Теорія справедливості: Пер. з англ.. – К.: Вид-во Соломії Павличко “Основи”, 2001; Климов И.А. Анархия как общественное устройство в доктрине М.А. Бакунина / Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 108-112; Вендт А. Анархия – это то, что делают из нее государства; социальное конструирование политики с позиции силы / Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 5. – С. 265-276 и др.
36. Бутченко Т.І. Еволюція договірної концепції походження держави: соціально-філософський аналіз. Дис. на здобуття наук. ступ. к-та філософ. наук. – Запоріжжя, 2004. – С. 67.
37. См. указ. работу А.А. Зиновьева, с. 430-433.
38. Винниченко В.К. Заповіт борцям за визволення. – К., 1991. – С. 13.
39. Там же, с. 14.
40. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М., 1999. – с. 170.
41. О вкладе воинов-украинцев в борьбу с немецко-фашистскими и японскими захватчиками см.: Муковський І.Т., Лисенко О.Є. Звитяга і жертвність: Українці на фронтах другої світової війни // За ред. В.Д. Конашевича. – К.: Пошуково-вид. агентство “Книга Пам’яті України”, 1996.
42. См. указ. работу, с. 171.
43. Майский Н.М. Как сон пройдут дела и помыслы людей... // Русская поэзия XIX века. – М.: «Художественная литература», 1974. – с. 598.

44. См.: Філософський енциклопедичний словник. – Київ: Абрис, 2002. – с. 182.
45. Там же, с. 183.
46. Ленин В.И. Доклад о задачах власти Советов. Газетный отчет. Полн. собр. соч. Т. 35. – с. 2.
47. Там же.
48. Ленин В.И. Письмо к съезду. Полн. собр. соч. Т. 45. – с. 347.
49. Тичина П.Г. Твори. – Київ: “Молодь”, 1976. – с. 36-37.
50. См.: Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. – Изд-ие 2-е. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
51. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М.: “Экономика”, 1999. – с. 353-354.
52. Дугин А.Г. Философия Политики. – М.: Арктогея, 2004. – с. 388-389.
53. Маркс К. К критике политической экономики / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. – с. 7.
54. Ленин В.И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч., т. 26. – с. 218.
55. Лісовий В. Націоналізм / Філософський енциклопедичний словник. – Київ: Абрис, 2002. – с. 412.

Раздел V. Политическая культура

1. См.: Гаджиев К.С. Политическая наука: Учебное пособие. – М.: «Международные отношения», 1995. – с. 334.
2. См.: Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1997. – с. 227.
3. См.: Матусевич Володимир. Політична культура: Теоретико-методологічні проблеми дослідження // Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 1998, №4-5. – с. 6; Додонов А.Ф. Политология. Учебное пособие для вузов. – Запорожье: Просвіта, 2005. – с. 285.
4. См.: Рудкевич О. Феномен політичної культури // Віче, 1997, жовтень, №10 (67). – с. 90.
5. См.: Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. Полн. собр. соч. Т. 41. – с. 404.
6. См.: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Мелешкиной Е.Ю. – М.: Издательский Дом “ИНФРА-М”, Изд-во “Весь мир”, 2001. – с. 108-109.
7. Там же, с. 109.
8. См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис, 1992. №4. – с. 122-134.
9. См. указ. работу, с. 110.
10. Далтон Р.Дж. Сравнительная политология: Микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – с. 332, 334.
11. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963. P. 13.
12. См. указ. работу, с. 111.

13. См., например, Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1987. – с. 344; Бебик В.М. Основы теоретичної та практичної політології. – К.: МАУП, 1994. – с. 66; Политология. Учебное пособие. / Под общ. ред. д.ф.н. Клементьева Д.С. – литология. Учебник. – М.: Проспект, 1997. – с. 224; Щербенко Е. Політична культура в громадянському суспільстві / Вісник Національної Академії Наук України, 1998. № 11. – с. 65 и др.
14. См.: Воловик В.И. Преемственность поколений. – М.: «Знание», 1973; Идеологическая деятельность: диалектика традиций и новаторства. – М., 1990. – с. 6-27; Философия педагогики. – Запорожье: “Просвіта”, 2003. – с. 83-87; Философия истории. – Запорожье: “Просвіта”, 2004. – с. 94-100 и др.
15. Скворець В.О. Взаємодія громадянського суспільства і держави як закономірність розвитку соціального організму / Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник нижньої Наддніпрянщини. Вип. 12. – Запоріжжя, 2004. – с. 110.
16. См.: Воловик В.И. Введение в философию. – Запорожье: “Просвіта”, 2002, – с. 125.
17. Яковлев А.И. Эффективность идеологической работы. – М.: Политиздат, 1984. – с. 118.

Раздел VI. Состояние политической культуры современного украинского общества и детерминанты оптимизации развития политического сознания

1. См. об этом: Николов Н.Г. Долгий путь жизни. – М.: «Мир», 1986. – с. 163.
2. Цит. по Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии, 2004. – № 3. – с. 8-9.
3. См.: Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток, 1997. – № 2. – с. 37-39; Наше глобальное соседство. Доклад комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. – М., 1996. – с. 43-48, 148-153.
4. См., например: Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – с. 484; Философский словарь. – М.: Политиздат, 1981. – с. 277; Український словник-енциклопедія. – К.: Вид-во “Ірина”, 1999. – с. 273; Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002. – с. 471.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. II. – С.Петербург – Москва, 1881. – с. 724.
6. См. об этом: «Массовая культура» – иллюзии и действительность. – М., 1975; Гладычев В.Л. Массовая культура // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – с. 348-349; Любимий Я.В. Сучасна масова свідомість: динаміка і тенденції розвитку. – К., 1993; Масова культура // Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002. – с. 365.

7. Лісовий В.С. Поняття політичної культури. Політична культура українців // Феномен української культури: методологічні засади осмислення. Збірка наукових праць. – К.: Фенікс, 1996. – с. 246-247.
8. Василевський О.Л., Ішмуратов А.Т. Політичний конфлікт у сучасній Україні: культурні виміри, структура, принципи аналізу: Монографія. – К.: НІСД, 1997. – с. 5.
9. Почепцов Г.Г. Національна безпека країн перехідного періода: Навч. посіб. – Донецьк: ІЗМН, 1996. – с. 45.
10. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верхов. Ради України 28 черв. 1996 р. – К.: Україна, 1996. – с. 4.
11. Сміт Е. Національна ідентичність. Перекл. з англ. – К.: “Основи”, 1994. – с. 21.
12. См.: Жадан І., Кисельов С., Кисельова О., Рябов С. Політична культура та проблеми громадянської освіти в Україні. Аналітичний звіт. – Київ: ТанDEM, 2004. – с. 69-70.
13. Там же, с. 73-74.
14. См.: Дробноход Н. Государственный лабиринт для украинского народа. Найдем ли выход? // Зеркало недели. № 16 (441), 2003, 26 апреля. – с. 20.
15. См. указ. работу, с. 73-74.
16. Помогаев В.В. История Зои Космодемьянской в ретроспективе патриотического воспитания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 1 (37), 2005. – с. 40.
17. См.: Вибори до Верховної Ради України 2002. Інформаційно-аналітичне видання Центральної Виборчої Комісії. – Київ, 2002.
18. См.: Воловик В.І. Політична культура і влада // Людина і влада. – 2000. №11-12 (24). – с. 12-15; Основні фактори становлення ідеології державотворення / Віче, 2001, № 12. – с. 22-31; Партій багато, партії соціального прогресу немає / Віче, 2003; Філософія педагогіки. – Запоріжжя: “Просвіта”, 2004. – с. 121-128; Філософія історії. – Запоріжжя: “Просвіта”, 2004. – с. 120-129.
19. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1994.
20. Кучма Л. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003 (на укр. яз.). – с. 157-158.
21. См. указ. статью Дробнохода. – с. 20.
22. Медведчук В. Україна: актуальні питання розвитку суспільства, держави і права. – К.: Інтерпрес ЛТД, 1999. – с. 140.
23. См.: Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М. Україна: альтернативи поступу (критика історичного досвіду) – К.: АРС-КРАІЕ, 1996; Кремень В.Г., Ткаченко В.М. Україна: шлях до себе. – К., 2001; Кудін О.В. Якою бути нашій Україні? – К., 1994; Україна 2000 і далі: геополітичні пріоритети та сценарії розвитку. – К.: НІСД, 1999.
24. Маркс К. Капитал. Т. 3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. – с. 357.
25. См.: Вісник НБУ. № 7/99, июль 1999. – с. 3.

26. Вопрос о сущностной характеристике партии социального прогресса ранее рассматривался нами. См.: Воловик В.І. Партій багато, партії соціального прогресу немає // Віче, 2003. № 10; Философия истории. Курс лекций. – Запорожье: “Просвіта”, 2004. – с. 120-129.

Содержание

Раздел I.	Методологический аспект философии политического сознания	3
	1. К вопросу о содержании понятия «политика»	3
	2. Политическая наука и философия	9
	3. Философия политического сознания: объект и предмет исследования	14
Раздел II.	Генезис политической мысли и ее философская рефлексия	16
	1. У истоков философии политического сознания	16
	2. Философско-политические взгляды мыслителей средневековья и эпохи Возрождения	22
	3. Философско-политическая мысль XVII — первой половины XIX вв.	26
	4. Развитие политической мысли и ее философская рефлексия во второй половине XIX — XX вв.	33
Раздел III.	Основные понятия философии политического сознания	43
	1. Политическое бытие и политическое сознание	43
	2. Политическое пространство и политическое время	56
	3. Политическая власть	62
Раздел IV.	Политический процесс и его специфика	70
	1. Сущность и содержание политического процесса	70
	2. Источники и движущие силы политического процесса ...	77
	3. Необходимость и случайность, возможность и действительность в политическом процессе	90
	4. Эволюция и революции, классы и нации в политическом процессе	100
Раздел V.	Политическая культура	111
	1. Феномен политической культуры	111
	2. Традиции и новаторство в развитии политической культуры	117
	3. Повышение уровня политической культуры как общий критерий поступательного развития политического сознания	122
Раздел VI.	Состояние политической культуры современного украинского общества и детерминанты оптимизации развития политического сознания	126
	1. Политическая культура украинского общества в контексте мирового политического процесса	126
	2. Отечество для народа Украины	139
	3. Детерминанты оптимизации развития политического сознания украинского общества	144
	Цитируемая литература	157

